

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический
университет»

На правах рукописи

БОЙКОВА Татьяна Анатольевна

**ЛИЧНОЕ ИМЯ КАК ОБЪЕКТ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ МЕТАЯЗЫКОВЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель -
доктор филологических наук, профессор
Крюкова Ирина Васильевна

Москва – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	4
Глава I.	Языковая рефлексия как предмет сопоставительного ономастического исследования	13
1.1.	Научные подходы к исследованию языковой рефлексии	13
1.1.1.	Коммуникативно-прагматический подход	15
1.1.2.	Социолингвистический подход	18
1.1.3.	Психолингвистический подход	23
1.1.4.	Языковая рефлексия в ономастике	27
1.2.	Антропонимы как объект языковой рефлексии	32
1.2.1.	Эволюция взглядов на антропонимы	35
1.2.2.	Место антропонимов в ономастическом поле	42
1.2.3.	Социокультурная специфика русских и американских антропонимов	46
1.3.	Антропонимы с точки зрения ценностного отношения носителей лингвокультуры	62
	Выводы по первой главе	68
Глава II.	Социокультурные особенности языковой рефлексии на личные имена	71
2.1.	Процедура отбора материала и методика анализа	71
2.2.	Языковая рефлексия русских и американских именуемых субъектов	76
2.2.1.	Номинативная ситуация «наречение именем»	76
2.2.2.	Номинативные интенции имядателей	100
2.3.	Языковая рефлексия русских и американских носителей имени	119
2.3.1.	Позитивные оценки личных имен	122
2.3.2.	Негативные оценки личных имен	133
2.3.3.	Номинативные неудачи в имянаречении	140
	Выводы по второй главе	150

Заключение	153
Литература	159
Лексикографические источники	174
Источники иллюстративного материала	175
Приложения	180

Введение

Настоящая работа посвящена сопоставительному исследованию метаязыковых высказываний представителей русской и американской лингвокультуры, в которых содержится языковая рефлексия на личные имена имядателей и носителей имени.

Личные имена относятся к актуальным, когнитивно и эмоционально значимым языковым единицам, выбор и употребление которых постоянно оценивается обществом, что находит отражение в разнообразных в способах языкового выражения эмоционально-оценочного к ним отношения. Исследование данной проблемы предполагает обращение не только к теории имени собственного, но и к современным положениям коммуникативно-прагматической лингвистики, социолингвистики, психолингвистики и сопоставительной лингвокультурологии.

Степень разработанности проблемы. Языковая рефлексия как лингвистическое явление исследуется многими учеными на протяжении последних десятилетий. Программой можно считать работу И. Т. Вепревой, «Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху» (2002), посвященную оценкам и суждениям об актуальных лексических единицах в современных средствах массовой информации, которые анализируются в рамках особого типа метаязыкового дискурса. Отдельные положения исследований, посвященных более широкой проблематике, затрагивают некоторые аспекты языковой рефлексии с позиции разных направлений современного языкознания: коммуникативно-прагматической лингвистики (В. И. Карасик, В. Б. Кашкин, А. Д. Васильев и др.), психолингвистики (А. А. Леонтьев, А. А. Залевская и др.), социолингвистики (Н. Б. Мечковская, Л. П. Крысин и др.). При этом не учитываются метаязыковые высказывания, содержащие оценку имен собственных.

Между тем имена собственные как языковые единицы, значимые в национально-культурном и социальном плане, часто становятся объектом

метаязыковых высказываний. Некоторые отдельные наблюдения за оценочными высказываниями, посвященными личным именам, встречаем в работах А. В. Суперанской, Н. В. Васильевой, М. В. Голомидовой, Б. С. Шварцкопфа, З. С. Санджи-Гаряевой и др. Подходы к исследованию языковой рефлексии на собственные имена намечены И. В. Крюковой. Некоторые из этих подходов использовались при анализе метаязыковых высказываний, содержащих оценку рекламных имен (О. В. Врублевкая) и школьных прозвищ (И. С. Стаханова). При этом специальных сопоставительных исследований, посвященных языковой рефлексии на личные имена, не проводилось.

Актуальность исследования определяется следующими моментами:

1) национально-культурной и социокультурной значимостью личного имени в русской и американской лингвокультурах;

2) недостаточной изученностью антропонимов с учетом последних достижений социолингвистики, коммуникативно-прагматической лингвистики и сопоставительной лингвокультурологии:

- с позиции номинативных интенций именуемого субъекта,
- с учетом ситуации, в которой происходит присвоение имени человеку,
- с учетом отношения к имени его носителя.

Объект исследования – метаязыковые высказывания (рефлексивы) носителей русской и американской лингвокультуры, в которых указываются причины выбора имени ребенку, а также даются разнообразные оценки личного имени.

Предмет исследования – социокультурные особенности отношения к личным именам, зафиксированные в рефлексивах именуемого субъекта и именуемого.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: метаязыковые высказывания русских и американских имядателей и носителей имени отражают социокультурные особенности ситуации наречения именем, содержат информацию о номинативных интенциях имядателей и об отношении к именам их носителей, что позволяет выявить общие и различительные признаки

ценностного восприятия личных имен представителями неблизкородственных лингвокультур.

Цель исследования – выявление универсальных и культурно-специфичных особенностей процесса присвоения и особенностей восприятия личного имени, отраженных в метаязыковых высказываниях русских и американцев.

В соответствии с целью поставлены следующие *задачи*:

- 1) определить понятие языковой рефлексии применительно к личным именам;
- 2) описать структуру номинативной ситуации «наречение именем» в русской и американской лингвокультурах;
- 3) охарактеризовать и сравнить мотивы наречения именем, представленные в рефлексивах русских и американских именуемых субъектов;
- 4) проанализировать ценностное отношение к личному имени, представленное в рефлексивах русских и американских носителей имени;
- 5) выявить причины несовпадения номинативных интенций имядателей и ценностного отношения российских и американских носителей имени.

Теоретическая база исследования – работы русских и зарубежных исследователей:

– по ономастике, посвященные проблемам теории имени собственного (В. Д. Бондалетов, Н. В. Васильева А. В. Суперанская, В. И. Супрун, И. В. Крюкова, Т. В. Хвесько, Р. Dickson, A. Gardiner, V. Langendok и др.), а также анализу русских и англоязычных антропонимов как разряда имен собственных, занимающего центральное место в ономастическом поле (И. В. Гайдук, С. И. Гарагуля, М. В. Голомидова, О. А. Леонович, И. А. Королева, М. Э. Рут, И. С. Стаханова, E. D. Lawson, W. Nicolaisen, J. K. Skipper и др.);

– по прагмалингвистике и лингвокультурологии, посвященные анализу взаимоотношений автора и адресата, прагматического контекста и коммуникативных ситуаций в их соотношении с особенностями лингвокультуры (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, В. Б. Кашкин, В. Н. Телия, В. И. Шаховский, Т. А. ван Дейк и др.);

– по социолингвистике, направленные на исследование социальной обусловленности языковой рефлексии (И. Т. Вепрева, В. И. Карасик, Л. П. Крысин, Н. Б. Мечковская, D. Crystal и др.);

– по психоллингвистике, посвященные проблемам порождения и восприятия высказывания (Л. С. Выготский, А. А. Залевская, А. А. Леонтьев, А. Garnham и др.).

Материалом исследования послужили:

1. Результаты опроса русских и американских респондентов, который производился в форме свободных бесед, через Интернет, в форме рассылки анкет на международном ресурсе Facebook, а также с помощью программы для создания интернет-опросов и составления анкет surveymonkey.com. Всего было опрошено 518 респондентов (из них 275 русских и 243 американца).

2. Метаязыковые высказывания американцев в блогах англоязычных пользователей сети Интернет на специализированных сайтах <http://www.babynamewizard.com> и <http://nameberry.com>, посвященных личным именам. Метаязыковые высказывания русских на таких форумах, как «Семейный форум» <http://forum.familyclub>, «Женский форум» <http://jenskiyforum.ru>, <http://www.baby.ru> и других, имеющих специальные рубрики, посвященные обсуждению личных имен. Всего было проанализировано 262 рефлексива из интернет-источников.

Таким образом, для анализа было привлечено 780 метаязыковых высказываний, содержащих языковую рефлексия именителей и носителей имени (из них 418 русских и 362 американца). Во всех рефлексивах сохранены авторский стиль, орфография и пунктуация.

В качестве дополнительного материала использовались публицистические тексты – фрагменты интервью, в которых интервьюируемые (в большинстве своем известные люди) рассказывают о мотивах, которыми они руководствовались при наречении именем ребенка, или об отношении к своему имени.

Для описания структуры коммуникативной ситуации «наречение именем» в русской и американской лингвокультурах и выявления мотивов наречения именем, представленных в рефлексивах именуемых субъектов и носителей имени, использовались следующие **методы** научного исследования: общенаучный описательный метод, представленный приемами наблюдения, классификации, интерпретации и обобщения; сравнительно-сопоставительный метод; комплексная социолингвистическая методика опроса, включающая свободную беседу, анкетирование и опрос через Интернет; контекстуальный анализ текстов различных жанров, содержащих языковую рефлексию на употребление личных имен (Интернет-общение, публикации в СМИ) и прием количественных подсчетов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Языковая рефлексия в антропонимии рассматривается как ценностное отношение представителей определенной лингвокультуры к личным именам, отраженное в метаязыковых высказываниях (рефлексивах) имядателей и носителей имени. Данные метаязыковые высказывания содержат эмоциональную оценку личного имени, которая позволяет определить основные ценности общества и его традиции в сфере имянаречения.

2. В метаязыковых высказываниях имядателей отражены социокультурные особенности номинативной ситуации «наречение именем», которая относится к типизированным номинативным ситуациям и может быть представлена в виде последовательных действий основных ее участников: определение именуемого субъекта, имеющего право на имянаречение, утверждение имени в семье, законодательное закрепление имени в органах власти. Наблюдается зависимость формы и содержания рефлексивов не только от принадлежности к определенной лингвокультуре, но и от пола, возраста, уровня образования и психологических характеристик имядателя.

3. Языковая рефлексия имядателей позволяет определить интенциональность имянаречения. Основной мотив в номинативной деятельности русских имядателей – эстетические предпочтения и

оригинальность имени. Для американских имядателей ведущий мотив – стремление назвать ребенка в честь кого-либо из родственников, а также избежать сложных звуковых и буквенных сочетаний.

4. Языковая рефлексия носителей имени позволяет выявить их ценностное отношение к именам. Оценивая свои имена позитивно, носители русской лингвокультуры отмечают в основном благозвучие и словообразовательные возможности имени, а также редкость имени и привлекательность этимологии. Носители американской лингвокультуры высоко оценивают, в первую очередь, связь имени с семейными традициями, редкость имени и удобопроизносимость, а также возможность персонифицировать себя с помощью имени. Метаязыковые высказывания негативного характера у носителей русской лингвокультуры связаны, в первую очередь, с неблагозвучностью и трудностью произнесения имени, с негативными коннотациями и нежелательными деривационными вариантами имени, а негативное отношение носителей американской лингвокультуры – с неявно выраженной гендерной принадлежностью имени, с его чрезмерной распространенностью, а также со сложностью в произношении имени. Это свидетельствует о приоритете эстетического компонента при оценке личных имен русскими и прагматического – американцами.

5. Несовпадение номинативных интенций имядателей и оценки имен их носителями можно квалифицировать как номинативную неудачу в ситуации «наречение именем». Номинативные неудачи могут быть обусловлены языковыми, лингвокультурными, прагматическими или психологическими причинами. Имя часто воспринимается негативно в подростковом или юном возрасте. С возрастом и русские, и американские носители имен меняют негативное отношение к своим именам на нейтральное или даже позитивное.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем уточнены характеристики языковой рефлексии применительно к антропонимам и выявлена социокультурная специфика языковой рефлексии на личные имена, что представляет определенный интерес для дальнейших сопоставительных исследований, выполняемых на стыке и пересечении ономастики с

социолингвистикой, лингвокультурологией, психолингвистикой и прагмалингвистикой. Кроме того, представленный в работе подход к анализу метаязыковых высказываний может представлять интерес при исследовании языковой рефлексии в ономастике с применением представленного подхода для анализа имен собственных других разрядов.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней в качестве объекта языковой рефлексии впервые рассматриваются личные имена, функционирующие в русской и американской лингвокультурах, исследуются социокультурные характеристики языковой рефлексии как имядателя, так и носителя имени. Выявляются универсальные и культурно специфические особенности ситуации «наречения именем», мотивов имянаречения, ценностного отношения к личным именам и причины номинативных неудач, обусловленные несовпадением номинативных интенций имядателей и оценкой имен их носителями.

Практическая ценность работы определяется возможностями использования полученных результатов в практике вузовского преподавания языкознания, лингвокультурологии, страноведения, в спецкурсах по ономастике, социолингвистике и психолингвистике, при изучении русского и английского языков как иностранных, при разработке тем курсовых и дипломных работ. Понимание социокультурной специфики имянаречения и восприятия личных имен может способствовать облегчению процесса межкультурной коммуникации с носителями языка.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались на аспирантском семинаре при кафедре языкознания ВГСПУ и на заседаниях научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» ВГСПУ (2013-2016 гг.). Основные результаты исследования докладывались на Международных научных конференциях: «Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики» (Волгоград, 2013), «Ономастика Поволжья» (Ярославль, 2012; Тверь, 2014), «Проблемы общей и региональной ономастики» (Майкоп 2014, 2016), «Язык и репрезентация культурных кодов» (Самара 2015), на

Международном on-line семинаре молодых исследователей «Городской ономастикон» (Волгоград, 2015). Апробация результатов исследования осуществлялась также в рамках коллективного научного проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом (грант № 15-34-01008 «Социоономастика: имена собственные в макро- и микросоциуме», руководитель – И.В. Крюкова). Содержание работы отражено в 10 публикациях общим объемом 3,5 п.л., из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы (167 наименований), списка лексикографических источников (14 наименований), источников иллюстративного материала и приложения.

Во **введении** определяются объект, предмет, цель, задачи исследования, обосновывается его актуальность, описываются методы исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы.

В **первой главе** «Языковая рефлексия как предмет сопоставительного ономастического исследования», состоящей из трех частей, рассматривается языковая рефлексия как ценностное отношение к фактам языка его носителей с позиции различных научных подходов: коммуникативно-прагматического, социолингвистического, психолингвистического и ономастического. Дается характеристика антропонимам как именам собственным, актуальным для исследования языковой рефлексии: рассматривается место антропонимов в ономастическом поле и сравниваются русская и американская антропонимические системы.

Вторая глава «Социокультурные особенности языковой рефлексии на личные имена», состоящая из четырех частей, представляет анализ метаязыковых высказываний русских и американских имядателей и носителей имени, полученных при помощи разных видов опроса и контекстуального анализа интернет-коммуникации. Полученные данные позволили определить особенности имянаречения у представителей русской и американской

лингвокультур, сделать выводы об интенциональности имянаречения и об отношении к личным именам русских и американцев, а также выявить номинативные неудачи, при которых интенции имядателя и личные вкусовые предпочтения носителя имени не совпадают.

В заключении диссертации подводятся основные итоги и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

В приложениях приводятся образцы анкет для интернет-опроса.

Глава I. Языковая рефлексия как объект сопоставительного ономастического исследования

1.1. Научные подходы к исследованию языковой рефлексии

Исследование особенностей языковой рефлексии, понимаемой как выраженное в тексте отношение к любым языковым проявлениям, является одной из актуальных проблем современного языкознания. Изучением этого явления занимались такие ведущие ученые, как В. И. Карасик, З. С. Санджи-Гаряева, И. Т. Вепрева, М. В. Ляпон, Б. С. Шварцкопф и др.

Изучая понятие языковой рефлексии, ученые трактовали его по-разному. Языковая рефлексия в широком понимании этого термина рассматривается А. Д. Васильевым как «рефлексия по отношению ко всему, что имеет какое-либо отношение к языку и его использованию» [Васильев, 2000, с. 31]. Исследователи рассматривают языковую рефлексия не только на отдельные слова. Например, Е. И. Шейгал в классификацию рефлексивов включает и метаязыковой комментарий целого текста [Шейгал, 2000, с. 237].

Явление рефлексии Б. С. Шварцкопф рассматривает в аспекте культуры речи как оценку речи. Автором подробно описаны признаки эксплицитно выраженных оценок речи, среди которых выделяется: связь оценок речи с метафункцией языка, нарушение автоматизма речевой деятельности средств на практике, интуитивный характер оценок, произвольный характер оценок речи и эксплицитный характер оценок речи [Шварцкопф, 1996, 417].

М. В. Ляпон исследует языковую рефлексия в более широком плане, пытаясь «осмыслить закономерности рефлектирующей деятельности субъекта, <...> когда он выступает интерпретатором своего конкретного речевого поступка, своего словесного выбора, утверждает свои принципы пользования языком или синтезирует образ себя как носителя языка, производителя текста» [Ляпон, 1989, с. 24]. По мнению автора, в эмоциональных оценках чаще всего встречаются глаголы люблю – не люблю, нравится – не нравится,

«подсказывающие выбор лексических средств, грамматической модели, композиционный рисунок фразы, синтаксический строй» [Там же, с. 27].

На важность рефлексии производителя речи обращает внимание З. С. Санджи-Гаряева. Она считает, что «в ряду проблем антропологической лингвистики важное место занимает изучение языковой рефлексии говорящего (пишущего)» [Санджи-Гаряева, 1999, с. 275]. Под языковой рефлексией автор понимает «оценочно-аналитическое отношение к своей и чужой речи, имплицитно и эксплицитно выраженное в тексте» [Там же].

В. И. Карасик отмечает, что «это явление неоднократно было предметом исследования в философии и психологии. Основные результаты изучения этого феномена в тезисной форме сводятся к противопоставлению интеллекта и ощущений как оснований для осмысления, к признанию того, что интеллектуальное познание базируется на тех же принципах, что и сенсорное (Дж. Локк), и к констатации того, что специфика собственно интеллектуального постижения вещей состоит в выделении существенных, ненаблюдаемых и функционально обусловленных признаков» [Карасик, 2014, с. 131]. По определению, данному В. И. Карасиком, «рефлексия – интеллектуальное осмысление действительности – является важным компонентом познания и поэтому находит множественное и вариативное выражение в языке» [Там же].

Наиболее полно феномен языковой рефлексии рассмотрен в исследовании И. Т. Вепревой, посвященном оценкам и суждениям о слове в современных средствах массовой информации. Автор говорит о возможности аспектной интерпретации метаязыковых высказываний. «Так, психолингвистика и когнитология изучают метаязыковое сознание через речемыслительную деятельность индивида; социолингвистическое направление, развивая плодотворную идею взаимодействия внутренних и внешних факторов, выделяет метаязыковое сознание в качестве ключевой переменной, влияющей на языковое развитие, рассматривает рефлексив как экспликатор социальных параметров текущей языковой жизни; лингвистика подходит к рефлексивам как к вербализованной речевой материи метаязыкового сознания» [Вепрева, 2005, с.

10]. Обратим внимание на то, что автор, исследуя языковую рефлексию, выделяет особый тип метаязыкового дискурса, единицей которого является метаязыковое высказывание, названное рефлексивом. Под рефлексивом, вслед за И. Т. Вепревой, будем понимать «метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы» [Там же, с. 76]. По наблюдениям автора, интенсивные процессы в обществе и языке обостряют языковую рефлексию носителя языка. Современная речь изобилует рефлексивами.

Принимая во внимание приведенные выше высказывания о языковой рефлексии, рассмотрим далее данный лингвистический феномен с точки зрения различных исследовательских подходов: коммуникативно-прагматического, социолингвистического, психолингвистического и ономастического.

1.1.1. Коммуникативно-прагматический подход

Языковая рефлексия с позиций коммуникативно-прагматической лингвистики рассматривается В. И. Карасиком. Автор разделяет профессиональную и непрофессиональную языковую рефлексию и отмечает, что «наряду со специализированной профессиональной рефлексией по поводу языка существует непрофессиональная рефлексия, объектом которой являются языковые единицы, требующие истолкования, и коммуникативные поступки, допускающие неоднозначную оценку» [Карасик, 2014, с. 143].

К примерам подобного рода В. И. Карасик относит народную этимологию, которая, как правило, не имеет ничего общего с научной этимологией: «Так, в слове «радость» выделяется первый слог, который произвольно сближается с именем древнеегипетского бога солнца Ра, что не выдерживает критики прежде всего потому, что египетские фонограммы строились на консонантной основе, и их вокализация в известной мере условна» [Там же, с. 134].

Подобные примеры народной этимологии, которая преподносится широкой общественности как научная, встречаются в монологах М. Задорнова:

«Но, самое главное, ради чего можно все это рассказывать, это обратное слову "ар", это слово "ра". Ра – означало солнечный свет. Отсюда Радость, достать Ра. Радушный, светлой души человек. Разумный – просветленный ум. Умный, разумный – это разные люди. Умный – это тот, который много знает, разумный – тот, который понимает то, что он знает. У нас очень много ученых, большинство из них умные. Интересно, что наша река Волга называлась рекой Ра, а земля вокруг реки – Рассея, сияние с Ра. Удивительно, как многие языки в русском языке становятся понятны, если знать значения их природных корней. Например, "Рано". Ра-но. Нет Ра еще. Но Ра! Нет Ра, там, под землей темновато. "Хондра" – хана свету. И наконец, "веРА", "эРА", "Рай" и самое главное – наше родное славянское "Ура". Вот почему нельзя победить славян на их территории, потому что мы Ура! – и все, ребята» [АО].

В. И. Карасик отмечает, что «в этой связи представляет интерес обиходное осмысление языка» [Карасик, 2014, с. 122]. Такая «наивная» лингвистика как рефлексивное осмысление фактов языка без учета научного взгляда привлекала внимание таких специалистов, как В. Б. Кашкин, Н. Д. Голев, Д. Ю. Полиниченко. Эта область знания получила название «бытовая философия языка» [Кашкин 2002, 2009].

В. Б. Кашкин пишет, что «размышления о языке свойственны не только профессиональным лингвистам, наивный пользователь также думает о языковых процессах» [Кашкин, 2002]. К «наивным пользователям» автор причисляет студентов, преподавателей, журналистов, переводчиков, писателей и т.п. Автор отмечает, что «металингвистическая функция, таким образом, является не столько функцией языка, сколько частью деятельности его носителя» [Там же].

Другим примером языковой рефлексии можно считать обсуждение графики, орфографии и словоупотребления в Интернете. В. И. Карасик приводит пример обсуждения оценочного отношения к букве «Ё» на форуме «Русский язык»: «Евгений: Любой первоклассник знает, что в русском алфавите 33 буквы, включая букву ё. Так почему же несчастную ё никто не пишет? Я бы понял, если бы не было технической возможности. Но на любой современной компьютерной

клавиатуре такая клавиша есть. При книгопечатании, я читал, это тоже не проблема» [Карасик, 2014, с. 137]. В приведенном примере носитель языка не только высказывает эмоционально-оценочное отношение к одной из актуальных проблем русского алфавита, но и дает советы по исправлению существующей ситуации, что в целом характерно для рефлексивов подобного рода.

Кроме того, к языковой рефлексии в коммуникативно-прагматическом аспекте можно отнести анализ действия в массовом сознании определенных стереотипов относительно оценок языков (родной язык красив, чужие звучат некрасиво) и изучения иностранных языков (знание языка есть знание слов на этом языке). К примерам языковой рефлексии можно отнести и споры на различных форумах по поводу заимствований в русском языке. Высказываются мнения как за, так и против заимствований. Следующие примеры наглядно иллюстрируют мнения участников обсуждения:

«Наш язык очень красив. Можно найти много синонимов заимствованных слов, но на родном языке. Для сравнения, к примеру, английский не настолько богат (занимаюсь переводом). Просто я заметила одну особенность: слова русского языка звучат более просто и обыденно, чем заимствованные. Некоторые люди пытаются показать заимствованием слов свою обособленность, но, на мой взгляд, это звучит смешно. Это показывает безграмотность, или нежелание думать» [ТВ].

У некоторых посетителей форума есть и противоположные мнения: *«Не считаю заимствования главной бедой нашего великого и могучего. В общем-то, даже бедой как таковой не считаю. Язык – явление живое, и, как всему живому, ему трудно что-то "запретить". Лучше не мешать ему жить. Можно, конечно, потратить энергию депутатов на очередной гениальный законопроект и запретить, к примеру, употребление в СМИ, в документации слов иностранного происхождения. Но где критерий, и к чему это приведет? Лексика русского языка пополнялась заимствованиями, которые наше ухо на сегодняшний день отнюдь не шокируют. И "дуэли", и "ликвидации" язык как-то пережил. Считаю, что переживет и "шоппинг", и "мерчендайзера". Что-то*

войдет в лексику, что-то видоизменится под более привычную норму произношения. А что-то канет в Лету» [ТВ].

Несмотря на противоположность подобных рефлексивов, на субъективность содержащихся в них оценок, все они характеризуют наиболее значимые лингвистические проблемы, на которые активно реагирует коллективное метаязыковое сознание носителей определенной лингвокультуры.

Таким образом, большое внимание с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода уделяется такому явлению, как рефлексия наивного носителя. Она проявляется в таких аспектах, как народная этимология и эмоциональная оценка фактов языка.

1.1.2. Социолингвистический подход

Языковая рефлексия с позиций социолингвистики изучалась такими известными учеными, как И. Т. Вепрева, Н. Б. Мечковская, Т. В. Шмелева, В. И. Беликов, Л. П. Крысин и др.

Указывая на важность социолингвистических исследований в этой области, И. Т. Вепрева отмечает, что «изучение метаязыкового обыденного сознания, субъективной оценки говорящего в процессе его самовыражения находится в исследовательской сфере широкого понимания социолингвистики» [Вепрева, 2005, с. 61].

Обратившись к истории исследования проблемы рефлексии в социолингвистике, автор пишет, что «интерес к изучению взаимосвязи языкового сознания и социальных факторов возникал на разных этапах развития социолингвистики. Современная социолингвистика в этом вопросе опирается на работы ученых XIX века – А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Потебни. На рубеже XIX-XX веков особо значимыми для социальной лингвистики оказались работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, который проявлял интерес к социолингвистической проблематике в своих теоретических разработках» [Вепрева, 2005, с. 62].

Говоря о том, что рефлексивы относятся к кругу вопросов социолингвистики, И. Т. Вепрева отмечает, что «высказывания-рефлексивы погружены в определенный общекультурный, конкретно-ситуативный, собственно лингвистический контекст и описывают некоторое положение вещей» [Вепрева, 2005, с. 8].

Данный аспект языковой рефлексии рассматривается также Н. Б. Мечковской, которая, рассуждая о важности процесса рефлексии в языке, писала: «Рефлексивность языка (т.е. возможность мысли и речи о языке с помощью его же лексико-грамматических средств) – это одна из тех семиотических универсалий, которая отличает язык людей от языка животных. Метаязыковые операции осуществляются на базе левого ("рационального") полушария. В онтогенезе современного человека факты метаязыковой рефлексии возможны на третьем-четвертом году жизни и обычны начиная с пятого-шестого. Это внимание к языку проявляется в сопоставлении слов, исправлении чужой и своей речи, в языковых играх, в комментировании речи» [Мечковская, 2000, с. 18-19].

Рассуждая о разнообразии ситуаций, в которых могут использоваться метаязыковые высказывания, Н. Б. Мечковская обращает внимание на то, что «говорящие также могут оценивать слово или его уместность в речи, мотивировать свой выбор решения, подчеркнуть индивидуальные оттенки смысла» [Мечковская, 2000, с. 20]. Автор рассматривает метаязыковое назначение таких вводных клише, как «<...> фигурально выражаясь, как говорится, выражаясь высоким штилем, широко говоря, что называется, как говорят военные, было бы грубостью называть это [так-то], извините за выражение, если говорить прямо, собственно говоря, по правде сказать, по счастливому выражению [такого-то], если угодно, и т.п.» и называет их «"текущими" вставными характеристиками речи самим говорящим». Для примера автор приводит высказывание – «Это, если угодно, настоящая капитуляция» – и делает вывод, что «говорящий подчеркивает раскованность,

переносный характер и вместе с тем точность употребления слова капитуляция» [Там же].

В данной связи уместно замечание Т. В. Шмелевой о том, что «предмет языковой рефлексии может быть и более масштабным, – языковая ситуация в целом, см. например: "мы живем в стране взорванного политического словаря"» [Шмелева, 1999, с. 109]. Таким образом, объектом языковой рефлексии становятся не только изолированные слова, словосочетания или целые тексты, но и весь комплекс социальных условий, в которых они употребляются.

В своих дальнейших рассуждениях Н. Б. Мечковская к метаязыковым средствам относит также «все те лексико-грамматические средства, с помощью которых люди говорят и пишут о языке, – средства различения «своей» и «чужой» речи, обозначения процессов и участников речевого общения, названия проявлений речи (слово, пословица, диктант...), языковедческой терминологии» [Мечковская, 2000, с. 20].

Отмечая тесную связь метаязыкового сознания и динамики социальной жизни, И. Т. Вепрева рассматривает проблему соотношения диахронии и синхронии, которые отражают еще один круг вопросов социолингвистики процесса социального развития языка. По аналогии с расчленением общей лингвистики на синхронную и диахронную, автор относит метаязыковое сознание и рефлексивы к проблематике диахронной социолингвистики. Здесь мы имеем дело с особым пониманием диахронии.

В лингвистике XX века термины «синхрония» и «диахрония» прочно вошли в научный обиход, но ученые видоизменили и уточнили понимание и применение этих терминов. Так, «Словарь социолингвистических терминов» определяет синхронную (синхроническую) социолингвистику как «направление социолингвистики, изучающее отношения и процессы, касающиеся связей языка и общества в тот или иной момент их развития. Отношения характеризуют статику этих связей, а процессы – их динамику» [ССТ, 2006, с. 193]. Подобное определение синхронической социолингвистики с выделением отношений и процессов, связывающих язык и общество в статике и динамике, дают В. И.

Беликов и Л. П. Крысин. Среди задач синхронической социолингвистики авторы выделяют следующие: «изучение языковой социализации, освоение языка в связи с освоением системы социальных ролей, овладение основами "ситуативной грамматики"» [Беликов, Крысин, 2001, с. 170-171].

Рассуждая о соотношении терминологических словосочетаний «носитель языка» и «носитель социальных характеристик», В. И. Беликов и Л. П. Крысин утверждают, что оно «не связано с какими-либо процессами, протекающими во времени. Это некая данность. Но исследовать особенности использования языка людьми, которые обладают разными социальными характеристиками, можно, только выйдя за пределы этой данности и наблюдая процесс речевого общения. Статика сменяется динамикой» [Там же].

Вслед за В. В. Волковым, И. Т. Вепрева утверждает, что «отражение вектора времени от настоящего к будущему легло в основание подхода, названного «динамической синхронией», «призванного установить те живые процессы в современном языке, которые отражают его развитие от настоящего к будущему» [Вепрева, 2005, 68]. Автор также отмечает, что «диахронический подход получает в литературе расширительное толкование, предлагается вместо традиционной оппозиции ввести триахроническую структуру настоящее, прошлое, будущее» [Там же].

В «Словаре социолингвистических терминов» находим следующее определение диахронической социолингвистики: «раздел социолингвистики, исследующий корреляцию собственно языковых и экстралингвистических параметров в динамике. Диахроническая социолингвистика устанавливает связи между фактами истории языка и фактами истории общества, в котором функционирует данный язык» [ССТ, 2006, с. 59].

Однако противопоставление статистики и динамики при определении синхронической и диахронической лингвистики оснута дискуSSIONным. Ссылаясь на таких ученых, как В. В. Колесов, Т. В. Булыгина, К. С. Шаумян, Э. Сепир, И. Т. Вепрева утверждает, что «синхроническая точка зрения на язык как на статическое явление давно себя дискредитировала» [Вепрева, 2005, с. 67].

Это подтверждает Е. С. Кубрякова, отмечая, что динамика в языковой системе проявляется не только в результатах преобразований, «но и в их протекании, в ходе подготовки изменения и его распространения» [Кубрякова, 1968, с. 120]. По мнению автора, «синхронию и диахронию следует уподоблять не моментальному снимку, а киноплёнке, на которой можно запечатлеть и покой, и движение» [Там же, с. 122].

Проводя границы между синхроническими и диахроническими исследованиями, В. И. Беликов и Л. П. Крысин утверждают, что в случае, если «исследование основывается на четком разграничении внутренних, присущих самому языку законов его развития, и внешних, социальных факторов, обуславливающих это развитие, и анализирует языковые изменения, показывая действие как тех, так и других, то такое исследование скорее всего должно быть отнесено к диахронической социолингвистике» [Беликов, Крысин, 2001, с. 170].

По мнению данных ученых, «целью социолингвистического изучения языка в диахроническом аспекте является установление связей между историей языка, изменениями, происходящими в нем в ходе исторического развития, – и историей общества, которое "обслуживается" данным языком, теми социальными, экономическими и культурными изменениями, которые характеризуют эволюцию данного общества и его институтов» [Там же].

Суммируя сказанное, отметим, что языковая рефлексия в социолингвистике не может изучаться опосредованно, вне контекста определенной культуры и языка. Также следует отметить, что метаязыковое высказывание всегда ситуативно. Такие ученые, как Н. Б. Мечковская и И.Т. Вепрева указывают на разнообразие подобных ситуаций. Особого внимания заслуживает рассмотрение метаязыкового высказывания в границах временных рамок. В связи с этим многие ученые стали рассматривать язык с точки зрения синхронической или диахронической социолингвистики.

1.1.3. Психолингвистический подход

Для нашего исследования представляют также интерес работы ученых, изучающих языковую рефлексивность с позиции психолингвистики. Рефлексивность над речью интересовала таких крупных ученых-филологов, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. Б. Шкловский, Л. П. Якубинский, и др. Среди ведущих психолингвистов, занимающихся данной проблемой, следует отметить А. А. Леонтьева, Л. С. Выготского, Г. И. Богина, А. А. Залевскую и др.

Важным считаем мнение И.Т. Вепревой, отмечающей, что «к проблеме того, как осуществляется переработка представлений о действительности, закрепление, накопление и хранение сведений о мире посредством языковых единиц, обращаются прежде всего психолингвисты» [Вепрева, 2005, с. 39].

Нельзя не согласиться с А. А. Леонтьевым, который говорил о важности рефлексивности говорящего над речью и утверждал, что «большинство психолингвистических методик <...> имеет рефлексивный характер, т.е. связаны с некоторыми суждениями испытуемых о своей речи или о языке» [Леонтьев, 2008, с. 154]. Рассматривая историю изучения рефлексивности, А. А. Леонтьев указывает, что первым, кто в лингвистике четко поставил проблему теоретического соотношения спонтанных и рефлексивных речевых процессов, был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Он «не только резко протестовал против отождествления психики и сознания, не только последовательно противопоставлял «языковое мышление» и «языковедное мышление» <...>, но и ввел очень важное понятие постепенной «автоматизации языковых функций» [Там же, с. 155].

Л. С. Выготский обратил внимание на языковую рефлексивность с точки зрения онтогенеза речи и процессов производства речи. Он связывает проблему осознанности речевых процессов с психологическим содержанием «обучения родному языку» [Цит. по: Леонтьев, 1997, с. 104]. По мнению Л. С. Выготского, «<...> ребенок владеет известными умениями в области речи, но он не знает, что он ими владеет. Эти операции не осознаны» [Выготский, 1956, с. 267].

Л. С. Выготский вводит три основных характеристики процесса овладения родной речью: произвольность, намеренность и сознательность. Эти три понятия близки, но не тождественны. Произвольность противопоставляется непроизвольности. Это способность субъекта по его выбору – в результате ориентировки в ситуации – осуществить или не осуществить то или иное действие, но не более того. Намеренность – это способность субъекта выбирать из ряда возможных действий, используя ориентировку в факторах, обуславливающих ситуацию выбора. Иначе говоря, понятие намеренности предполагает не просто «запуск» действия, а ориентировочную активность и цель действия. Сознательность – самое сложное из перечисленных понятий. Она предполагает, во-первых, представленность в сознании цели действия, во-вторых, способность принимать решение о действии по ходу его выполнения [Цит. по: Леонтьев, 1997, с. 104].

С позиции психолингвистики закономерна связь языковой рефлексии и языковой способности индивида. Так, Г. И. Богин отмечает, что метаязыковая деятельность является обязательным компонентом языковой способности носителя языка. «Рефлексия – универсальный признак собственно человеческого мышледействования, она течет непрерывно, она «размазана по всем тарелкам», но по воле человека она останавливается (фиксируется) и объективируется, превращаясь в другие организованности (инобытия, ипостаси)» [Богин, 1998, с. 63].

В этой связи уместно вспомнить замечание А. А. Залевской, которая рассуждала о разнице в речи ребенка и взрослого человека. Автор указывает, что «метаязыковую и метакогнитивную деятельность можно наблюдать у ребенка, осваивающего язык, однако при этом происходит переживание понятого, фиксируемое в "следах" памяти <...>» [Залевская, 1999, с. 35]. По мнению А. А. Залевской, «получаемые при этом продукты носят функциональный характер, они служат деятельностными ориентирами <...>» [Там же]. Автор считает, что «оказывается трудным соотносить такие ориентиры с правилами и лингвистическими терминами при школьном обучении языку» по той причине,

что ребенок зачастую выбирает «деятельностные ориентиры», удобные для него [Там же].

Анализируя речь взрослого человека, А. А. Залевская утверждает, что он «продолжает пользоваться не столько правилами, сколько функциональными ориентирами, позволяющими ему успешно справляться со многими проблемами при оперировании "расплывчатыми множествами" и решении "плохо сформулированных задач"» [Там же].

Говоря о видах рефлексивов, А. А. Залевская отмечает, что «представляется возможным говорить о «первичной рефлексии» при спонтанном осмыслении читаемого и о «вторичной рефлексии» при рассуждениях по поводу текста» [Залевская, 2001, с. 45]. Иначе говоря, можно выделить первичные и вторичные рефлексивы, различающиеся спонтанностью в первом случае и осознанностью, целенаправленностью, речевой оформленностью во втором.

А. А. Леонтьев проиллюстрировал вышесказанное следующими примерами: «...попав в ситуацию, обычно вызывающую аффективную реакцию, – мне причинили боль, меня оскорбили и т.д., – я могу произвольно затормозить свою реакцию, «взять себя в руки» и, скажем, смолчать, а не ответить таким же оскорблением. Это уже довольно высокая ступень регуляции собственного поведения. На еще более высокой ступени такой регуляции я не просто смолчу илиотреагирую, а – в соответствии с анализом ситуации и с намеченной целью – выберу оптимальный способ реагирования...» [Леонтьев, 1997, с. 105].

Зарубежные ученые А. Гарнхам и Т. Виноград тоже поддерживают мысль о ситуативности метаязыкового высказывания. По мнению А. Гарнхама, «в составе языковых знаний кроме фонологических, лексических и синтаксических знаний существуют еще семантические, прагматические и риторические. Автор особо выделяет также знания о целях людей, их желаниях и мнениях (beliefs) и т.п. [Garnham 1985]» [Цит. по: Залевская, 1999, с. 67].

С этим мнением согласуется высказывание Т. Винограда, который в базе знаний наряду со знанием языка и знанием о мире выделяет знание ситуации. А. А. Залевская уточняет, что «все эти три составляющие базы знаний автор

соотносят с текущими целями переработки знаний. Вслед за Т. А. ван Дейком, Т. Виноград разграничивает конвенциональное и личностное знание, социальную и эпизодную память, а также знания о мире и знания о дискурсе; автор выделяет общекультурные знания, социокультурные ситуации и коммуникативные ситуации [Winograd 1983]» [Цит. по: Залевская, 1999, с. 67].

Модель, предложенная Л.С. Выготским, явилась основополагающей для Е. С. Кубряковой. Автором была описана одна из интегративных моделей порождения речи. Так, Е. С. Кубрякова считает, что единицами мыслительной деятельности на стадии идей и замыслов являются энграммы, следы человеческого опыта, возникшие «как следствие отражения мира и деятельности по его познанию в человеческой голове, прежде всего образами вещей и предметов, людей и других живых существ, представлениями и т. п.» [Кубрякова, 1991, с. 57].

Обращаясь к языковой рефлексии с точки зрения психолингвистики, И. Т. Вепрева рассматривает этапы создания речевого высказывания и выделяет «четыре модуля, или внутренних механизма, речи, ответственных за следующие компоненты: 1) номинативный компонент в порождении речи, 2) синтаксический и трансфрастический, 3) морфологический, 4) озвучивание речи» [Вепрева, 2005, с. 42].

Обобщая существующие в психолингвистике представления о механизмах порождения высказывания, автор отмечает, что «каждое речевое высказывание является следствием реализации интенции говорящего. Именно она выступает в качестве вектора, определяющего настрой речевого акта. В модели порождения речи вслед за мотивационной стадией выделяется стадия замысла речи, которая связывается с предметным содержанием высказывания. Иногда мотив речи и замысел не противопоставляются и воспринимаются как сложное коммуникативно-прагматическое целое. Процесс мышления на стадии идей и замыслов имеет невербальный характер» [Там же, с. 41]. В дальнейшем, «для конструирования речевого высказывания необходима реорганизация невербальных концептов, для которой вводится понятие внутренней речи или

промежуточного языка. С нее начинается стадия речевого мышления, обязательная для порождения речи, идет процесс «ословливания» мысли» [Там же].

Таким образом, языковая рефлексия относится к одному из важных объектов исследования психолингвистики. Особое значение языковая рефлексия имеет при разработке моделей порождения речи. Кроме того, на языковую рефлекссию обращают внимание при изучении проблем онтогенеза, обучения родной речи и реакции на высказывание собеседника такие крупные ученые, как И. Т. Вепрева, А. А. Леонтьев, Л. С. Выготский, А. А. Залевская и др.

1.1.4. Языковая рефлексия в ономастике

Несмотря на существование различных подходов к исследованию языковой рефлексии, имена собственные практически не входят в круг анализируемых явлений.

Между тем, по справедливому замечанию Е. Л. Березович, ономастика является той языковой сферой, которая в наибольшей степени привлекает к себе внимание «общественности»; индивидуальность имени собственного вводит человека в особые «приватные» отношения с ним [Березович, 2001, с. 39]. Это дает основание предположить, что языковая рефлексия на имена собственные возникает чаще, чем на имена нарицательные.

И. В. Крюкова, исследуя рекламные имена, проанализировала ономастические рефлексивы – метаязыковые высказывания, содержащие оценочные суждения об именах собственных. По наблюдениям автора, «постоянно выдвигаются гипотезы относительно происхождения рекламных названий, мотивов именования и переименования, анализируются возможные ассоциации» [Крюкова, 2004, с. 164]. Результатом анализа стала классификация рефлексивов по субъекту речи (авторские и адресатные), по эмоциональной оценке имени (пейоративные и мелиоративные), по объему и структуре (первичные и вторичные) [Там же, с. 165-166].

Позднее И. В. Крюкова рассмотрела несколько направлений анализа языковой рефлексии в зависимости от разряда имени и от типа рефлексива. Так, авторские и адресатные рефлексивы в ономастике различаются по целевой установке. Задача авторских рефлексивов – эксплицировать процесс изобретения имени, дать ответ на вопрос, почему было дано именно это имя. Например, анализ авторских рефлексивов в антропонимии помогает выявить номинативные интенции родителей при выборе имени новорожденному. При этом анализ адресатных рефлексивов может демонстрировать совпадение/несовпадение номинативных интенций автора и адресата. Исследование мелиоративных и пейоративных рефлексивов в антропонимии не только помогает выявить особенности ономастического вкуса представителей той или иной социальной, возрастной, гендерной или этнической группы, но и определить соответствие формы имени коммуникативным обстоятельствам, в которых оно функционирует. И.В. Крюкова также отмечает, что «появление нового имени или названия рассматривается как событие, контролируемое и оцениваемое современным обществом» [Крюкова, 2012, с. 8-9].

Некоторые из этих положений были в дальнейшем разработаны на материале других групп имен собственных. О. В. Врублевская, исследуя адресатные рефлексивы на рекламные имена, предпринимает попытку определить эмоциональную составляющую названий улиц, праздников, магазинов, фирм и других групп названий.

Автор выявляет эмоции, вызываемые различными ономастическими единицами, а также средства выражения и описания этих эмоций. По данным автора, «иногда одни и те же названия вызывают прямо противоположные эмоции», например: *Смотрела сейчас рекламный проспект одного магазина... Очень много совершенно идиотских и туповатых названий брендов и продукции: Кефир "Искренне ваш", Пахлава "Остров Нефертити", Курица "Первая свежесть", Сыр копченый "Сырцееды" и т.п. Вас такие названия брендов раздражают, кажутся наивными попытками производителей выпендриться?)) Некоторые мне лично просто неприятны на слух.*

Однако не все авторские рефлексивы такие категоричные: *...меня не раздражают, а скорее удивляют или веселят*))) я сама пробовала придумать названия брендов и поняла, как это тяжело. А кажется – ничего нет проще! Так что написанные выше (курица "Первая свежесть", пахлава "Остров Нефертити", сыр копченый "Сырцееды" и т.п.) – это относительно оригинальные названия))) кефир "Искренне ваш" – как мило))) (<http://www.bolshoyvopros.ru/questions>) [Врублевская, 2013, с. 111].

Вслед за И. В. Крюковой, О. В. Врублевская различает рефлексивы по субъекту речи, эмоциональной оценке, объему и структуре. Она останавливается на рефлексивах по субъекту речи. Анализируя языковую рефлексивную рефлексию создателей названий музыкальных альбомов, О. В. Врублевская приходит к выводу, что «творческие личности пользуются любым моментом для привлечения внимания к своей продукции, разъясняя (в интервью, блогах) название музыкального альбома, которое часто носит символический характер» [Врублевская, 2011, с. 42]. Автор приводит следующие примеры из интервью с участниками различных групп, а также записей в блогах относительно историй создания названий музыкальных альбомов: *«Вы хотели назвать альбом "No Inhibitions"? – Вообще да, потому что, когда я решила выбрать название "No Inhibitions", оно отражало мои чувства. Я до сих пор считаю, что это отличное название, но многие сочли, что это слишком громко сказано. Я открыто выслушиваю творческую критику, так как я очень самостоятельная, мои уши ко всему прислушиваются, я всегда готова обдумать предложения, и я люблю получать отклики. Я всегда в поисках ответной реакции. У нас был список, состоящий из 30 названий. Мы просто не знали, как назвать альбом!* (<http://shania.net.ru/press-comeonover.php>)» [Там же]. Подонные авторские рефлексивы можно рассматривать как средство самовыражения языковой личности имядателя.

Таким образом, языковая рефлексивная на рекламные имена отражает субъективные представления о том, каким должно быть название, а при анализе значительного количества рефлексивов позволяет судить о языковом вкусе массового адресата.

К проблемам языковой рефлексии в ономастике обращается также И. С. Стаханова при исследовании школьных прозвищ. Рассматривая прозвища как периферийный разряд антропонимического субполя, И. С. Стаханова отмечает, что «процесс прозвищной номинации также представляет собой триединство: мотивы именуемого субъекта – наречение прозвищем – рефлексия именуемого субъекта, где все элементы взаимосвязаны между собой и одинаково важны» [Стаханова, 2011, с. 127]. Автором также выделяются два уровня восприятия прозвища его носителем, отраженное в оценочных высказываниях: «первый – спонтанное эмоциональное восприятие, второй – целенаправленная интерпретация – анализ прозвищного именованного адресатом, стремление понять мотивы именуемого» [Там же].

И. С. Стаханова указывает на связь официального имени и прозвища, считая, что в основе подобных случаев лежит «вербальная аналогия» [Стаханова, 2011, с. 99]. И иллюстрирует данную мысль следующими примерами: «<... личные имена и фамилии: Марчелло (Марк), Марго (Маргарита), Хельга (Ольга), Игнат (от фамилии Игнатъев), Филипп (Филипенко), Шифрин (от фамилии Ефимов), Жека (Анжелика), Людовик (Людмила)>» [Там же].

Анализируя школьные прозвища как объект языковой рефлексии, автор пишет о том, что прозвище может быть основано на негативном или позитивном отношении к адресату: «С целью выразить положительное или негативное отношение к учителю, школьники выбирают суффиксальный способ образования «заглазных» прозвищ. «У нас было два препода – Широков и Барабанов. Мы их называли Ширинка и Барабашка :) Но это было по-доброму! Хорошие препода были» [Стаханова, 2011, с. 100-101].

По данным И. С. Стахановой, «в рефлексивах носителей прозвищ находит отражение целый градационный ряд эмоций – от эмоций со знаком плюс до крайне негативных» [Стаханова, 2011, с. 130]. Автор рассматривает их в порядке градации от положительных к отрицательным: удовольствие, гордость, удивление, безразличие, неудовольствие, отчаяние, гнев.

И. С. Стахановой были отобраны примеры высказываний, иллюстрирующие наиболее сильные эмоции с положительным или отрицательным оценочным знаком. К примеру, данный рефлексив носителя прозвища иллюстрирует удовольствие: *«Как я люблю свое прозвище! Ну, Манька я, Манька... Зато те, кто меня так называют – мои друзья... Эт точно... Впрочем, в разных компаниях меня называют по-разному и все свои "имена" я люблю, так как в них есть нечто родственное и милое...»*. Следующее высказывание, наоборот, показывает, что прозвище вызывает у его носителя гнев: *«Меня трясло просто, когда меня Пузырем называли!! Сто раз по-хорошему просил! Кто не понял, я не виноват – 8 лет тэйквандо дали о себе знать моим обидчикам!»* [Там же].

В работах З. С. Санджи-Гараевой представлен несколько иной подход к анализу языковой рефлексии в ономастике. На материале художественной литературы она рассмотрела личные имена, фамилии и прозвища как один из объектов языковой рефлексии автора художественного произведения. Анализируя произведения Ю. Трифонова, З. С. Санджи-Гаряева приводит примеры прозвищ, в которых иронически обыгрывается внутренняя форма: «фамилия директора школы ассоциативно мотивируется сочетанием "мешки под глазами": ...почему-то казалось, что странная фамилия Мешковер происходит от мешков у него под глазами («Дом на набережной»). Фамилия одного из героев «Другой жизни» (Полыхаев) обыгрывается и превращается в «полузаяц»: ... верхняя губа задиралась немного больше, чем надо. Это была не настоящая заячья губа, но какой-то намек на заячью губу. Знаком 30-х годов является женское имя Мюда: ...там же, в мансарде, жила рыжеволосая Мюда, названная так в честь международного юношеского дня («Время и место»)). Анализируя произведения Ю. Трифонова, автор также отмечает, что «по прозвищам легко угадывается отношение (повествователя) к героям»: Тогда он был толстяком. Мы звали его Витучный (Витя + тучный) («Обмен») [Санджи-Гараева, 1999, с. 278].

Таким образом, языковая рефлексия в ономастике является недостаточно изученной областью. Однако следует отметить, что проведенные исследования свидетельствуют о многоплановости данной проблемы. В исследованиях современных ученых затронуты проблемы классифицирования рефлексивов, а также градации эмоций, которыми они были вызваны. Представляют интерес работы, в которых речь идет о языковой рефлексии на имена собственные разных разрядов (рекламные имена, антропонимы). При этом не во всех исследованиях вводится и обосновывается понятие языковой рефлексии применительно к ономастической лексике.

1.2. Антропонимы как объект языковой рефлексии

Рассмотрев языковую рефлексия с точки зрения ономастического подхода в целом, обратимся к изучению этого явления в антропонимии, так как антропонимы занимают центральное место в ономастическом пространстве в принципе любого языка.

Антропонимические рефлексивы являются когнитивно и эмоционально значимыми для носителей лингвокультуры. Личное имя – это маркер исторической эпохи и социального уклада общества, оно отражает духовные и морально-этические ценности того или иного общества. По словам Л. Б. Бойко, «антропоним живет в контексте конкретной культуры своей жизнью, подчиняясь правилам национального языка и чутко реагируя на динамику развития социума. Имя представляет собой тот кусочек мозаики из национальной картины мира, без которого она не только была бы неполной, но и невозможной» [Бойко, 2013, с. 17].

С точки зрения данного подхода к антропонимам С. И. Гарагуля выделяет антропонимическую идентичность, «для формирования которой важными являются языковая и культурная идентичности, так как имя – это, прежде всего, элемент языка и культуры» [Гарагуля, 2009, с. 20]. В качестве примера вариативности антропонимической идентичности автор приводит высказывание

на эту тему известного британского лингвиста В. Николайсена: «У меня есть множество различных имен для большого количества разных людей: Билл, Билл Николайсен, Дядя Вилл, Вилли, маленький Вилли, дядя Вилли, Вилли Николайсен, Вильхельм, Вильгельм Николайсен, В. Ф. Х. Николайсен, Опекун, Др. Николайсен, Вилли Ник, Профессор Николайсен, профессор, папа, папочка, дедушка, и, конечно, старое доброе свидетельство о рождении с записью Вильгельм Фриц Герман Николайсен» [Nicolaisen, 1999, с. 185 – *Здесь и далее перевод наш – Т.Б.*].

Анализируя это высказывание, С. И. Гарагуля обращает внимание на то, что «каждое из указанных именных вариантов отражает различные стороны его собственного “я” в отношении к себе и окружающему миру в разные периоды жизни. Они имеют свой смысл, свое содержание, свое прагматическое и лингвокультурологическое наполнение, они очень важны для определения идентичности индивида в целом и антропонимической идентичности в частности» [Гарагуля, 2009, с. 20]. Подобные тексты С. И. Гарагуля называет «антропонимической автобиографией», определяемой как описание всего жизненного опыта индивида, его воспоминания, рассказы, семейные истории и традиции, связанные с его именем, восприятием индивидом своего имени и оценкой этого имени другими [Там же].

Такой подход связан с более широкой проблемой отношения говорящего к слову. По мнению И. Т. Вепревой, отношение говорящего к употребляемому слову может зависеть от двух факторов: коммуникативный модус говорящего и отношение говорящего к слову [Вепрева, 2005, с. 80].

Как отмечают такие ученые, как И. Т. Вепрева, В. А. Кухаренко, И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер, коммуникативный модус говорящего варьируется в зависимости от ситуации. Это может происходить в двух случаях: когда субъект речи комментирует слово или его употребление в данном контексте, сообщая о нем какую-либо информацию; когда говорящий выражает к слову свое отношение. Рефлексивы данного типа оцениваются как «аксиологические

высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции» [Вепрева, 2005, с. 81].

По этому поводу уместно вспомнить замечание И. М. Кобозевой и Н. И. Лауфер о том, что в процессе говорения вербализуется «глубинное» понимание лексической единицы. Примечательно, что такая ситуация возможна лишь при наложении языковой информации на другие типы информации – «психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т. п.» [Кобозева, Лауфер, 1994, с. 64]. Это дало В. А. Кухаренко основание предположить, что в данном контексте термин «интерпретация» понимается как оценочное метаязыковое действие говорящего, как его «аудиоdialog, разговор с самим собой» [Кухаренко, 1979, с. 83].

По мнению некоторых ученых, беспристрастные комментарии встречаются в нашей речи реже, чем оценочные сообщения. Примечательно, что в первую очередь оценивается правильность высказывания. В этой связи примечательно мнение Н. Д. Арутюновой, считающей, что концепт правильности имеет «своим источником нормативную оценку действия» [Арутюнова, 1993, с. 69], а также лежит в основе практического мировоззрения человека.

Считаем, что приведенные выше высказывания, не имеющие прямого отношения к именам собственным, актуальны для исследования языковой рефлексии в антропонимии, поскольку выбор антропонима в ситуации наречения именем, а также оценка своих и чужих личных имен эмоционально переживается, постоянно обсуждается и оценивается носителями языка с точки зрения правильности, а также соответствия внешним условиям и коммуникативному модусу говорящего.

Таким образом, антропонимы можно рассматривать как важный объект исследования языковой рефлексии. Следует отметить, что метаязыковые высказывания в области восприятия личных имен их носителями и отношения к ним еще не достаточно хорошо изучены. С этой позиции заслуживает внимания точка зрения С. И. Гарагули и В. Ф. Х. Николайсена об «антропонимической

идентичности», а также мнение о том, что личное имя является одним из важнейших способов лингвокультурной идентификации. Для понимания значимости антропонимов как объекта языковой рефлексии обратимся к анализу взглядов на место данных имен в системе ономастической лексики, существующих в отечественном и зарубежном языкознании.

1.2.1. Эволюция взглядов на антропонимы

Рассматривая эволюцию взглядов на имя собственное в отечественной науке, В.Д. Бондалетов отмечает, что истоки восточнославянской антропонимики восходят к средневековой лексикографии, которая уже с XIII века включала имена собственные в словари наряду с апеллятивами и предлагала их толкование. Ономастическую лексику можно найти в «Толкованіи именамъ по алфавиту» Максима Грека (XVI в.), «Лексиконе славеноросском и именъ тлъковании» Памвы Беринды (1627 г.), в разговорниках и азбуковниках XVI – XVII веков, а также многочисленных месяцесловах того времени. Прообразом современной научной этимологии автор предлагает считать объединение М. Греком однокоренных слов в общую словарную статью и суммарное их объяснение, к примеру, «Викторъ, Викентии, римска имена, и обоимъ единъ тлъкъ побѣдитель; Селивестръ да Силуянь, да Селиванъ римска имена и всѣмъ единъ тлъкъ лѣсникъ...» [Бондалетов, 2001, с. 85 – 86].

Рассматривая период XVIII – XIX в.в., Т. В. Скрёбнева обращает внимание на то, что в это время антропонимы привлекали к себе внимание историков, писателей и филологов. Одним из ценных опытов, по мнению автора, является «раздел «Толкование имен человеческих», включенный в письмовник Н. Г. Курганова 1789 года и рассматривающий этимологию около 150 популярных в то время именованій. Наиболее ценной работой в этой области в XIX в. Т. В. Скрёбнева считает «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова [Скрёбнева, 2011, с. 103].

В развитии русской ономастики XX в. автор выделяет следующие периоды: 1) 30 – 50-е годы XX в; 2) начало 60-х годов; 3) конец 60-х годов – первая половина 70-х годов; 4) вторая половина 70-х – первая половина 80-х годов; 5) конец 80-х – начало 90-х; 6) середина 90-х годов; 7) конец XX – начало XXI века. Начальный этап развития русской ономастики охватывает 30 – 50-е годы XX века и связан «в первую очередь с накоплением информации об онимах, лексикоцентрическим анализом их разрядов. Антропонимическая проблематика 20 – 30-х годов XX века нашла отражение в широко известной работе А. М. Селищева «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ» (1948 г.)». Период начала 60-х годов Е. Л. Березович называет периодом «становления ономастики в ее современном облике и статусе» [Березович, 2001, с. 35]. В это время интерес к ономастической проблематике неуклонно возрастает. Главная заслуга этого времени, как отмечает автор, «состоит в утверждении статуса ономастики как самостоятельной лингвистической дисциплины, а не вспомогательной по отношению к истории, археологии, этнографии» [Скребнева, 2011, с. 103 – 107].

Конец 60-х годов – первая половина 70-х годов XX века – определяется многими исследователями как время расцвета исследований в области ономастики вообще и антропонимики в частности [Скребнева, 2011, с. 104]. Выделяются следующие направления антропонимических исследований в данный период: «1) общие проблемы антропонимики: определение методики исследования антропонимов; проблема выявления факторов, обуславливающих выбор личных имен; <...> (В. А. Никонов, Л. И. Баранникова, З. А. Данилова, В.А. Москович, А.В. Суперанская, С.И. Зинин и др.); 2) описание региональных именников, в том числе в динамическом аспекте (З. Г. Ураксин, В. Д. Бондалетов, Т. И. Огорокова, В. Г. Сырова, Г. И. Кондратенко, и др.); 3) историческая антропонимика (С. И. Зинин, С. Роспанд, Е. Н. Полякова, А. А. Угрюмов, А. К. Устинович, З. Г. Исаева, Н. К. Фролов); 4) структурные исследования: инвентаризация словообразовательных средств антропонимики в синхронном и диахронном планах, в частности, анализ способов деривации

официальных и неофициальных личных имен, классификация антропонимов по структурным типам с установлением сферы их употребления (Е. Ф. Данилина, О. Д. Митрофанова, П. Т. Поротников, А. Н. Мирославская); 5) литературная антропонимика (Э. Б. Магазаник, М. В. Карпенко, М. И. Черемисина <...>); 6) прикладные аспекты: практическая транскрипция и транслитерация, стандартизация имен при письменной фиксации, антропонимическая орфография и лексикография» [Скребнева, 2011, с. 103 – 107].

По наблюдениям Т. В. Скребневой, «во второй половине 70-х – первой половине 80-х годов XX века все более популярным становится социолингвистический подход к анализу антропонимного материала, предполагающий изучение факторов выбора и смены личных имен и фамилий, особенностей бытования именника в различных языковых ситуациях <...>» [Скребнева, 2011, с. 105]. Наиболее значимыми в этот период были работы В. А. Никонова, Т. Н. Кондратьевой, В. А. Ивашко, К. В. Бахняна и др.

К сказанному добавим, что значимым явлением этого этапа развития антропонимии можно считать выход ряда научно-популярных изданий, посвященных личным именам. К наиболее показательным и часто цитируемым работам по праву относится книга А. В. Сусловой и А. В. Суперанской «О русских именах» [1978], позже выдержавшее еще два издания [1981; 1991]. Авторы рассказывают об истории русских имен, об изменениях, которые происходили в русском именовании на протяжении многих веков, о современных тенденциях развития русского именника.

В этот же период вышли два издания «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [1978; 1988], в котором значительное место отводится определениям антропонима и его разновидностей. Антропоним определяется в данном словаре как «любое собственное имя, которое может иметь человек (или группа людей), в т. ч. личное имя, прозвище, псевдоним, криптоним, андроним, кличка, гинеконим, патроним» [Подольская, 1988, с. 31]. Автор словаря также определяет однокоренные термины: антропонимизация (переход апеллятива путем изменения функции в антропоним), антропонимика

(раздел ономастики, изучающий антропонимы), антропонимикон (словарь или список личных имен, а также репертуар имен данного народа или социума в определенный период), антропонимист (исследователь, занимающийся антропонимикой), антропонимия (совокупность антропонимов) и др. [Подольская, 1988, с. 32-36].

Следующим периодом, отмеченным Т. В. Скребневой, является конец 80-х – начало 90-х годов XX века. Автор отмечает работы ученых по системной организации ономастического пространства (В. Н. Михайлов), динамике региональных и общенациональных именословов в синхронии и диахронии (Л. П. Зайчикова, З. И. Макаренко, И. А. Шумская и др.), семной структуры значения личных имен (И. В. Арнольд, Л. Г. Шерemet) и т.д. [Скребнева, 2011].

Однако обратим внимание на то, что научно-популярные работы этого времени значительно отличались от научных изысканий в области антропонимики. Анализируя работы 90-х годов, посвященные личным именам, Г. Ф. Ковалев отмечает, что в этот период появляется большое количество сомнительных трудов «представителей ономастики от бизнеса» [Ковалев, 2007, с. 133, 135]. По мнению автора, труды многих ученых в этот период сводятся к показу влияния личного имени на здоровье, совместимость в браке и материальное благополучие его носителя при частой некорректности лингвистических и этимологических комментариев. Вполне закономерно, что такие работы (например, многочисленные издания Б. Ю. Хигира) подвергаются лингвистической критике.

При этом нельзя не вспомнить о том, что в антропонимике 90-х годов появлялись и значительные лексикографические работы. К ним можно отнести первый гнездовой «Словарь русских личных имен» А. Н. Тихонова, Л. З. Бояриновой и А. Г. Рыжковой [1995] и «Словарь русских имен» А. В. Суперанской [1998], в котором представлены более 7500 антропонимов.

Рассматривая период конца XX – начала XXI века, Т. В. Скребнева называет приоритетными следующие направления в области антропонимии: «рассмотрение антропонима как социального и этнического знака, состоящее в

его этноязыковой интерпретации; определение историко-культурной биографии имени, выявление фоновых знаний и ассоциаций, с ним связанных <...>» [Скробнева, 2011, с. 106]. Автор связывает это «с проникновением в ономастику антропологической парадигмы языкознания» [Там же]. Особый интерес представляют работы таких ученых, как О. П. Альдингер, Ю. А. Гурская, С. И. Гарагуля, И. Э. Ратникова, М. В. Ясинская, А.Н. и др.

Следует также отметить, что в этот период на область ономастики распространяется полевой подход как методологический принцип структурно-функционального анализа материала. Сделан вывод о ядерном положении антропонимов в структуре ономастического поля [Супрун, 2000; Крюкова, 2004].

Принимая во внимание сказанное выше, нельзя не согласиться с А.В. Суперанской, которая утверждала, что «отсутствие единой, общепринятой концепции имени собственного во многом объясняется различием исходных положений и методов их создателей, а также тем, что поиски велись порой в диаметрально противоположных направлениях [Суперанская, 2007, с. 88].

В зарубежной лингвистике вопросами антропонимии занимались такие ученые, как Д. Кристал, В. Лангендок, В. Николайсен, Т. Буссе, Б. С. Шварцкопф, Э. Лоусон, М. Симэн и др.

В известной лингвистической энциклопедии британского ученого Д. Кристала «антропонимика» или «антропономастика» (anthroponomastics) рассматривается как отдельный раздел ономастики [Crystal, 1997, с.140]. Автор обращает внимание на то, что данная отрасль ономастики занимается изучением личных имен. Таким образом, антропоним и антропонимика – это интернациональные термины, их определения практически совпадают у отечественных и зарубежных исследователей.

Примечательно, что почти все положения общей теории имени собственного доказываются и обосновываются на примере антропонимов. В. Лангендок, рассуждая о собственных именах как семантико-синтаксическом классе, в качестве примера рассматривает следующие высказывания: (4) «John attended a meeting today (Джон посетил заседание

сегодня). (5) The emperor Napoleon was defeated at Waterloo. (Император Наполеон потерпел поражение при Ватерлоо). (6) You are talking about a different John. (Вы говорите о другом Джоне). (7) He is becoming a second Napoleon. (Он становится вторым Наполеоном) [Langendock, 2007, p. 11]. По мнению автора, взгляд на использование семантики и синтаксиса в примерах (4) и (7) показывает, что имена собственные здесь используются весьма по-разному. Автор отмечает, что в предложении (7) имя собственное несет информацию о другом человеке, похожем на Наполеона [Langendock, 2007, p. 11]. Напротив, в примерах (4) и (5) имена собственные John, Napoleon и Waterloo функционируют таким образом, что отражают то, что обычно считается основной функцией имен собственных, т.е. относятся к определенным объектам <...> В примере (6) автор говорит о том, что речь идет «по крайней мере о двух разных людях по имени Джон» [Там же].

Так при помощи антропонимов, употребленных в разных контекстах с разными функциями, В. Лангендок демонстрирует способность в принципе любого имени собственного употребляться не только для номинации единичного объекта. Это подтверждает общеизвестное положение о том, что все признаки собственного имени в полной мере сконцентрированы в антропонимии.

Одним из важных аспектов американской ономастики можно считать исследование национальной и расовой дифференциации антропонимов. Открытым для дискуссий среди американских ономастологов остается вопрос о расовом компоненте американской антропонимии. Вопрос разделения американских личных имен на принадлежащие только людям с темным цветом кожи и традиционно только «белые» имена является предметом жарких дискуссий не только среди ученых-лингвистов, но и в широкой общественной среде.

Борьба меньшинств за достижение равных прав и возможностей всегда занимала важное место в американской истории. Конечно, это не могло не отразиться на языке в целом и на том, как родители называют своих детей в частности. По справедливому замечанию К. К. Эванса, психолога и ономаста из

университета Бель-Вью, Небраска, в 60-е годы многие чернокожие родители стали давать своим детям исконно африканские имена. Но при этом популярными стали лишь несколько африканских имен – Айана, Джабари и Кваме [http://people.howstuffworks.com/baby-name-trends-ga.htm]. Ученый отмечает, что более широкое распространение получили имена, пришедшие из мусульманской культуры. Например, в 1964 году американский боксер Кассиус Клей взял себе мусульманское имя Мухаммед Али и прославил его на весь мир.

Кроме того, в англоязычной антропонимии до сих пор остается открытым вопрос о дифференциации дериватов личных имен. Обращает на себя внимание точка зрения Т. Буссе, называющего дериваты типа Jim, Tom, Dick краткими формами имен (shortformsoffirstnames). Для обозначения дериватов типа Jimmy, Tommy, Dicky автор использует термин “е-дериваты” (“e” derivative so ffirst names) [Busse, 301].

К проблемам антропонимии, активно обсуждаемым в американском языкознании, можно также отнести дискуссии о границах между личными именами и прозвищами. Показательно при этом, что термин nickname имеет два значения: 1) прозвище; 2) уменьшительное имя. Учитывая данный факт, Т. Буссе подчеркивает, что ни сокращенные имена, ни деминутивы не являются прозвищами. По мнению автора, прозвище является добавочным к официальным моделям именованию [Busse, 301]. По этому поводу уместно вспомнить замечание известного американского лингвиста Э. Лоусона. Анализируя термин nickname, автор считает целесообразным его использование для обозначения дериватов типа Danny, Davey и Jimmy в значении “уменьшительное имя” [Lawson, 24]. Другой американский лингвист, М. Симэн, не акцентирует внимание на каком-либо определенном типе дериватов. Автор считает уместным обозначать все дериваты личных имен термином nickname в значении “уменьшительное имя” вне зависимости от способа их образования (сокращение, аффиксация) [Seeman, 240-241]. В свою очередь, П. Диксон называет деминутивами сокращенные формы имен (Bob) [Dickson, 163].

Таким образом, рассмотрев развитие взглядов на изучение личного имени в отечественной и зарубежной антропонимике, отметим, что в современной антропонимике накоплен достаточный теоретический, фактический, и методологический материал по проблемам личного имени. Дальнейшие перспективы развития науки состоят в антропоцентрическом осмыслении антропонимов как системы с точки зрения современных направлений языкознания: этно-, психо-, социо-, когнитивной лингвистики и других аспектов теории речевого общения, в создании обобщающих трудов и преодолении разрозненности исследований.

1.2.2. Место антропонимов в ономастическом поле

Несмотря на то, что антропонимы относятся только к именованию людей, этот единственный объект дает чрезвычайно сложный спектр категорий имен, что связано, в первую очередь, с историей и культурой народа. Это обстоятельство предоставляет достаточно широкие возможности для изучения антропонимов как важнейшей части ономастического поля.

Современные ученые-ономатологи уделяют внимание разграничению понятий «ономастическое пространство» и «ономастическое поле». Для определения места антропонимов в ономастическом поле кратко охарактеризуем суть этого разграничения.

Термин «ономастическое (топономастическое) пространство» был впервые употреблен В. Н. Топоровым [1969] для совокупности ономастических названий. Исследуя палийскую топонимику, он показал, что в разные эпохи и в разных странах выделялись и индивидуализировались разные вещи, иной раз не похожие друг на друга, и доказал, что ономастическое пространство всегда конкретно. У людей, принадлежащих к разным культурам, территориям и эпохам, ономастическое пространство имеет различное наполнение [Приводится по Крюкова, 2004, с. 35-36].

Разрабатывая далее это понятие, В. Д. Бондалетов определяет «ономастическое пространство», как «общелингвистическую категорию – систему ономастических единиц, служащих для специального (более конкретного, индивидуализированного) выделения предметов действительности» [Бондалетов, 1983, с. 32].

И. А. Королева утверждает, что ономастическое пространство можно определить как «сумму имен собственных, употребляющихся в языке данного народа в определенный исторический период для именованя реальных, гипотетических и фантастических объектов с учетом ограничения объема этого пространства заданными исследователем рамками отбора фактического материала» [Королева, 2002, с. 73].

Однако, анализируя этот относительно недавно введенный в ономастику термин, В. И. Супрун высказывает мнение, что «пространство не включает в себя представления об организации, закономерностях функционирования размещенных в нем, входящих в него единиц. Ономастическое пространство – совокупность имен собственных как таковая, безотносительно к ее внутреннему устройству» [Супрун, 2000, с. 11].

Рассматривая структуру ономастического пространства, В. И. Супрун отмечает, что оно «имеет сложную многоаспектную, полиобъектную структуру, каждый из компонентов которой обладает множеством свойств» [Супрун, 2000, с. 15]. По мнению автора, «ономастическое пространство может получить разное структурирование: как структурно-семантическое, функционально-семантическое, когнитивно-семантическое, номинативное, лингвогенетическое, ассоциативное и даже как социальное поле» [Там же, с.14-15].

Продолжая исследование в данном направлении, И. В. Крюкова замечает, что «для более глубокого и обстоятельного исследования отдельных групп имен собственных понятия ономастического пространства недостаточно. <...> Введение полевого подхода применительно к именам собственным снимает многие противоречия». Автор обращает внимание на то, что, «на первый план

при полевом подходе к любым языковым явлениям выдвигаются ядерно-периферийные отношения» [Крюкова, 2004, с. 42].

Понятие «ономастического поля» было введено А. В. Суперанской. Понимая термин «ономастическое пространство» как «континуум <...> с его разнообразным заполнением в разные эпохи и у разных народов» [Суперанская, 1973, с. 147], автор считает закономерным его разделение на отдельные области. Среди этих областей А. В. Суперанская выделяет топонимию, мифонию, антропонию и т.д. В этих областях автор выделяет «ономастического поля» [Там же].

В концепции А. В. Суперанской, «поле в ономастике – это прежде всего определенная сфера соотнесенности имени» [Суперанская, 1973, 280]. Как отмечает автор, «имена, входящие, в определенное лексическое поле, представляют собой систему (или комплекс систем), каждый член которой увязан с другими по ряду параметров: территория, время, тема, разновидность объекта и т.п.» [Суперанская, 1973, с. 147].

С учетом данного положения в работе В. И. Супруна ономастическое поле представляется «реально выделяемой языковой структурой», обладающей такими признаками, как «наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, предполагающая сходную семантическую структуру слова, ... частотность, стилистическая окрашенность, словообразовательная активность» [Супрун, 2000, с. 16]. Ономастическое поле центрируется за счет персоналий (антропонимов и смежных с ними разрядов – теонимов, мифонимов, зоонимов). При этом к ядру относятся только антропонимы, а перечисленные выше «антропонимоподобные совокупности» [Там же, с. 17] образуют околядерное пространство.

Обратим внимание на то, что В. И. Супрун на первое место среди признаков ономастического поля поставил ядерно-периферийные отношения. По мнению многих исследователей, у ядра и периферии лексической системы существуют следующие признаки: 1. по сравнению с периферией словообразовательно и морфемно ядро менее мотивированно (ядро –

мотивирующее, периферия – мотивированная); 2. для единиц ядра характерна цельнооформленность, простота структуры; 3. лексика ядра устойчива, периферия в большей степени подвержена изменениям [Чинчлей, 1985; Крюкова, 2004 и др.].

С опорой на данные признаки, а также на высказывание А. А. Белецкого о том, что «подлинное собственное имя, собственное имя по преимуществу есть антропоним. Остальные имена собственные как бы уподобляются антропонимам или приравниваются к ним» [1972, с. 161], И. В. Крюкова противопоставляет ядро и периферию ономастического поля, относя к ядру антропонимы, а к периферии многочисленные группы имен (прежде всего рекламных), которые обозначают не индивидуальные предметы, а целые серии идентичных или объединенных общей идеей предметов и явлений окружающей действительности, отличаются слабой структурированностью и системностью, изменчивостью и подверженностью влиянию языковой моды [Крюкова, 2004].

Кроме того, исследователи проводят ядерно-периферийное структурирование отдельных ономастических полей. Например, по определению В. И. Супруна, ядро антропонимии составляют личные (крестные, полные) имена и их гипокористические (краткие, домашние) формы. Характеризуя периферию личных имен, В. И. Супрун пишет, что она «состоит из деминутивно- мелиоративных и пейоративно-аугментативных антропонимов, причем уменьшительно-ласкательных форм в русском языке значительно больше, чем увеличительно-уничижительных (кроме фамильярных имен с суффиксом -ка)» [Супрун, 2000, с. 66].

Таким образом, антропонимы занимают центральное (ядерное) место в ономастическом поле, возможно выделение антропонимического поля, ядром которого являются личные имена.

1.2.3. Социокультурная специфика русских и американских антропонимов

В развитом обществе официальное именование человека осуществляется по определенной формуле: определенный порядок следования антропонимов и имен нарицательных (этнонимов, названий родства, специальности, рода занятий, званий, титулов, чинов и т.п.). Антропонимические формулы не полностью совпадают в разных лингвокультурах.

Обратившись к русской антропонимической системе, М. В. Голомидова относит имена, отчества, фамилии к ядру антропонимического поля, а прозвища и псевдонимы – к его периферии [Голомидова, 2005, с. 17].

Все признаки антропонимов в полной мере представлены в личных именах. По определению В. К. Чичагова, «личными именами называются слова, которые присваиваются при рождении людям и под которыми они известны в обществе» [Чичагов, 1959, с. 6]. По мнению ученого, это первое и главное значение лежит в основе понятийного содержания антропонимического термина «личное имя», который определяет основную антропонимическую категорию.

Н. В. Подольская в «Словаре русской ономастической терминологии» несколько расширяет определение личного имени, она характеризует его как «основное официальное полное имя, данное человеку при рождении или (редко) выбранное для себя взрослым человеком» [Подольская, 1988, с. 68-69]. Ученые отмечают зависимость выбора и функционирования личных имен от внешних факторов. Так, А. В. Суперанская считает, что «личные имена, отчества, фамилии людей, безусловно, являются частью лексико-семантической системы, функционируют в её рамках и одновременно весьма чутко реагируют на любые изменения, происходящие в обществе» [Суперанская, 1973, с. 36].

М. Вуйтович пишет, что «личное имя – первое название лица, присвоенное ему по общественному выбору (чаще всего выбранное родителями) согласно с актуальными господствующими нормами (обычаями) и являющееся единственным языковым знаком, его индивидуализирующим даже тогда, когда

принципы присвоения этого именованя оставались бы неопределенными, непроверяемыми или же не отвечающими соответствующим требованиям» [Вуйтович, 1986].

Официальные формы имени, как правило, различаются в разных лингвокультурах. Как известно, в русской лингвокультуре официальная формула имени трёхчленна, в систему личных имен включаются отчества. Отчество – это особое именное слово, образованное от имени отца данного человека, имеющее ситуативную и социальную обусловленность (обязательно используется при официальном именовании и в документах). Обращаясь к истории формирования данной антропонимической категории, Л. П. Калакуцкая отмечает, что отчества, образованные как от русских, так и от нерусских имен, встречались в древнейших русских письменных памятниках – ср. Бурчевич, Берендеич (от тюркского родового имени Бурчи и от племенного названия берендеи). При многочисленных переписях населения требовалось записать всех «по именем с отцы и прозвици» [Калакуцкая, 1994, с. 36].

В. А. Никонов отмечает, что «в первых письменных памятниках отчества известны в краткой форме притяжательного прилагательного, сначала с суффиксом –ь (сын володимерь «владимиров сын»; после губных согласных возникало дополнительно ль– сын ярославль «ярославов сын»), позже XII в. в этой функции выступают только суффиксы -ов (-ев) или -ин (при основах на -а): сын иванов, сын ильин. В княжеской среде победила форма отчества с -ич, затем осложненная в -ович (-евич)» [Никонов, 1986, с. 263].

Формула именованя типа Иван Иванович Иванов выработалась не сразу. Раньше всего отчества сформировались у представителей высших классов общества. По наблюдениям И.А. Королевой, «отчества как именованя по отцу, отражающие непосредственное отношение к отцу как к родителю, а не как к главе семьи, вторичны по отношению к фамилиям, которые обозначают родственные семейные и родовые связи. Они возникли из семейных именованя по имени актуального главы семьи. <...> Оформление отчеств как антропонимов, указывающих на принадлежность человека к отцу, шло в течение

нескольких веков и определилось к концу XVI – началу XVII вв.» [Королева, 2000, с. 78].

Еще одним обязательным элементом трехчленной антропонимической формулы является фамилия. По данным Б. О. Унбегауна, «слово «фамилия» у русских появляется в Петровскую эпоху сначала как обозначение семьи или жены, лишь позже – в значении 'семейное имя'. То, что теперь называется фамилией, в прошлом называлось семейным прозванием. Семьи были большие, и в качестве именованья всей семьи исходным было имя главы семьи или родоначальника: Кузьма Максимов сын Беляев, т.е. Кузьма, сын Максима Беляева; Максим – глава семьи, Беляй – родоначальник» [Унбегаун, 1989, с. 27].

Говоря о типовых структурах официальных паспортных фамилий, Б. О. Унбегаун утверждает, что они «складываются в XV в., когда произошло возвышение Московского княжества, а московские канцелярии определяли, кого и как «писать», хотя эта официальная запись часто не совпадала с реально звучащим именованьем человека или семьи в живой речи. Так произошло расщепление именованья русских людей на официальное и неофициальное (уличное, деревенское)» [Там же, с. 118].

Представляют интерес выводы о функционировании официальных русских антропонимов, сделанные Н. В. Васильевой. Автор рассматривает формулу русского личного имени, соответствующую всем известной в русской лингвокультуре аббревиатуре ФИО, как микротекст, анализирует характер отношений между компонентами формулы имени и их последовательность в соответствии с разными коммуникативными ситуациями, обращает внимание на редукцию формулы имени, а именно замечаемое всеми исчезновение из официального обращения отчества и самостоятельное употребление личного имени в официальной паспортной форме [Васильева, 2005, с. 77-89]. Редукция формулы имени и сокращение коммуникативных ситуаций, в которых употребление отчеств считается обязательным, связаны, прежде всего, с процессами глобализации и копированием западных моделей именованья [Крюкова, Врублевская, Кирпичева, 2016].

На периферии антропонимического поля находятся необязательные, различные по структурно-семантическим свойствам прозвища и псевдонимы.

Об истории слова «прозвище» в антропонимических трудах мы находим лишь фрагментарные замечания. Так, А. Н. Мирославская одна из первых обратила внимание на тот факт, что «в памятниках письменности слово «прозвище» имело часто другое значение, чем в настоящее время, было лишено экспрессивного содержания и являлось синонимом слову «имя» [Мирославская, 1955: 190]. Об этом же писал С. И. Зинин, указывая, правда, что словом «прозвище» обозначались только русские имена. Начиная с XVII века (хотя ученый не приводит контекстуальных доказательств сказанному), термин «прозвище» стал больше использоваться в значении дополнительного, второстепенного именованя лица, часто данного в шутку, в насмешку, то есть, как бы приблизился к пониманию слова «прозвище» в настоящее время. Кроме того, в XVII веке у слова «прозвище» появилось значение «семейное прозвание», «фамильное прозвание» [Зинин, 1969, с. 37].

Основные характеристики прозвищной номинации в полной мере отражены в определении В. К. Чичагова, называющего прозвищами «слова, даваемые людям в разные периоды их жизни по тому или иному свойству или качеству этих людей и под которыми они известны обычно в определенном, часто довольно замкнутом кругу общества» [Чичагов, 1959, с. 5]. Значение, близкое к данному, встречаем в «Словаре русской ономастической терминологии»: «Прозвище – вид антропонима. Дополнительной неофициальное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующими его жизни обстоятельством, по какой-либо аналогии, происхождению или др. мотивам» [Подольская, 1988, с. 113]. Это определение несколько шире, поскольку автор называет мотивы, которыми руководствуются субъекты прозвищной номинации.

При этом русские прозвища зачастую используются в малых социальных группах людей, объединенных общим делом, дружескими связями или родством. Они характеризуют как имядателя, так и носителя прозвища, выполняют

парольную функцию, т.е. несут информацию о принадлежности человека к данной группе. Приметой последнего времени можно назвать выход прозвищ за пределы малых групп и их активное функционирование в современной русской публицистике [Крюкова, Врублевская, Кирпичева, 2016, с. 138-145].

Определяя псевдонимы, Н. В. Подольская характеризует их, как «вид антропонима. Вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем человека или вместо него» [Подольская, 1988, с. 113]. М. В. Голомидова акцентирует внимание на «индивидуальной творческой воле и фантазии», которая присутствует у изобретателя псевдонима. По мнению исследователя, «изобретая псевдоним, автор номинативно трактует собственную творческую субъектность через образы, предметы, характеристики окружающего мира. <...> Псевдоним подчеркивает в человеке его неординарность, показывает особое эмоциональное или ментальное состояние, акцентирует пристрастное отношение к миру» [Голомидова, 1999, с. 48].

Распространение псевдонимов в среде современных российских звезд шоу-бизнеса позволяет сделать вывод о наличии языковой моды на псевдонимы. В исследованиях последнего времени выявляются модели создания сценических псевдонимов и обозначаются модные тенденции их образования: использование гипокористических форм личного имени, редких имен, трансонимизация прецедентных имен, онимизация апеллативов и др. [Врублевская, 2016].

Говоря об антропонимах разного типа как едином классе имен, А. В. Суперанская отмечает, что все антропонимы генетически связаны друг с другом и обладают общими основами: «личные имена выкристаллизовывались из прозвищ, и те, и другие служили источниками фамилий, отчеств, псевдонимов. Фамилии, в свою очередь, могут стать основами прозвищ и личных имён. Поэтому об основах всех этих типов имён можно говорить вместе как об антропоосновах» [Суперанская, 1969, с. 24].

Таким образом, в структуре русского антропонимического поля выделяются: личные имена, отчества, фамилии, прозвища и псевдонимы. Ядерное положение личных имен по отношению к другим единицам

антропонимического поля определяется их меньшей способностью изменяться с течением времени, а также влиять на единицы периферии. Сказанное выше позволяет рассматривать антропонимы как ядерные единицы ономастического поля, поскольку у антропонимов отмечаются все признаки ядра лексической системы (обязательность, системность, немотивированность с точки зрения современного носителя имени), а личные имена в их полной паспортной форме – как ядерные элементы антропонимического поля, поскольку у них наблюдается концентрация указанных признаков. На официальном уровне в русской лингвокультуре сохраняется обязательная трёхчленная антропонимическая формула: полное имя – отчество – фамилия.

Далее обратимся к анализу актуальных для нашей работы особенностей американской антропонимической системы, в основе которой – англоязычная система имен. При определении личного имени в англоязычных словарях обращается внимание на его место в антропонимической формуле. В словаре «Collins English dictionary» используется понятие «первое имя» (ам. англ.). Данное понятие определяется как «первое из имен, данное при рождении» [CED]. Аналогичное понятие можно найти в «Longman Dictionary of English Language and Culture». Согласно данному словарю, «первое имя (также имя или данное имя (ам. англ.) – это имя или имена, стоящие перед фамилией; чье-либо личное имя» [LDELС, 1998, p. 488].

Пытаясь классифицировать способы образования англоязычных личных имен, Д. Кристал пишет, что здесь нет единообразия. Однако автор пытается обобщить разрозненные данные и выделить несколько типов по этимологическим основаниям: «1) идентификация конкретной физической характеристики: Кевин ("красивый при рождении"), Морис ("темнокожий, мавританский"); 2) соотнесенность с временем и местом происхождения, или видом деятельности: Барбара («незнакомка»), Фрэнсис ("француз"), Ноэль («Рождество»), Джордж («фермер»); 3) выражение реальных или желательных характеристик: Петра ("камень"), Агнес ("чистая"), Александр ("защитник людей"), Хилари ("веселая"); 4) выражение чувств родителей: Ами ("любимая"),

Абигайль («отец радуется»), Люси («свет»); 4) выдумка авторов, имеющая этимологическое значение (как Миранда у Шекспира, в «Буре», что означает «достоина восхищения»); 5) содержание в имени элементов, полученных из иврита, или других обозначений, имеющих отношение к Богу: Иоанна, Джонатан, Жозефина, Джоан, Габриэль, Джереми, Эмануэль, Элизабет; 6) названия растений, драгоценных камней и других природных объектов: Сьюзен ("лилия"), Fern («папоротник»), Rosemary («розмарин»), Ruby («рубин»), Crystal («кристалл, хрусталь»). Эта практика была очень популярна в 19 веке; 7) использование фамилий как личных имен – еще одна распространенная практика 19-го века: Барон, Беверли, Флетчер, Максвелл. Многие из этих имен были первоначально топонимами; 8) имена, имеющие особую лингвистическую структуру, которая становится особенно заметна, когда имена в моде. Префиксы Де-, Ла- и Шд – это типичные афроамериканские элементы, например: Деджуан, Дешон, ЛаДонна, Латиша, Шакира, Шафайе. Несколько концовок, такие как -ен, -ет, -елк, -она и -лед, часто встречаются в современных женских формах имен: Джолин, Марлен, Шарлин, Дарлин; 9) несколько имен неизвестного происхождения: Антоний, Артур, Белинда, Мэри [Crystal, 1995, p. 150]. Таким образом, система англоязычных имен разнообразна как по происхождению, так и по структурному оформлению. Она отражает явления языковой моды и межэтнические взаимодействия.

История становления антропонимической системы США, основанной на англоязычной традиции, подробно охарактеризована О. А. Леоновичем. Как отмечает автор, «система наименования в США, как и многие другие культурные характеристики, была заимствована из Европы и, в основном, не отличалась от принятых там моделей. Общая модель наречения именем состоит из первого имени (first/given name), второго имени (одного или нескольких) (second/ middle name) и фамилии (family name/ surname)» [Леонович, 2015, с. 30].

На количество и качество американских средних имен обращает внимание Т. А. Сапронова, отмечая, что компоненты американской антропонимической модели располагаются в следующем порядке: личное имя + (среднее имя) а +

фамилия, где: $a = 1, 2, 3, \dots$ – количество средних имен. В качестве среднего имени может выступать фамилия или личное имя любого члена семьи, имя известной личности. Не редки случаи, когда средним именем служит название штата, марка машины, любое имя апеллятивного происхождения. Автор приходит к закономерному выводу о том, что «обширность выбора, в данном случае, свидетельствует об особом отношении американцев к своему имени: именование человека должно подчеркивать его индивидуальность» [Сапронова, 2012, с. 9].

Становление «среднего» имени в Америке имеет свою историю. По наблюдениям О. А. Леоновича, традиция давать второе имя появляется в Америке в конце XVIII века и вскоре становится нормой. Происходит изменение наследственной традиции, наименование в честь родителей или умерших братьев и сестер по-прежнему остается значимым, но в значительно меньшей степени. Сначала, как и в Европе, вторые имена применяются среди элиты, затем переходят в более низкие слои. Такое изменение наблюдается на всей территории США, оно связано с проходившими социальными изменениями. В 1978 году 75% населения имели среднее имя. Первые имена, как правило, даются, следуя моде, вторые имена отражают семейные традиции» [Леонович, 2015, с. 31].

У мужчин среднее имя часто заменялось только инициалом. Так, например, у президента Harry S. Truman, родившегося в 1884 году, S. не представляло какого-либо имени: одного из его дедушек звали Solomon, другого — Shippe и S. было компромиссным вариантом. В данной связи считаем уместным привести высказывание А. Токвиля, который объяснял снижение количества наименований в честь родителей или умерших родственников следующим образом: «Связь между поколениями ослабевает или рвется, каждый человек с готовностью теряет черты идей своих предков или перестает! о них заботиться... Семья становится менее патриархальной, более матриархальной, менее иерархичной, более эгалитарной» [Токвиль, 1992, с. 294]. При этом, как отмечает О.А. Леонович, существует социальная и территориальная обусловленность такого именованья, до XX века наименование в честь

родителей по-прежнему оставалось «более важным на Юге, чем на Севере, чаще в сельской местности, чем в городе, чаще в более состоятельных семьях, чем в бедных, среди мальчиков, чем среди девочек» [Леонович, 1996 с. 31].

С мнением О. А. Леоновича также согласуется высказывание американского лингвиста П. Диксона о том, что «в США, примерно с 1780 года, традиция присвоения среднего имени стала популярной, затем она прочно укоренилась в американской антропонимии и стала универсальной» [Dickson, 1996, р. 177-178]. Изучая причины появления этого феномена, автор подчеркивает, что «к идентификации лица в мегаполисе предъявляются повышенные требования, и АМ (антропонимическая модель), включающая в себя более одного личного имени, наиболее им соответствует» [Там же]. П. Диксон пишет также о важности среднего имени с точки зрения престижа: «Для американцев среднее имя непосредственно связано с понятием престижа. Если у политического деятеля нет среднего имени, или оно заменено инициалом, то в газетах немедленно появятся статьи, посвященные столь необычному явлению» [Там же]. Таким образом, среднее имя в США – социально маркированный языковой знак.

Социолингвистический подход к антропонимам в США встречаем в работе Г. Д. Томахина, посвященной реалиям-американизмам. Автор выделяет девять особенностей американской антропонимической системы: 1. Принятие женщиной при замужестве не только фамилии, но и имени мужа. Например, когда Miss Mary Ann выходит замуж за мужчину по имени George Henry Coldbeer, ее официальным именем становится Mrs. George Henry Coldbeer, а неофициальным – Mary Ann Coldbeer или Mary Coldbeer. Письма и документы она подписывает только неофициальным именем. 2. Употребление среднего имени в именах мальчиков. Так, среди первых семнадцати президентов США, по наблюдениям Г. Д. Томахина, только у трех были средние имена, а среди последних восемнадцати только у трех не было средних имен. 3. Добавление Jr. (= Junior «младший») к имени сына, носящего имя и фамилию отца. Например, сына человека по имени John J. Smith в США называют John J. Smith, Jr., а его

сын, в свою очередь, получает имя John J. Smith, III. К имени мальчика, названного по дяде, добавляется цифра II: John J. Smith, II. 4. Употребление имен в качестве фамилий. В США это явление приняло массовый характер. Например, Sinclair Lewis – Синклер Льюис и Upton Sinclair – Аптон Синклер, оба известные американские писатели. 5. Широкое применение библейских имен (Joseph, Samuel, Benjamin, David, Joel, Ezra, Adam), что объясняется пуританскими традициями и культом библии как настольной книги в американских семьях не только штатов Новой Англии, но и фермерского Среднего Запада (так называемый «Bible Belt» – «библейский пояс»). 6. Использование имен исторических личностей, героев мифологии и фольклора: Cyrus, Hannibal, Jason, Homer, Ulysses, Columbus, Lancelot. 7. Популярность сокращенных форм, которые могут регистрироваться в качестве самостоятельных имен в официальных документах. К числу особенностей речевого этикета в США относят широкое использование в повседневном и деловом общении первых имен в сокращенной форме. В некоторых ассоциациях бизнесменов оговорено правилами, что их члены обращаются друг к другу по первым именам или прозвищам. 8. Тенденция к использованию только инициалов в именах президентов: F. D. R. – Franklin Delano Roosevelt, J.F.K. – John Fitzgerald Kennedy. 9. Склонность к созданию сложных имен, которые обычно объединяют имена родителей или двух из наиболее любимых бабушек или дедушек. Сложные имена больше характерны для Юга США, где вообще широко принята практика давать девочкам двойные имена: Betty Sue, Mary Jane [Томахин, 1988].

В дальнейшем И. В. Гайдук, обобщив данные, полученные отечественными и зарубежными исследователями американской антропониимии, такими, как М. Симэн, А. Кторова, В. А. Скрозникова, Е. D. Wu, E.W. Louie, А. А. Живоглядов и Г. Д. Томахин, тоже выделяет некоторые особенности американской антропонимической системы. К сказанному выше можно добавить отмеченное автором «более частое, чем в Великобритании, использование дериватов личных имен, которые приобретают самостоятельность по отношению к соответствующим им полным формам». Автор подчеркивает, что

«в России такой сдвиг в пользу дериватов личных имен не имеет места, да и вряд ли возможен» [Гайдук, 2001, с. 43].

Наблюдения за деривационными вариантами личных имен у американцев в сопоставлении с деривационными вариантами русских и польских имен встречаем у А. Вежбицкой. Рассматривая экспрессивное словообразование в американской антропонимии с точки зрения прагмалингвистики, автор отмечает, что каждая форма имени подразумевает наличие «особых отношений». Например, она может выражать эмоциональную теплоту, маркировать близость коммуникантов или, наоборот, свидетельствовать о некоторой дистанции между коммуникантами, подчеркивать серьезность и официальность отношений между ними [Вежбицкая, 1996, с. 98-103].

Прагмалингвистический подход к современным фактам американской антропонимии характерен для многих современных исследований. Например, наличие отмеченной выше тенденции, связанной с добавлением Jr. (= Junior «младший») к имени сына, отмечают также А. А. Живоглядов [1987] и И. В. Гайдук [2001]. Однако они не просто констатируют факт, а пытаются объяснить причины данного явления с точки зрения прагматической информации, которую приобретает такая форма имени. Так, И.В. Гайдук утверждает, что «разнообразие антропонимии английского языка противостоит так называемой “тезоименности”, т.е. “использованию одного имени для разных объектов в одном онимическом поле”». Рассуждая о причинах этого явления, И.В. Гайдук соглашается с А. А. Живоглядовым, говоря, что «в основе “тезоименности” лежат, прежде всего, экстралингвистические факторы. Автор объясняет это тем, что «для антропонимов одним из таких факторов является чувство “фамильной гордости” (family pride), заставляющее индивида брать фамильное имя отца (или матери)». <...> сына человека по имени John J. Smith в США называют John J. Smith, Jr., а его сын, в свою очередь, получает имя John J. Smith, III» [Гайдук, 2001, с. 44-45].

Вслед за В. А. Скрозниковой, И. В. Гайдук утверждает, что «личные имена американцев (особенно женщин) разнообразны и за счет имен апеллятивного

происхождения, представляющих собой названия драгоценных камней (Beryl– “берилл”, Ruby– “рубин”), растений (Clover– “клевер”, Ivy– “плющ”)). Интересно замечание автора о том, что «в США распространено символическое присвоение какого-нибудь цветка определенному штату. <...> Поэтому среди женских личных имен часто встречается название цветка, соответствующего данному штату, соответственно Jessamine, Daisy, Violet, Roseи т.д.» [Там же].

Обобщая свои наблюдения, И.В. Гайдук называет следующие пути возникновения новых личных имен в США: а) от фамилий (Franklin, Franklyn, Webster); б) от географических названий (Manila, Maryland, Sonora, Denver, California, Nevada); в) путем объединения или контаминации двух личных имен или фамильного и личного имени (Olive+Louise = Olouise, Romeo+Juliette = Romiette); е); г) заменой некоторых букв или буквосочетаний (Garl вместо Carl, Urxula вместо Ursula); д) посредством немотивированных с точки зрения современного литературного языка употреблений заглавных букв, апострофа, частиц и т.п. (женские – ClarEtta, De’An, De Donda, La Donna; мужские – DelRay, LaFerry, Le Mon); е) соединением женского и уменьшительного мужского имени (MaryJo, BennieMae); ж) в отдельных случаях женщины носят мужские имена (George, Frank, Charles, Francis, JonBenet, Ryan), а мужчины – женские (Dixie, Marion, Ruby); з) образование женских имен от мужских добавлением окончаний, характерных для личных имен женщин (Lloydine от Lloyd, Ulyssia от Ulyss, Waltona от Walton) [Гайдук, 2001, с. 45].

Объясняя экстралингвистические причины такого количества новых имен в антропонимии США, И. В. Гайдук, вслед за E. D. Wu [1999], отмечает, что «обновление инвентаря личных имен в США происходит чаще, чем в других странах, что связано с массовой эмиграцией в эту страну лиц разных национальностей, приносящих с собой сохранившие национальный колорит имена. Здесь существуют свои особенности. Тогда как эмигранты из стран Европы принимают американизированные варианты своих исконных фамилий, то выходцам из Азии это несвойственно» [Там же, с. 46].

Относительно недавней тенденцией, отмеченной И.В. Гайдук и В. А. Скрозниковой [1986], является использование только инициалов в именах президентов: F.D.R. – Franklin Delano Roosevelt; J.F.K. – John Fitzgerald Kennedy. Последний пример показывает особую значимость антропонимических прозвищ в американской лингвокультуре.

Как видно из приведенного обзора работ, к основным отличительным функциональным чертам американских личных имен следует отнести стремление к сохранению семейных традиций, экономии речевых усилий и проявление творческого начала при выборе имени.

Обратившись к такому яркому явлению в американской антропонимической традиции, как прозвища и псевдонимы, следует отметить многочисленные труды западных лингвистов, антропологов, социологов, психологов и философов [Skipper 1986, 1988, 1990; Lawson, 1973; Busse, 1983; Jackson, 1967; Leslie, 1990; Morgan, 1979; Moore, 1993]. Многие из упомянутых выше ученых пользуются в своих исследованиях термином «nickname», который имеет многочисленные синонимы. О. А. Фоменко отмечает, что «русскому термину «прозвище» в английском языке соответствуют такие понятия как «nickname», «sobriquet/soubriquet» («дополнение к официальному имени»), «moniker/monicker» (сл. прозвище), «alias» («неофициальное имя, которое используют преступники»), «handle» («звание»)» [Фоменко, 2003, с. 33-34].

Рассматривая явление прозвищной номинации в американской антропонимической традиции, нельзя не согласиться со словами известного американского журналиста и критика Генри Луиса Менкена, который еще в начале XX века (1919 г.), в своем фундаментальном труде «The American Language» отмечал, что прозвища – это важный и глубоко внедрившийся культурный элемент в американском обществе [Mencken, 1963, p. 45].

Однако до 60-х годов XX в. в США не существовало серьезных исследований в области прозвищной номинации. В 1990 году Т. Холланд в статье «The Many Faces of Nicknames» подчеркивает очевидность того факта, что серьезные исследования в области прозвищной номинации едва ли начались

[Holland, 1990, p. 255]. До недавнего времени основным источником, где можно было встретить новые прозвища, была периодическая печать. Например, Т. Пайлз в журнале «American Speech», подчеркивает, что каждый раз, когда читаешь газету, узнаешь новые прозвища. Автор отмечает причудливость и красочность языка американского юго-запада (Оклахома, Техас, Кентукки) и называет это явление *onomastic individualism* («ономастическим индивидуализмом») [Pyles, 1947, p. 257].

Современные американские СМИ также не являются исключением, это касается как серьезных издательств, так и популярной желтой прессы. Особенно часто неофициальные антропонимы можно встретить в спортивных новостях, специализированных спортивных газетах и журналах. Спортсмены получают прозвища от журналистов, болельщиков, друзей по команде, а также спортивных комментаторов. Королем прозвищ («the king of nicknames») в спортивном мире Америки газета «Филадельфия Инквайрер» назвала спортивного комментатора Криса Бермана (Chris Berman), на счету которого более 800 прозвищ бейсболистов. Необходимо подчеркнуть, что «метод Бермана» основан на игре с официальным антропонимом спортсмена, а не заключается в фиксации прозвищем выдающихся спортивных качеств игрока (ловкость, сила, быстрота реакции и т.п.) [Фоменко, 2003, с. 26-27].

Особенности американской антропонимической системы проявляются и в псевдонимах. Д. Кристал в своей знаменитой энциклопедии пишет о псевдонимах: «Многие люди применяют имя, отличное от имени, данного им при рождении, имея определенную цель – возможно, передать какой-то образ, избежать неприятных ассоциаций, сделать свою личность более запоминающейся, скрыть свою личность, или просто сделать свое имя более легким в произношении или в написании. Терминология различна, но псевдоним, литературный псевдоним, пот-де-шлейф, актерский псевдоним, прозвище, псевдоним, и аллоним – все использовались, с различными нюансами, в практических целях. В то время как оперирование псевдонимом доступно для всех, использование псевдонимов – характерно только для представителей

некоторых профессий, в частности, писателей, актеров и работников средств массовой информации. Среди известных писателей, которые использовали псевдонимы, сестры Бронте, Шарлотта, Эмили, и Энн (Карер, Эллис и Эктон Белл), Чарльз Доджсон (Льюис Кэрролл), и Чарльз Диккенс (Боз). Сценические имена образуются тремя основными способами – они могут быть созданы при изменении только фамилии (Фред Астер от Фредерика Аустерлица), только первого имени (Ким Новак от Мэрилин Новак), или полного имени (Борис Карлофф от Уильяма Генри Пратт, Клифф Ричард от Гарольд Роджер Уэбб, Джон Уэйн Марион от Майкл Моррисон). Также известны имена-псевдонимы, состоящие из одного слова: Твигги (Лесли Хорнби), Мадонна (Мадонна Луиза Чикконе)» [Crystal, 1997, p. 152].

Рассматривая структуру англоязычных псевдонимов, О. А. Леонович отмечает, что она может варьироваться от одного слова или даже части слова (вплоть до одной буквы) до сочетаний. Автор приводит следующие примеры: 1. Отдельная буква или набор букв: H. D., BB, A frit, QQ, XL, HLL.; 2. Слово: Tiger; Monkey; Apple; Crazy; The Bystander <...>; 3. Словосочетание: Professor Longhair; 4. Словосочетание, в состав которого входит определяемое существительное: A Cambridge Graduate, Flying Officer X, The Roving Englishman, A Minute Philosopher. 5. Распространенное словосочетание: A girlfriend of a Paleontologist; The Citizen of the World.; 6. Реже встречаются псевдонимы-предложения: A Gentleman who has left his lodgings [Леонович, 2015, с. 83].

Автор также выделяет наиболее распространенные способы создания псевдонимов, которые во многом согласуются с рассмотренными выше способами, отмеченными Д. Кристалом, и дополняют его классификацию. Например, он рассматривает случаи, когда псевдонимом становится просто имя человека, т. н. преноним (от лат. ред, так как имя ставится перед фамилией) – использование только одного имени. Например: Donovan P. Leitch – Donovan; Alexander Robins – Zander. Во многих случаях для создания псевдонима люди изменяют имена, не упоминая фамилии. В результате во многих случаях

псевдонимом становились имя + «среднее имя». Например: Iris Adrian Hostetter – Iris Adrian; George Barrington Rutland Fleet —Rutland Barrington [Там же].

По замечанию О. А. Леоновича, англоязычные псевдонимы создаются и при помощи перестановки букв или целых слов. Так появляются «псевдонимы – анаграммы». В настоящем имени переставляли буквы так, чтобы псевдоним имел столько же букв, что и настоящее имя: Например: George Augustus Nokes – G. A. Sekon. Также псевдоним создается в результате перестановки, сокращения, или же перегруппировки реальных, настоящих имен. Например: Patrick Reardon Connor – Rearden Couner; Martin Rosenblatt – Ross Martin. Зачастую в роли псевдонима выступали две буквы, которые могли быть приняты за инициалы, но на самом деле это были начальные буквы не имени и фамилии, а других слов. Например: Lewis Carroll (настоящее имя Charles Lutwidge Dodgson) имел обыкновение подписываться В. В. (от Bean Brummel — его кличка во время учебы в Итоне). Еще один вариант сокращений, отмеченный автором – это аббревиатуры. В каждом случае псевдоним намного короче, чем настоящее имя. Например: Alistair Ferguson Ritchie – Afrit; Hilda Doolittle – H.D. Отмечаются также случаи, когда псевдонимы создаются путем перевода или же толкования имени, если существует возможность сделать буквальный перевод имени (фамилии). Так, например, немец Stein стал Stone, итальянец Casalegno – (дом, legno — лес) стал Woodhouse [Там же].

Автор акцентирует внимание на том, что любое слово английского языка может превратиться в псевдоним. Зачастую псевдонимы могут быть произвольными. Например, David Comwell имеет псевдоним John Le Carre. Источником послужила надпись на витрине магазина. При этом некоторые псевдонимы являются результатом творчества двух или даже более авторов, которые этого не скрывали, но свои фамилии заменяли псевдонимом. Например: Robert Wade + Bill Miller – Wade Miller; George Herbert Ely + Charles LEstrange – Herbert Strang. Выделяются также псевдонимы, которыми чаще всего пользуются актеры или писатели – аллитеративные имена. Например: Alan Alba,

Stainless Stephen, Tom Tyler, ick, Belinda Blinders, Billy Bevan, многие другие. [Леонович, 2015, с. 83-95].

Принимая во внимание сказанное выше, отметим, что русская и американская антропонимические системы имеют ряд отличий. Самым важным отличием является наличие отчеств в русской антропонимической модели и средних имен (middle names) в американской. В русской антропонимической традиции формула, по которой дается отчество, очень строго регламентирована: отчество дается только в честь отца. В американской антропонимической традиции средние имена могут даваться в честь любого из старших родственников, будь то дедушка или отец для мальчика, бабушка или мать для девочки. Отмечается также склонность американцев к созданию сложных имен, которые обычно объединяют имена родителей или двух из наиболее любимых бабушек или дедушек, например: Georgianna (George + Anna), Joanna (Joe + Anna). Эта тенденция тоже тесно связана с семейными традициями. Склонность американцев к словотворчеству проявляется и при создании периферийных антропонимов – прозвищ и псевдонимов. Не вызывает сомнения тот факт, что в русскоговорящей среде придуманные личные имена – достаточно редкое явление, оно распространено только в сфере прозвищ и псевдонимов, которые в настоящее время становятся более частотным явлением в русской лингвокультуре. Следует отметить, что в целом русская антропонимическая система более консервативна, поскольку имеет более длительную историю формирования.

1.3. Антропонимы с точки зрения ценностного отношения носителей лингвокультуры

Несмотря на то, что оценка справедливо считается универсальной категорией в связи с наличием в любом языке представления о том, что «хорошо», а что «плохо», способы выражения оценки в разных языках индивидуальны, потому что «оценка относится к интенциональному аспекту

языка, где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов» [Вольф, 2002, с. 9]. Проявление оценочности связано с эмоциональной интенсивностью, которая зависит от коммуникативного акта или контекста: «...эмотивность может редуцироваться, сворачиваться, уходить в потенциал и не реализовываться в одних ситуациях, а в других – проявляться и актуализироваться» [Шаховский, 2008, с. 101]. При этом эмоции и оценки относятся к «таксонам культуры», поскольку их представление в разных культурах может отличаться по форме, объёму и даже качеству извлекаемых смыслов, что оказывает существенное влияние на особенности коммуникации с представителями разных наций [Шаховский, 2010, с. 92].

Поскольку антропонимы вообще и личные имена в особенности обладают способностью передавать систему ценностей определенного народа, многие ученые отмечают важность аксиологического потенциала личных имен. В русской ономастике на это явление обратил внимание Б. С. Шварцкопф. Исходя из собственного определения оценок речи как «функциональных характеристик, даваемых говорящими (пишущими) в процессе речи, относящиеся к самой речи и эксплицитно в ней выраженных» автор анализирует оценки речи по поводу личных имен, представленных в художественной литературе [Шварцкопф, 1976, с. 47-48]. Согласно выводам Б. С. Шварцкопфа, сделанным им на основе анализа художественных произведений советского периода, «наличие эстетического компонента особенно очевидно в такой антропонимической категории, как личное имя». При этом Б. С. Шварцкопф обращает внимание на то, что «оценки имени как “красивого” часто весьма субъективны» [Там же, с. 56]. Он также пишет о «переплетении эстетического с социальным в мотивировках оценок личных имен», т. е. эстетический критерий выступает не один, а наряду с социальным [Там же, с. 58].

К. И. Кропачева рассматривает английские аллюзивные антропонимы с точки зрения их аксиологического потенциала. Справедливо мнение автора о том, что «при изучении особенностей реализации аксиологического потенциала антропонимов особое внимание следует обратить на функционирование имён

собственных в художественной литературе и массмедийном дискурсе». Автор приводит примеры из британской прессы и делает вывод, что «аллюзивные антропонимы, обладающие наибольшим аксиологическим потенциалом, сравнительно редко употребляются для того, чтобы охарактеризовать человека, вследствие своего ярко выраженного эмоционально-оценочного наполнения» [Кропачева, 2016, с. 141].

Однако контекстуального анализа для оценки личных имен недостаточно. По замечанию Б. С. Шварцкопфа, «при изучении динамики личных имен (и тем более мотивировки выбора имени) не следует пренебрегать мнением носителей языка, которое – несмотря на отмеченную В. А. Никоновым недостаточную осознанность или даже неосознанность мотивов выбора – представляет собой интересный (хотя и дополнительный) источник исследования употребления личных имен» [Шварцкопф, 1976, с. 47].

С целью выявления ценностного отношения к личным именам в разных странах проводились экспериментальные исследования.

Интересные данные об оценке антропонимов получены В. И. Супруном при проведении ассоциативного эксперимента для определения социономастических знаний русских студентов и оценочно-эстетических параметров антропонимов. В качестве стимулов для реакции респондентов выступали фразы: «самое благозвучное имя»; «имя, самое хорошее по исходной семантике»; «самое радостное имя», «самое злое имя»; «самое смешное имя» и другие. При анализе результатов эксперимента автор приходит к выводу о тесной взаимосвязи эстетико-оценочных категорий с социономастическими, поскольку на оценку имени влияет его частотность в языке, мода на тот или иной антропоним, семейные традиции и многое другое [Супрун, 2000, с. 36-48].

Н. В. Васильева, обосновывая термин «психономастика», иногда употребляемый в работах об именах собственных, анализирует в частности эксперименты с собственными именами, преимущественно ассоциативные, которые проводились разными исследователями для установления коннотаций и оценочных характеристик разных групп имен. Автор определяет такие

эксперименты как психономастические и обращает внимание на специфику реакции респондентов на имена собственные, которые значительно отличаются от их реакции на нарицательные имена [Васильева, 2014, с. 130-131].

Эксперименты, направленные на выявление предпочтений при оценке личных имен, проводились и в США. Например, американский исследователь Э. Лоусон провел эксперимент с целью выявления наиболее предпочтительных полных форм личных имен и их дериватов в акте коммуникации. Результаты исследования подтвердили наличие стереотипов, как у мужчин, так и у женщин. Респонденты отдали предпочтение дериватам Dave, Jim, Tom, а не соответствующим им полным формам, но в то же время охарактеризовали как “непривлекательные” дериваты Dan и Ed. Зато они проявили единодушие, поставив уменьшительные формы имен на третье место по предпочтительности после полных и неполных имен [Цит. по: Гайдук, 2001, с. 20-21]. Анализируя результаты этого эксперимента, И. В. Гайдук делает вывод о том, что «в процессе речевого функционирования антропоним испытывает на себе влияние многих социальных факторов, приводящих к появлению у него дополнительных социальных смыслов, закрепляющихся впоследствии на языковом уровне. Социальная окраска, например, может быть присуща производным формам личных имен [Гайдук, 2001, с. 20].

Наиболее близким к задачам нашего исследования представляется социолингвистический опрос, проведенный итальянской исследовательницей К. Писоччи. С целью выяснить, какие факторы преобладают при выборе личного имени, респондентам (группе студентов) были заданы следующие вопросы: 1. Как вас зовут? Знаете ли вы значение своего имени? Знаете ли вы его происхождение? 2. Кто его выбрал? Что стало причиной выбора? 3. Есть ли у вас среднее имя? Почему оно было выбрано? 4. Какое имя вы предпочитаете и почему? 5. Есть ли у вас прозвище? Как оно появилось? 6. Вам нравится, когда вас называют, используя ласкательную форму? Окружающие часто вас так называть? 7. Каковы первые (и средние) имена ваших родителей? Нравятся ли вам эти имена? Почему? 8. Какие могли бы быть причины выбора имени для

ребенка? 9. Как насчет имени для вашего питомца? Вы бы применяли те же критерии? [Pisoschi, 2013, p. 53 – 54].

После анализа ответов респондентов К. Писоччи пришла к следующим выводам. Во-первых, большинство респондентов не знают о значении собственных имен, но очевидны попытки найти новую мотивировку имени. Это может быть «семантически неточное» значение, или прагматически подразумеваемое, но это доказательство того, что семантические и прагматические критерии сосуществуют при выборе имени, его восприятии и интерпретации. Во-вторых, наблюдается пассивное принятие имен и их функций в связи с существующими верованиями и традициями. Тем не менее отмечается стремление респондентов расширить свои знания о происхождении имен. В-третьих, нет столкновения между традицией и модой, они сосуществуют в виде связи двух или более имен собственных, одно из которых относится к модным, а другое – к традиционным (первое имя и одно или более средних имен; краткие формы имени и прозвища). При этом английские варианты имен часто используются молодыми людьми, так как это помогает им быть модными, способствует общественному признанию. Однако автор сам отмечает некоторый субъективизм последнего вывода, поскольку респондентами были только представители молодого поколения. [Там же, р. 68]. Таким образом, экспериментально устанавливается зависимость оценки антропонима от пола, возраста, существующих в обществе традиций имянаречения и моды.

Однако любые признаки собственного имени наиболее наглядны в контрастивных исследованиях, поскольку, по точному наблюдению Т. В. Хвесько, «только при сопоставлении можно выделить общие модели имянаречения, а также отметить характерные черты, присутствующие в одном и отсутствующие в другом языке» [Хвесько, 2013, с. 112].

С данных позиций наиболее важным для настоящего исследования представляется обращение к работам, в которых дается сопоставительный анализ оценки личных имен. Например, О. В. Кисель в ходе социолингвистического эксперимента, в котором участвовали представители

двух лингвокультур (русской и немецкой) выясняет взаимосвязь коннотации и мотивов имянаречения. Полученные данные автор использует для представления современной системы мотивов имянаречения. Обращается внимание на то, что «коннотация личных имен основана на разноплановом ассоциативном фоне имени, так как информанты дают субъективные, эмоционально-оценочные характеристики имени» По мнению автора, эти признаки и мотивы имянаречения представляют собой экстралингвистическую сущность онима. О. В. Кисель выделяет следующие признаки, при помощи которых могут быть выявлены оценочный и экспрессивный компоненты коннотации личного имени: «полная – сокращенная форма»; «официальное – фамильярное»; «уважительное – небрежное»; «просторечное – литературное». Рассматривая проецирование мотивов в культурном компоненте коннотации, автор называет такие признаки, как «родное – иностранное»; «редкое – часто употребляемое»; «активное – пассивное»; «знакомое – незнакомое», «одобрительное – неодобрительное»; «благозвучное – неблагозвучное»; «мужское – женское». При этом подчеркивается, что «мотивы имянаречения предопределяются культурой, доминирующей идеей определенного этапа развития общества» [Кисель, 2009, с.19 – 22].

В ходе проведенного эксперимента автор приходит к заключению, что «имя не является нейтральной языковой единицей: одни имена вызывают положительные ассоциации, другие имеют отрицательный оттенок», поэтому «невозможно говорить о четком распределении данных признаков по определенным компонентам коннотации личного имени, все они связаны между собой, что позволяет судить о коннотации личного онима как о сложном образовании». Это дало автору основание утверждать, что «оценочность и экспрессивность находятся в тесной связи друг с другом», а также прийти к выводу, что «все мотивы, которые влияют на оценочные и экспрессивный компоненты коннотации, могут быть определены деривационными возможностями онима, субъективными предпочтениями имядателя и

реализовываются через такие лингвистические средства, как морфологические и фонетические» [Там же].

Обобщая рассмотренные выше данные, отметим, что извлечение оценочности личного имени может происходить на основании анализа контекстов (например, художественной литературы и публицистики) или результатов социолингвистических опросов и экспериментальных исследований. Последний источник представляется наиболее значимым и достоверным. Экспериментально доказана эмоционально-оценочная соотнесенность личных имен, с одной стороны, с носителем и имядателем, с другой стороны, с условиями, которые выдвигает общество. На оценку имени представителями той или иной лингвокультуры могут влиять такие культурно-исторические факторы, как национальность, конфессия, стремление сохранить традиции внутрисемейного имени, а также желание дать красивое, редкое имя. При этом ни в одной из упомянутых выше работ не анализируются и не сопоставляются метаязыковые высказывания представителей разных лингвокультур – имядателей и носителей имени.

Выводы по первой главе

Рассмотренный в первой главе материал позволил определить языковую рефлексию как ценностное отношение к фактам языка его носителей с позиции различных научных подходов: коммуникативно-прагматического, социолингвистического, психолингвистического и ономастического.

Языковая рефлексия с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода рассматривается многими учеными как «рефлексия наивного пользователя», «бытовая философия языка». Она проявляется, прежде всего, в аспекте народной этимологии и эмоциональной оценке носителями языка различных языковых фактов (орфографии, новых слов, заимствований и т.п.).

Социолингвистические исследования языковой рефлексии являются крайне важными с точки зрения выделения и описания особого типа дискурса –

метаязыкового – и его основной единицы – рефлексива, под которым понимается метаязыковой комментарий по поводу употребления актуальной лексической единицы. Отмечается возможность диахронического описания рефлексивов, которые всегда ситуативны и социально обусловлены.

Рассматривая историю изучения языковой рефлексии в психолингвистике, следует отметить рефлексивный характер большинства психолингвистических методик. Кроме того, языковая рефлексия как психолингвистический феномен исследуется при разработке моделей порождения речи, онтогенеза речи, обучения родной речи и реакции на высказывание собеседника.

Несмотря на внимание лингвистов к рассматриваемому феномену языковая рефлексия в ономастике остается недостаточно изученной областью. И. В. Крюковой в самом общем виде намечены направления исследования языковой рефлексии на имена собственные и выделены типы ономастических рефлексивов по субъекту речи (авторские и адресатные), эмоциональной оценке имени (пейоративные и мелиоративные), объему и структуре (первичные и вторичные). Фрагментарно рассматривалась языковая рефлексия на прозвища, литературные имена и некоторые виды рекламных имен. При этом языковая рефлексия в антропонимии не становилась объектом исследования.

Антропонимы (любые собственные имена, которые может носить человек) наиболее значимы в когнитивном и эмоциональном плане для носителей любой лингвокультуры. По этой причине их можно считать наиболее актуальным объектом исследования языковой рефлексии. Они занимают центральное (ядерное) место в ономастическом поле, возможно также выделение антропонимического поля, ядром которого являются личные имена.

Системы антропонимов не полностью совпадают в различных лингвокультурах. Так, для русской антропонимической системы характерна трехчленная формула именованья, которая состоит из фамилии, имени и отчества и является строго регламентированной. Регламентированность системы

наименования в России проявляется в низкой распространенности имятворчества, а также относительной стабильности основного состава имени.

Существенным отличием американской антропонимической системы является наличие средних имен (middle names). Примечательно, что в американской антропонимической традиции средние имена могут даваться в честь любого из старших родственников, тогда как в русской традиции именование отчество дается только в честь отца.

Кроме того, американскую антропонимическую систему, в силу ряда исторических причин сформировавшуюся значительно позже русской, отличает большая свобода в выборе личных имен новорожденным, значительно чаще отмечается имятворчество. Примером может служить соединение имен, фамилий или инициалов родителей в одно имя для новорожденного.

Личные имена, как правило, эмоционально переживаются носителями лингвокультуры. Исследования эмоционально-оценочного отношения к личным именам с привлечением различных экспериментальных методик позволяют соотнести имена с носителями и имядателями, а также с национальными, культурно-историческими и социальными условиями функционирования имени.

С учетом приведенных выше положений о языковой рефлексии и национально-культурных особенностях антропонимов определим языковую рефлексивность в антропонимии как ценностное отношение представителей определенной лингвокультуры к личным именам, отраженное в метаязыковых высказываниях (рефлексивах) имядателей и носителей имени.

Глава II. Социокультурные особенности языковой рефлексии на личные имена

2.1. Процедура отбора материала и методика анализа

Для описания структуры номинативной ситуации «наречение именем» в русской и американской лингвокультурах и выявления мотивов наречения именем, представленных в рефлексивах именуемых субъектов и носителей имени, мы использовали следующие методы научного исследования:

1. общенаучный описательный метод, представленный приемами наблюдения, классификации, интерпретации и обобщения;
2. сравнительно-сопоставительный метод;
3. комплексная социолингвистическая методика опроса, включающая свободную беседу, анкетирование и опрос через Интернет;
4. контекстуальный анализ текстов различных жанров, содержащих языковую рефлексия на употребление личных имен (Интернет-общение, публикации в СМИ) и прием количественных подсчетов.

Данные методы были направлены на выявление:

- 1) мотивов имянаречения русских и американцев;
- 2) ценностного отношения к личным именам;
- 3) коммуникативных неудач, возникающих при несовпадении номинативных интенций имядателей и носителей имени.

Для реализации данных целей в 2014-2015 годах мы провели социолингвистический опрос в виде анкетирования и свободной беседы. На наш взгляд, опрос дает возможность привлечь большее количество респондентов, а также увидеть существующие тенденции в отношении к личному имени. В данном случае нельзя не согласиться с О. А. Леонтович, которая выделяет следующие достоинства анкетирования: «1. Оно дешевле, чем интервью, и легче для осуществления; 2. Проводится быстрее; 3. Отсутствует воздействие личности интервьюера; 4. Удобно для респондентов» [Леонтович, 2011, с. 62].

Нами были разработаны две анкеты: для имядателей и для носителей имени. Анкета для носителей имени состояла из 3 заданий и выглядела следующим образом:

Дополните, пожалуйста, высказывания: 1. Мне нравится (не нравится) мое имя, потому что...; 2. Я люблю (не люблю), когда меня называют....., потому что...; 3. Если с отношением к вашему имени связана какая-нибудь история, расскажите ее. Укажите, пожалуйста, Ваш возраст, пол, образование.

Анкета для имядателей тоже состояла из 3 заданий:

«Дополните, пожалуйста, высказывания 1. Моего сына (дочь) зовут... (Если у вас не один ребенок, то можно писать имена всех своих детей); 2. Мы назвали его (ее) так, потому что... (Здесь тоже можно написать обо всех своих детях); 3. Если с выбором имени связана какая-нибудь история, расскажите ее». Укажите, пожалуйста, ваш возраст, пол, образование.

Анкеты для американских родителей и носителей имени включали те же вопросы, что и для русских, переведенные на английский язык. Полученные результаты опроса были дополнены анализом метаязыковых высказываний русских и американских пользователей сети Интернет на специализированных сайтах, посвященных личным именам. Во всех рефлексивах сохранена орфография, пунктуация и авторский стиль изложения.

Опрос американских респондентов производился через Интернет, в форме беседы и рассылки анкет на международном ресурсе Facebook, а также с помощью программы для создания интернет-опросов и составления анкет surveymonkey.com (См. Приложения 1, 2).

Опрос, проводимый через средства массовой информации (газеты, журналы, Интернет), О. А. Леонтович называет «специфической разновидностью анкетирования». По мнению автора, «он охватывает широкую аудиторию, однако в значительной степени зависит от личного желания читателей принять в нем участие» [Леонтович, 2011, с. 61].

Следует отметить, что Интернет-опрос как метод социолингвистического опроса удобен тем, что сближает анкетлируемого и интервьюера, ставит их на один уровень, позволяет охватить большой объем аудитории.

В опросе участвовали 275 русских респондентов (из них 135 имядателей и 140 носителей имени). В опросе также приняли участие 243 американских респондента (из них 119 имядателей и 124 носителя имени).

Респонденты различались по возрасту, полу и уровню образования. Среди русских респондентов 70% опрошенных – от 18 до 50 лет, 30 % – от 50 до 67 лет. Из них 60% женщин и 40% мужчин. 80% участников опроса на момент заполнения анкеты имели высшее образование.

Среди американских респондентов 60% опрошенных – от 21 до 50 лет, 40 % – от 50 до 60 лет. Как и среди русских респондентов, женщины оказались более активными участниками опроса, чем мужчины – 68% женщин и 32% мужчин. Процент имеющих высшее образование оказался выше, чем у русских – 90% американских участников опроса на момент заполнения анкеты имели высшее образование.

При опросе русских и американских респондентов нами также применялся метод свободной беседы. Следует отметить, что свободная беседа, в отличие от анкетирования, позволяет установить личный контакт интервьюера и респондента и, соответственно, наладить наиболее эффективную коммуникацию, когда необходимая информация не теряется и не искажается. При свободной беседе предоставляется возможность задать большое количество вопросов на различные темы.

Те респонденты, которые были опрошены методом свободной беседы, гораздо охотнее шли на контакт и предоставляли большое количество сведений о своих именах. Родители достаточно охотно отвечали на вопросы как о собственных именах, так и об именах своих детей, вспоминали случаи из жизни, благодаря которым они дали имя своему ребенку.

В данном случае подтверждаются слова А. М. Айламазьян о том, что «беседа свободного типа всегда ориентирована на конкретного данного

собеседника. Она позволяет получать множество данных не только прямым, но и косвенным образом, поддерживать контакт с собеседником» [Айламазьян, 1999, с. 51].

С использованием данного метода нами были опрошены 10% российских носителей имени и 5% родителей. 7% американских носителей имени также было опрошено методом свободной беседы.

Помимо этого, нами были проанализированы материалы блогов англоязычных пользователей сети Интернет на сайтах <http://www.babynamewizard.com> и <http://nameberry.com>, посвященных личным именам.

Сайт <http://www.babynamewizard.com> был создан в 2003 году одним из самых известных экспертов в области личных имен Лаурой Уоттенберг. Сайт имеет следующие популярные разделы: maps, NameFinder, и Namipedia, в них содержится полная информация практически о любом имени.

Сайт <http://nameberry.com> был создан в 2008 году, он содержит тысячи имен детей, списки уникальных имен, а также активное сообщество пользователей, рефлексивы которых были привлечены для анализа. Основные разделы сайта: Names, Baby Girl Names, Baby Boy Names, Popular Names, Celebrity Baby Names, and Advice помогают пользователям выбрать наиболее подходящие имена для своих детей.

Кроме того, были проанализированы материалы различных русскоязычных форумов, таких как «Семейный форум» <http://forum.familyclub> и «Женский форум» <http://jenskiyforum.ru>, в которых есть рубрики, посвященные обсуждению личных имен.

«Семейный форум» <http://forum.familyclub> представляет собой клуб семейного досуга. Здесь пользователи интернета (в основном женщины) общаются на любимые темы: свадьба, семейная жизнь, беременность, дети, семейный досуг.

Сайт <http://jenskiyforum.ru> был создан в 2013 году. Здесь обсуждаются такие темы, как «Отношения и любовь» «Красота и здоровье» «Брак, беременность и дети», «Домашние дела».

Метаязыковые высказывания о личных именах участников интернет-общения имели большую ценность для нашего исследования не только потому, что содержали языковую рефлексию со стороны носителей личных имен и имядателей, но еще и потому, что в данных текстах у авторов отсутствует психологический барьер, в результате оценка имени становится более откровенной, чем при личной беседе.

Всего было проанализировано 262 (120 англоязычных и 142 русскоязычных) текста-рассказа о личных именах и отношении к ним со стороны их носителей, взятые с сайтов. Все рассказы содержат рефлексию имядателей или носителей имени и тематически связаны с вопросами, которые мы задавали респондентам.

Таким образом, всего было привлечено для исследования языковой рефлексии на личные имена 780 метаязыковых высказываний русских и американцев, посвященных оценке личных имен.

Когда мы говорим об использовании в работе метаязыковых высказываний русских, то имеем в виду жителей России, для которых русский язык и культура являются родными, которые относят себя к русскому этносу, с его традициями и нормами речевого поведения. Оставляя за пределами данного исследования дискуссии о том, можно ли считать американский народ нацией, мы говорим о метаязыковых высказываниях американцев, имея в виду граждан США, носителей стандартного английского языка и американской лингвокультуры. Кроме того, в качестве дополнительного материала привлекались фрагменты интервью из СМИ, в которых интервьюируемые (в большинстве своем известные люди) рассказывают о мотивах, которыми они руководствовались при наречении именем ребенка или об отношении к своему имени.

Проведенное исследование позволило выявить возрастные, гендерные, национально-культурные и статусные различия как в наречении именем, так и в оценке личных имен русскими и американцами.

Анкеты респондентов показали некоторые расхождения в номинативных предпочтениях русских и американских родителей. Эмоциональность реакции, наблюдаемая в полученных высказываниях участников опроса, позволяет говорить о достаточно частотном несовпадении интенций родителей и восприятия имен их носителями.

Для определения причин такого несовпадения обратимся, прежде всего, к анализу номинативной ситуации, в которой происходит наречение именем ребенка. Номинативная ситуация находит свое отражение в метаязыковых высказываниях имядателей.

2.2. Языковая рефлексия русских и американских имядателей

2.2.1. Номинативная ситуация «наречение именем»

Изучение особенностей наречения именем при рождении ребенка позволяет лучше понять и охарактеризовать мотивы номинативной деятельности носителя языка, а также выявить современные тенденции в области одного из основных видов языковой активности – создания имени.

Исследуя особенности искусственной ономастической номинации, М. В. Голомидова отмечает, что «уяснение специфики естественного и искусственного названия требует обращения к ситуации названия» [Голомидова, 1980, с. 6].

Согласно определению В. Г. Гака, «номинативная ситуация» – это «совокупность элементов, присутствующих в сознании говорящего и в объективной действительности в момент «сказывания» и обуславливающих в определенной мере отбор языковых элементов при формировании самого высказывания» [Гак, 1973, с. 251].

Из определения видно, что для исследования номинативной ситуации нужно анализировать не только особенности говорящего, но и экстралингвистические условия, в которых происходит выбор номинативной единицы.

В этой связи закономерно введение понятия прагматического контекста, который, по определению Т. А. ван Дейка, является теоретической и когнитивной абстракцией разнообразных физико-биологических и прочих ситуаций. В прагматическом контексте общие знания о мире, которыми располагают участники интеракции, аспектуализируются и тематизируются применительно к речевой ситуации, к ее главным компонентам: Где? С кем? О чем? По какому поводу? [Дейк ван, 1989].

Следует отметить, что прагматический контекст может быть структурирован как социальный в терминах социального взаимодействия. Т. А. ван Дейк утверждает, что социальная структура, поскольку она представлена в нашем сознании, должна быть принята во внимание при анализе процесса прагматического понимания. На этом уровне анализа значимой является не столько сама социальная ситуация как таковая, сколько ее интерпретация или представление о ней у участников коммуникации. Социальный контекст тоже является абстрактным конструктом по отношению к реальным социальным ситуациям.

Различные ситуации взаимодействия позволили Т. А. ван Дейку сделать вывод о том, что в процессе прагматического понимания каждый говорящий должен активизировать следующую информацию о социальном контексте в целом: специфический тип ситуации, фрейм контекста, релевантный в настоящий момент, свойства и отношения между социальными позициями, функциями и конкретными участниками, заполняющими «вакантные места». Конвенциональные установления (правила, законы, принципы, нормы, ценности), определяющие социально возможные действия этих людей, тоже должны быть учтены. Таким образом, Т. А. ван Дейк предлагает использовать для структурирования прагматического контекста следующие элементы:

1. Социальный контекст, включающий в себя позиции (например, роли, статусы) участников, их свойства (пол, возраст) и отношения.

2. Характер ситуации (институциональная, неформальная и т.д.) [Дейк ван, 1989].

Для определения номинативной ситуации важны не только прагматический контекст и характеристики именуемого субъекта, но и адресата.

Н. Д. Арутюнова, использует термин «адресат», подчеркивая сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или неконкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем «коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой» [Арутюнова, 1981, с. 358].

О. Л. Каменская справедливо замечает, что, говоря об ориентации автора на фактор адресата, мы имеем в виду не только осознанную речевую стратегию первого, но и неосознаваемый или слабо осознаваемый учет им тех или иных особенностей адресата [Каменская, 2002].

В. Г. Гак считает, что процесс номинации непосредственно связан с языковой личностью. При этом языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами. Внутреннюю форму речевого знака создает признак объекта, который отбирается в акте наименования. При номинации субъект отбирает в объекте один или ряд признаков, которые и кладутся в основу наименования. Так как всякий объект, и, безусловно, человек, имеет множество признаков, и, соответственно, каждый из них может лечь в основу речевой номинации, а, следовательно, одно и то же лицо может получить множество речевых обозначений [Гак, 1998, с. 578, 318].

Далее автор уточняет, что разнообразные наименования одного и того же лица могут принадлежать одному и тому же номинатору либо осуществляться от имени одного и того же номинатора [Там же, с. 578].

Из сказанного выше можно сделать вывод о разнообразии номинативных ситуаций. Конкретные особенности той или иной номинативной ситуации зависят от характера именуемого объекта и отношений «автор– адресат».

Кроме того, анализ номинативных ситуаций помогает исследователю понять национально-культурные особенности участников номинативного акта.

Например, О. В. Врублевская, основываясь на положениях Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака и др. исследователей, трактует совокупность рассмотренных выше факторов как номинативную ситуацию, которая включает в себя следующие компоненты: условия/обстоятельства ситуации, объект, субъект, цель, адресат номинации, фоновые знания, канал связи, код (языковые средства), паралингвистические средства [Врублевская, 2006, с. 11]. Такой подход помогает автору охарактеризовать названия торжественных мероприятий.

Ван Мяо анализирует типизированную номинативную ситуацию присвоения названий кондитерским изделиям и выявляет особенности, в которых даются названия кондитерским изделиям в России и Китае. С опорой на существующие в прагмалингвистике положения о коммуникативной ситуации, автор определяет номинативную ситуацию присвоения названий товарам как «разновидность типизированной ситуации, которая относится к сфере искусственной номинации, принадлежит к институированной сфере и разворачивается в рамках торгово-экономической деятельности. Режим осуществления номинативной деятельности в данной ситуации характеризуется как речевой акт-установление декларативного типа, когда новое название целенаправленно изобретается и императивно закрепляется за каким-либо образцом продукции. Номинативная ситуация включает в себя 3 основных компонента: именующий субъект, именуемый объект и адресат» [Ван Мяо, 2010, с. 145].

Автор отмечает, что при создании названий для кондитерских изделий в России и Китае учитываются такие параметры, как возраст адресата и его национально-культурные особенности. Проанализировав полученный материал,

Ван Мяо пришла к выводу, что в названиях кондитерских продуктов чётко прослеживаются номинативные интенции именуемого субъекта. В работе Ван Мяо условно выделяется «две группы прагматонимов – отобъектные (конкретные сведения о кондитерских изделиях: место производства продукта, состав, форма продукта и качество продукта) и отадресатные (ориентация на возраст и национально-культурные особенности потенциальных потребителей кондитерской продукции)» [Ван Мяо, 2010, с. 146]. Таким образом, в прагматониме отразились компоненты номинативной ситуации.

И. С. Стаханова тоже обращается к анализу номинативной ситуации. Автор проводит исследование школьных прозвищ, во-первых, построенное на анализе прагматического контекста, включающего номинативную ситуацию, в котором разворачивается номинативная деятельность и, во-вторых, на выявлении особенностей взаимоотношений автора и адресата [Стаханова, 2011, с. 74-75]. Исследование, проведенное с опорой на анализ номинативной ситуации, позволило И. С. Стахановой выявить возрастные, гендерные, национально-культурные и статусные различия в образовании и оценке прозвищ. В классификации автора школьные прозвища дифференцируются по типу именуемого субъекта, по номинативным интенциям именуемого субъекта, а также по отношению к прозвищу его носителя.

Таким образом, в каждом конкретном случае исследователи выделяют единицы анализа номинативной ситуации, которые затем рассматриваются применительно к определенным обстоятельствам. Поэтому далее для определения номинативной ситуации «наречение именем» будем использовать к результатам нашего опроса русских и американских имядателей.

Для установления единиц анализа номинативной ситуации «наречение именем» обратимся к структуре номинативной ситуации, разработанной М. В. Голомидовой. К основным компонентам номинативной ситуации относятся: сферы социальной активности, социальные статусы называющих субъектов, типизированные ситуации, режим осуществления номинации, канал для

естественной узуализации [Голомидова, 1998, с. 41]. Анализ показал, что все компоненты номинативной ситуации находят отражение в рефлексивах ее участников.

Номинативная ситуация может быть охарактеризована с точки зрения **сферы социальной активности**: общественной деятельности в институтированных сферах; общественного взаимодействия в слабо формализованных сферах народной и городской культуры; личного общения в частных институтах (семейного); личного неформального общения и т.д. Значение прагматического контекста в процессе номинативной деятельности заключается в ономазиологическом выборе объекта или представлении о местоопределении самой денотации (уместности/неуместности). [Голомидова, 1998, с. 41].

С учетом сказанного выше считаем, что ситуация «наречение именем» является одной из сфер социальной активности. Официальному закреплению имени в органах власти предшествует активное его обсуждение в неформальном семейном общении:

Мы выбрали имя дочери еще перед свадьбой, в 2003 году. Попалась нам книга про имена, почитали с мужем и решили, что Юлия Андреевна звучит очень даже замечательно. Тем более, муж мой хотел назвать именно обычным именем, не экзотическим. Мы были на 100% уверены, что родится дочь, но на всякий случай решили, что если будет пацан, назовем его Артемкой. Я когда беременная ходила, в шутку спрашивала у мужа: "Может, по-другому назовем?", а он мне: "Ты что, ВСЮ ЖИЗНЬ была Юлия Андреевна, а сейчас по-другому? Нет, нет и еще раз нет!" Все родственники знали, что будет у нас Юлия Андреевна, и точка [JF].

При этом нередки конфликты между участниками номинативной ситуации, борьба за право стать единственным именуемым субъектом. Проиллюстрируем примером:

Первого своего ребенка, дочечку, я назвала сама. Мотивировала это тем, что я ее выносила и родила, поэтому я имею на имя полное право. Хотя, имя

"Вика" мне пришлось отвоевывать у свекрови. Имя второго ребенка я доверила выбирать семейке мужа. Приз в выборе имени достался бабушке моего мужа, и сына назвали Юрий! [JF].

Такие рефлексивы несут информацию не только об отношении к имени, но и о непростых взаимоотношениях в семье (борьба за лидерство, отношения со свекровью и т. п.), о существовании семейных традиций.

Кроме того, неформальная апробация будущего имени ведется на специальных форумах в интернете. Анализ показал, что американские родители – более активные участники подобных дискуссий, в то время как русские родители чаще ограничиваются обсуждением будущего имени ребенка в семейном кругу. В следующих высказываниях американские участники форумов просят помощи в выборе имени своему ребенку. Примечательно, что родители хотят, чтобы полученное в результате обсуждения имя сочеталось с именами остальных детей:

1. *We already have our twin boys called Payton and Emerson and we are now pregnant with a very unexpected baby (sex still unknown). We have a few ideas in mind for girls and boys which included Calvin and Hunter for boys and Stella, Zola and Marnie for girls. But we are still on the hunt for a few more so I would really welcome some ideas for both genders. Many thanks!* [NB].

2. *Hi! I have a 3 year old called Sienna Anastasia and a 1 year old called Fredrik Austin Freddie. I have another baby on the way and have a few ideas on names. I was wondering what people's opinions were on them and if they had any other suggestions. Girls: Quinn – (I LOVE this), Aurora, Lux, Robyn. Boys: Felix, Phoenix, Edward - (but I feel like it sounds too close to Freddie?), Lucas. Feel like I have some more that I like that I can't think of at the moment!* [NB].

Несмотря на то, что русские родители менее активно обсуждают имена своих детей в интернете, подобные случаи все-таки встречаются. Зачастую это молодые женщины, находящиеся в ожидании ребенка, они просят совета в выборе имени для него:

Девочки, помогите! Всю голову сломали с мужем. Конечно, понимаю называть нам ведь это наш ребенок, но и интересно выслушать людей. Первую дочь назвали Ева, ей сейчас 1.3. Вторая скоро родится, думаем назвать Венера, Жанна, Афина или Ника. Может, посоветуете какие-нибудь еще интересные имена или про эти что-нибудь скажете. Может, кто лично знаком с людьми с таким именем, какой характер у этих людей. Заранее всем спасибо! [БР].

Приведенные примеры показывают, что, как русские, так и американцы, обращаясь к участникам форумов, просят помочь в выборе имен из списка, предложенного самими имядетелями. Очевидно, что обсуждению будущего имени ребенка на форумах, если оно имеет место, предшествует обсуждение имени в кругу семьи.

М. В. Голомидова отмечает, что «для осуществления искусственной номинации существуют **типизированные ситуации**, являющиеся фреймами социального контекста, которые представляются следующим образом: наречение новорожденного; официальное переименование; официальное присвоение имени искусственно созданному ландшафтному объекту; присвоение имени природному ландшафтному, либо космическому объекту при занесении его на карты, в каталоги, списки и т.д.; официальное наречение институтов общественной деятельности; присвоение имен творческим коллективам; присвоение имен транспортным средствам, уникальным техническим сооружениям и др.» [Голомидова, 1998, с. 41].

Принимая во внимание данные виды типизированных ситуаций, представим ситуацию «наречение именем новорожденного» в виде последовательных действий: определение именуемого субъекта, имеющего право на имянаречение, утверждение имени в семье, официальная регистрация имени в органах власти.

Рефлексивы участников опроса, в которых содержится предыстория выбора имени, помогают определить, кто был имядателем. Рассмотрим их в порядке частотной представленности в анкетах респондентов:

1) Имя для новорожденного предложил один из родителей (отец или мать). Зачастую это матери:

Старшую дочку называла я, все имена, что я предлагала мужу еще во время беременности, он отвергал, какие я только не предлагала, потом сказала, что имя – Арина это последнее и возражения не принимаются.

Упоминания о том, что имя ребенку выбрал отец, встречаются достаточно редко:

Нашу дочь зовут Елена. Назвал муж в честь его тети и сделал своему папе приятное, подарок.

Похожая ситуация отмечается и в рефлексивах американских респондентов:

Our daughter is named Tara because I always swore that if I'd had a girl I would've named her Tara because I liked it so much on a sweet little girl in my brother's class.

2) Родители совместно выбрали имя для ребенка. Такие высказывания начинаются с местоимения мы/we, которое передает информацию о совместности действий имядателей:

Мы еще до беременности решили, девочка – Виктория, мальчик – Иван (как моего деда!) И споров не было)) Вот, сейчас ждем Викторию Александровну! [БР].

Иногда рефлексивы подобного типа имеют форму нарратива – семейной истории с последовательным развитием событий:

Our daughter was named before birth. We were sitting in the apartment at the kitchen table going over lists of names. I kept rejecting my wife's suggestions. The electricity was out so we had the room lit with candles scented Amber Vanilla. I was insistent on Nicole as our daughter's name, but my wife was adamant and tossed out Emily and it was rejected. As a joke she tossed out Amber after the candles and I immediately agreed. Thus she was named after a candle from the dollar store and became one of the many Amber Nicoles in the US.

3) Имя для ребенка выбиралось другими членами семьи (дедушками или бабушками, старшими братьями или сестрами). Однако следует отметить, что подобные именуемые субъекты в анализируемом материале встречаются нечасто. Проиллюстрируем примерами:

1. Меня зовут Анна (27). Имя мне дал дедушка. Он смотрел "Поле Чудес", и там одна женщина выиграла машину. Он сказал родителям, чтобы меня назвали именно так, как зовут ту даму, якобы и я когда-нибудь выиграю машину в "Поле Чудес".

2. Меня зовут Ирина (38). Назвала меня сестра (ей тогда 6 лет было) в честь своих кукол, а кукол звали Ирочками. Так как я младшая в семье, всегда звали и зовут или Ириша или Ирочка.

3. My name's James (22). I was named James for my great-grandfather. My mother's grandmother suggested this name. She said that was a good name because James was such a wonderful man.

Заметим, что русские имядатели в этом случае руководствовались несущественными или случайными ассоциациями, связанными с именем, а американцы предоставляли право выбрать имя старшим родственникам с учетом семейных традиций и преемственности поколений.

4) Имя для ребенка было предложено близкими друзьями. Имядатели этого типа упоминались в ответах только русских респондентов:

После того, как дочка родилась, вся наша семья выбирала ей имя. Долгие споры привели нас к мысли об имени Валентина. Наш «новоиспеченный» отец пошел ее регистрировать, по пути встретил друзей. Конечно, пошли это дело отметить. Когда отец сказал, что хотят назвать Валею, друзьям не понравилось. В итоге по документам она стала Галиной!

5) Имя ребенку было дано в результате обсуждения на форуме. В данном случае стоит отметить, что американские пользователи используют сеть Интернет для обсуждения имен своих детей с гораздо большей активностью, чем русские:

Our son's name is Mathew. At first I suggested the name Leo, but all the relatives didn't like it. My husband said: «O'K, if you don't like the name, let's ask people to help». So, we used different sites devoted to names and their meanings and discussed different names with other people. And we came to conclusion that Mathew is the most suitable name for our little boy!

Хотя русские респонденты в большинстве своем считают, что выбор имени ребенку должен происходить внутри семьи, нам встречались случаи, когда они тоже выбирали имя ребенку при помощи различных форумов и сайтов:

У нас получилось так: первую половину беременности хотели назвать Максим, потом – Рома. В результате получилась Настя! Писались списки, изучались значения, был обползан весь интернет, но к единому мнению прийти не смогли! Решили поспрашивать у людей на форумах, спросили, какое из имен лучше: Настя, Софья или Оксана. Большинство было за Настю. Решили, что если люди так хорошо воспринимают это имя, то и ребенку будет с ним комфортно! Здесь решающую роль сыграло коллективное мнение.

б) На выбор имени повлияли люди, встреченные случайно. Они могут не только предложить свой вариант имени, но и отклонить ранее выбранный вариант:

А с именем младшего «война» была. Мне нравились три – Герман, Роман и Андрей. Мужу – Герман кое-как. Пошел в церковь – Герман подошло по именинам, но какая-то добрая бабулька, дай Бог ей здоровья, сказала, что Герман – великомученик и именем великомученика ребенка называть не стоит, мол, мучаться будет. Свекровушка моя строго-настрого приказала, что ребенок из роддома должен с именем домой приехать и муж мой, слушая мать свою, довел меня до белого каления, в роддоме мне вообще не до имени было. В общем, получился Тимофей [СМ].

Таким образом, типизированная ситуация «наречение именем» включает в себя обсуждение имени в семье или в других сферах социальной активности

(друзья, Интернет-пользователи, случайно встреченные люди), в ходе которого ставится номинативная задача и определяется именуемый субъект.

В социальном контексте содержатся компоненты **социальных и психологических характеристик именуемых субъектов**. С этой точки зрения необходимо учитывать личный авторитет имядателя в социальной группе, его бытийный опыт, возраст, пол, специальные знания и пр.

Анализируя ответы российских респондентов с данной позиции, следует отметить, что, как упоминалось выше, 70% из них – достаточно молодого возраста (от 25- до 35 лет), 80% процентов участников опроса имеют высшее образование. Участники опроса уверены в своем праве выбирать имя собственному ребенку.

Результаты опроса показали, что чем выше уровень образования родителей, тем более развернута и аргументирована их рефлексия. Наиболее развернутые ответы давали участники опроса, имеющие филологическое образование:

1. My son's name is James Marriner Browning. James is the names of his father's grandfather on his father's mother's side. Marriner is his Grandfather's first name and his father's middle name. They sound good together. Also James is the name of a good king. Marriner just rhymes well. His morher's grandmother wanted him named either John or Matthew but when she heard he was named James for his great-grandfather, she said that was a good name because James was such a wonderful man.

2. Моего сына зовут Мирослав. Назвали так, потому что у меня белорусско-польские корни. Имя Мирослав мне понравилось, так как казалось необычно привлекательным своим славянским, исконно-русским звучанием. Когда мы с родителями приезжали в Брест, откуда родом родители мамы, или в Гомель, откуда родом отец, часто слышала это имя, особенно когда в 1975 г. побывала в Польше у дальних родственников. Позднее узнала, что у этого имени сербское происхождение, что еще укрепило меня в желании так назвать сына. Мужу это имя тоже очень понравилось, и он даже в роддом посылал мне

записки с пожеланием назвать сына только так, хотя мой отец хотел, чтобы внука назвали в его честь – Василием.

Родители со средним образованием часто ограничивались короткими высказываниями без подробной аргументации своего выбора:

1. Назвали Артём, так как понравилось имя, и мы посчитали его не очень распространенным; 2. Елена и Александр – имена понравились. А Анатолия – в честь деда.

Результаты опроса показали, что на выбор имени для новорожденного также оказывают влияние гендерные характеристики респондентов.

Проанализировав рефлексивы мужчин и женщин-имядателей, мы пришли к выводу, что женщин при выборе имени для ребенка больше привлекает его эстетическая сторона, благозвучие. Кроме того, женщины часто называют своих детей в честь героев любимых фильмов или книг. Например, в следующем высказывании:

Своего сына семь лет назад назвала Данила в честь главного героя фильма «БРАТ», жду, когда сын подрастет чтобы показать ему этот фильм.

Участницы форумов, посвященных именам, тоже отмечают связь имени ребенка с любимым киногероем:

Обожаю фильм «дело было в пенькове»)) В герое Тихонова сочетается всё – и имя, и фамилия, и внешность, я с детства влюблена в это имя — Матвей, оно так часто там повторяется [БР].

Мужчины часто дают имена своим детям в честь людей, которых они встречали в жизни. Примечателен тот факт, что мужчины часто выбирают имя ребенку задолго до его появления, но озвучивают и объясняют свой выбор лишь после рождения ребенка:

Мою дочь зовут Виктория. Мы назвали её так, потому что это было единственное имя, которое нравилось мужу. Впоследствии я узнала, что у мужа был родной дядя, его звали Виктор, который был ему почти как отец.

При этом отцы бывают более категоричны, чем матери. Зачастую они придумывают имя ребенку самостоятельно, без посторонней помощи, и других вариантов имени не принимают:

1. У нас папа сказал Дмитрий, и баста! Другие варианты отметались сразу (например, Матвейка, Арсений, Антон)! Ну я особо и не сопротивлялась [ДР].

2. Мой муж решил, что его сына (первого, по крайней мере) будут звать только одним именем. Решил еще до знакомства со мной! И вообще-то, я уже на пятом где-то свидании была предупреждена об этом. В том, что будет мальчик, он тоже практически не сомневался. Я когда услышала, если честно, подумала, что это немножко странное имя, поскольку не знала, как ласково назвать ребенка с таким именем. А имя у нас – Елисей. Теперь я знаю, что Елисей – это Елисеюшка, Лисенок, Лисюша, Лисейка, Лисютка, Елис... Незнакомые люди, как только слышат это имя, сразу говорят царевич Елисей. Образованные – королевич Елисей! [JF].

Возраст тоже является одной из важных характеристик именуемых субъектов. По данным опроса, российские имядатели старшего возраста (от 37 до 67 лет) предпочитают руководствоваться при имянаречении ассоциациями с общественными или историческими деятелями:

Сына всю беременность называла Глебом, а когда родился, почему-то не смогла его так называть, язык не поворачивался. Когда выписали с роддома, сели дома, по телевизору показывали интронизацию Кирилла, нашего патриарха. Тут свекор и сказал: назовите Кириллом так и остался, за то свекор гордится, что хоть одного внука назвали, как он попросил [DR].

У американских респондентов практически не наблюдается различий в рефлексивах представителей старшего поколения и молодежи. И те, и другие предпочитают придерживаться семейных традиций. Приведем пример ответа одного из респондентов старшей возрастной группы:

My daughter's name is Elizabeth. We call her Lisa, a diminutive listed in the Jewish Book of Names. We chose the name because she is named after my

grandmother whose name was Isabella...a related name to Elizabeth. I wanted to call her Lisa and her father had promised my late grandmother that a daughter would be named after her. The research in the Jewish Book of Names yielded the answer. Isabella goes back to Elisheva which is Elizabeth in English, Lisa is a diminutive for Elizabeth.

На наш взгляд, неотъемлемым компонентом социальной характеристики именуемого субъекта является также его психологические характеристики. По мнению М. Э. Рут, «при создании или выборе номинативной единицы личность манифестирует не только свое отношение (в широком смысле) к данному объекту, но и выражает себя, сознательно либо бессознательно, важен постулат о психической стороне номинативного процесса, поскольку создание имени начинается до вербализации, и самые различные психологические характеристики номинатора могут выступить решающим фактором в именно такой реализации номинативного процесса» [Рут, 1994, с. 39].

С этой позиции представляет интерес обращение к понятию номинативной личности, которую можно рассматривать как центральный компонент в структуре номинативной ситуации. М. Н. Гафурова на основе результатов ономазиологического эксперимента, направленного на создание испытуемыми номинативных единиц, выделяет элементарные типологические характеристики, актуальные при портретировании номинативной личности: по качеству мотивационных признаков, по способу отражения мотивационных признаков, по формальным характеристикам номинации, по когнитивной установке и по отношению к номинативной задаче [Гафурова, 2012, с. 12].

Считаем, что подобные характеристики могут быть выделены не только при анализе номинативных единиц, полученных экспериментальным путем, но и при анализе метаязыковых высказываний респондентов. При исследовании номинативной ситуации *наречение именем* мы попытались определить психологические особенности участников опроса с опорой на данные М. Н. Гафуровой. Автор считает, что «каждая номинативная единица несет в себе информацию о номинаторе: через номинацию человек объективирует

приобретаемый опыт, при этом выбирая из лингвистического арсенала определенные модели, осуществляя лингвокреативную деятельность, в которой тесно переплетаются когнитивный и лингвистический аспекты» [Гафурова, 2012, с. 3].

По качеству мотивационных признаков выделяются визуалы и кинестетики. Первые ориентируются на внешние качества именуемого:

1. Решили, что именно это имя подходит ребенку после того, как увидели его после рождения. Когда же наше чудо родилось, сомнений быть и не могло! Ну вылитая Алиса!.

2. My daughter's name is Jenna. The other name we had picked out was Emma, but we had not decided between the names by the time she was born. As soon as I held her, I looked at her and thought, "This is Jenna, not Emma!".

Роль визуального мышления в процессе антропономинии рассматривается также А. В. Лошкорева. Автор считает, что визуальное мышление «играет определяющую роль в процессе антропономинии, поскольку становится тем механизмом, с помощью которого происходит наполнение языковой единицы, языкового знака значением, мотивацией, функциональностью. Визуальное мышление в основе образное, поэтому и антропономиния как специфический результат визуального мышления будет представлять собой единицу визуальную и образную, метафоричную» [Лошкорева, 2016, с. 135].

Кинестетики, в свою очередь, опираются не на визуальные качества, а на собственные ощущения от восприятия звуковой стороны имени или его ассоциативного фона:

1. Подбирали русское имя, чтобы оно сочеталось и красиво звучало – Екатерина Тимофеевна.

2. My son's name is Andrew. We chose this name because it sounded good with our last name Blinkinsop.

Приведенные примеры показывают, что мотивы российских и американских участников в данном случае были похожи.

Вслед за К. И. Демидовой, М. Э. Рут и А. С. Щербак, А. В. Лошкорева полагает, что «в основе антропоморфной модели лежит мир вещей и предметов, которые окружают человека и через которые происходит взаимодействие с внешним миром; своё отношение к внешнему миру человек, таким образом, выражает через мир вещей и предметов» [Там же, с. 134].

По способу отражения мотивационных признаков выделяются буквалисты и метафористы. Буквалисты отличаются прямым отражением признака, часто основанном на одном мотивировочном признаке. Например: *Сошлись на имени Владислав. К тому же, по гороскопу это имя очень хорошо подходит.* Такие рефлексивы представляют собой достаточно короткие высказывания.

Среди американских респондентов тоже встречались те, кто выбрал имя ребенку, взяв за основу лишь один мотивировочный признак: *My daughter's name is Constance. We liked this name because it is not popular.*

Для метафористов характерна номинация, основанная на довольно неожиданных ассоциациях. Среди метафористов типичными были мотивы, связанные с героями сериалов, книг и т.д. Примером может служить следующее высказывание:

Назвали сына Савелий, потому что это очень красивое православное имя, а так же по- сериалу «Громы»! Савка Громов – супер-роль! Супер- актер!

Подобные высказывания встречаем и у американских респондентов: *We name our daughter Kiara Nykohl after princess Kiara- Simba's daughter on the Lion king movie. We also liked the African roots in the name.*

По формальным характеристикам номинации (словообразовательным особенностям) М. Н. Гафурова разделяет номинаторов на категории пользователей, выбирающих имя объекту без изменения формы слова, и преобразователей, выбирающих слова с модифицирующими формальными элементами, неологизмы [Гафурова, 2012, с. 12]. Эти группы имядателей тоже отмечены в анализируемом материале.

Наиболее показательными оказались ответы русских респондентов из категории преобразователей. Они предлагают нестандартные варианты домашних (кратких) имен. Например:

1. Я еще несколько лет назад решила, что если будет дочь, то Ангелина, сократить можно, как Линочка, сейчас зовем ее Анжелок, Ангелуша!

2. С одной стороны имя Ариадна – необычное, а с другой стороны можно называть просто Арина или Арьяна (так мы её и называем и далеко не все знают её полное имя).

Следует отметить, что среди американских респондентов тоже встречались те, кто выбрал имя своему ребенку из-за возможности его видоизменять:

Naomi Cassandra- Naomi is a name I have adored my whole life it means “Pleasantness” and “Beautiful”. Cassandra is Greek meaning “phrophetess”. We’ve chosen these names not only because of their meanings. On more reason is that we can call Naomi Nay Nay or just N. It’s so cute!

Оценивая общую когнитивную установку, следует особо выделить имядателей, применяющих процедуры классификации и категоризации. Примером может служить следующее высказывание:

Выбор стоял между двух имен: Женя и Владик, так как имя Женя нравилось только мне, а Владик и мне и мужу, то сошлись на имени Владислав.

Среди американских участников опроса тоже встречаем подобные рефлексивы: *Mine is Mia, hence my screen name. I liked Maria and Maggie and Mary. Hubby said Maria was too ethnic and Mary was too religious and so he worked off of Maria to make Mia.*

Имядатели с дифференцирующей стратегией демонстрируют интерпретацию номинатов. Примером развернутых и последовательных рассуждений представителей данного номинативного типа может служить следующее высказывание:

Нашу дочь зовут Вероника. Мне и моему супругу очень нравилось это имя, когда подумывали о ребёнке (тогда оно казалось редким, необычным и красивым), а когда решились, и, будучи в положении, подбирали имена, это имя

никак не выходило из головы, потом узнали, что будет дочь, прочли характеристику имени и убедились окончательно.

Американские участники опроса, так же, как и русские, часто пытались интерпретировать собственный выбор:

My 1st son's name is Blaze...his name was going to be Garret. I had named him that as soon as I found out he was a boy...when I was pregnant my husband had mentioned the name Blaze and I loved it, but I already had the named Garret picked out. When "Garret" was born he had to stay in the hospital for 3 days. The 2nd day he was born one of the nurses said..wow all that red hair and a temper to go with it...and in that moment BLAZE popped into my head and Garret just didn't seem to fit, so I changed his name to Blaze on his Birth Cert(I had already signed it as Garret) and that was that!

По отношению к номинативной задаче и способу ее выполнения М.Н. Гафурова выделяет минималистов и максималистов. Для минималиста характерно планомерное решение номинативной задачи с рациональным распределением усилий, номинация без регулярной оценки качества полученной единицы и корректировки [Гафурова, 2012, с. 13].

Для примера имядателя-минималиста можно привести следующий ответ респондента:

У нас дочка Софья. Особой истории выбора имен нет, просто понравились. Конечно, читали в книжках, что они обозначают, вот и всё.

Следующий пример иллюстрирует мотивировку американских респондентов, которые при решении номинативной задачи проявили себя как минималисты:

Our first son's name is Jacoby Eugene. He was named after my mom's surname, Jacob, and my husband's grandfather, Eugene. We love the name!

Максималисты, как правило, создают установку на тщательное выполнение номинативной задачи, стремление к точному отражению предмета, проявление номинативной рефлексии [Гафурова, 2012, с. 14]. Например:

Сына зовут Олег. Имя ему дал папа, который является большим любителем кино и очень хочет, чтобы его сын в будущем тоже проявил себя в творчестве. У нас папа – Иван, поэтому хотели, чтобы получился тезка его любимого актера– Олега Ивановича Янковского. Я с выбором согласилась, так как считаю, что это – достойный человек, обладающий невероятным талантом и харизмой!

Среди американских респондентов нам тоже встретились максималисты, которые иллюстрировали свой выбор следующим образом:

My son's name is Andrew. We chose this name because it sounded good with our last name Blinkinsop, and it means "strong". We are glad that Andrew was strong, because he had to survive heart surgery when he was a baby.

Полученные результаты позволяют систематизировать типы отношений именуемых к именуемому в структуре номинативной ситуации *наречение именем*. Несмотря на то, что рассмотренные характеристики отражают индивидуальные особенности имядателей, можно заметить некоторые закономерности, свойственные представителям определенной лингвокультуры. Так, среди русских респондентов признаки имядателей-визуалов встречались чаще, американские респонденты при выборе имени обращают меньше внимания на внешние характеристики. Их больше интересовало, как воспринимается звуковая оболочка имени и ассоциации, связанные с ним. Также следует отметить, что среди русских имядателей встречается гораздо больше преобразователей, предлагающих сразу несколько вариантов необычных домашних форм имени. Американцы, в свою очередь, не любят, когда их имена преобразовывают, и предпочитают не давать таких имен своим детям.

М. В. Голомидова также рассматривает **режим осуществления номинации** с помощью типологии речевых актов и признаков, разработанных Дж. Остином [1986] и Дж. Сёрлем [1986]. Автор отмечает, что «речевой акт, в рамках которого осуществляется искусственная номинация, соответствует акту-установлению декларативного типа. <...> Создавая названия, номинатор вменяет в обязанность их употребление в коллективной речевой практике. Например,

Сына назвали Кимом. Малой планете присвоили имя «Рамзай» и др.» [Голомидова, 1998, с. 44].

Речевым актом декларативного типа в ситуации *наречение именем* можно назвать этап имянаречения, на котором имя официально закрепляется в государственных органах. Таким образом имя проходит проверку на соответствие существующим социальным конвенциям – сложившимся в современном обществе правилам и законам наречения именем.

Сегодня в России родителям предоставлена практически полная свобода выбора имени своему ребенку. Органы ЗАГСа не вправе отказывать в регистрации имени ребенка по причине его неблагозвучности, обидности, оскорбительности, некультурности, неприемлемости и т.д. Между тем некоторые ограничения существуют. Данный факт подтверждает Т. П. Соколова, которая акцентирует внимание на том, что «родителям дано свободное право выбора имени для ребенка, однако должностными инструкциями работников органов записи гражданского состояния накладываются ограничения на свободный выбор имени: имя не должно позорить ребенка, вызывать неприятные ассоциации. Такое противоречие конфликтно и может в итоге привести к судебному разбирательству, в котором в качестве доказательственной базы может быть принято заключение нейминговой экспертизы» [Соколова, 2016, с. 57].

Следует отметить, что не все имена проходят проверку. В некоторых случаях органы ЗАГСа отказываются выдавать свидетельство о рождении и регистрировать ребенка. Любопытные факты подобного рода имеют широкий общественный резонанс, активно обсуждаются в прессе. Наиболее известный случай произошел в 2002 году в Москве, когда работники одного из столичных ЗАГСов не стали регистрировать ребенка, которого родители назвали БОЧрВФ 260602, в интересах самого мальчика. Родители, в свою очередь, не желая дать своему ребенку другое имя, обратились в Страсбургский суд. Но там рассматривать дело отказались. По данным издания «Взгляд. Деловая газета», «родители, в свою очередь, не желают дать своему ребенку другое имя, кроме

БОЧрВФ 260602, которое расшифровывается как «Биологический Объект Человека рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26 июня 2002 года» [ВЗ].

Т. П. Соколова поясняет, что «ЗАГС отказался регистрировать имя ребенка в том числе по следующим формальным основаниям: в соответствии с «Правилами заполнения бланков записей актов гражданского состояния и бланков свидетельств о государственной регистрации актов гражданского состояния», утвержденным 17 апреля 1999 г. Постановлением правительства РФ за № 432, запись имен собственных в записи актов гражданского состояния производится с заглавной буквы. Сокращение слов не допускается. Предложенное заявителем в качестве имени «БОЧрВФ 260602» представляет собой аббревиатуру, то есть сокращенные до первых букв слова. Указанные цифры «260602» тоже именем не являются. В соответствии с указанным постановлением № 432 дата рождения ребенка «260602» – 26 июня 2002 года – при заполнении записи акта о рождении записывается цифрами и прописью в специальную графу: «дата рождения». Графы записей актов заполняются в точном соответствии с их наименованием. Содержание одной главы не может быть записано в другую» [Соколова, 2016, с. 58].

Аналогичные случаи в современной России встречаются довольно часто: *Родители хотели назвать ребенка Дабл точка ру (W. RU). Судья встал на сторону сотрудников ЗАГСа, которые отказались регистрировать такое имя, аргументируя, что Дабл точка ру – это технический термин. Тем самым суд выступил в защиту интересов ребенка* [ЖН].

Примечательно, что в Российской Федерации до сих пор не существует закона, регламентирующего выбор личных имен. Однако после упомянутого нами выше случая, когда родители хотели назвать своего ребенка БОЧ РВФ 260602, одна из парламентских партий Государственной Думы РФ приступила к разработке законопроекта, который запретил бы использовать в именах детей цифры, знаки препинания и различные символы, а также ввел бы единый перечень имён для работы органов ЗАГС [BR].

В американском законодательстве, регулирующим номинативную деятельность имядателей, тоже существуют определенные ограничения. Однако в разных штатах они выглядят по-разному. Американский исследователь Л. Карлтон рассматривает отличительные особенности законодательства в данной области и приводит следующий пример: «Один из законов об имянаречении, который некоторые находят ограничивающим, существует в Калифорнии. Он запрещает использовать диакритические знаки, такие, как в имени José. Управление записи актов гражданского состояния в Калифорнии требует, чтобы имена содержали только 26 алфавитных символов из английского языка. Нет закона, ограничивающего использование диакритических знаков в неофициальном общении, и многие родители обходят ограничения, используя диакритические знаки неофициально» [Larson, Carlton, 2011, p. 150].

Автор также отмечает, что «традиционно право называть своего ребенка или себя, основываясь на собственном выборе, было признано судебными решениями. Оно основано на пункте о надлежащей правовой процедуре XIV поправки к конституции США и пункте о свободе слова в I поправке, но есть некоторые ограничения. Они различаются в зависимости от штата, но большинство из них введены ради практичности. Например, несколько штатов ограничили число используемых символов, из-за ограничений программного обеспечения, применяемого для официального делопроизводства. По аналогичным причинам некоторые штаты запретили цифры или пиктограммы в именах. Некоторые штаты запретили непристойные выражения. Есть также несколько штатов, Кентукки, например, без законов об имянаречении вообще» [Там же].

Американский журналист Кэти Стайнмец пишет, что «несмотря на свободу, которую американцы имеют при имянаречении, противоречия действительно существуют. В 2013 году судья из Теннесси Лу Энн Бэлью (LuAnnBallew) постановил, что мальчик по имени Мессия должен изменить свое имя на Мартин, заявив, что «это титул, который был заслужен только одним человеком ... Иисусом Христом». Решение было

отменено в канцелярии суда через месяц, и мальчик сохранил имя, данное при рождении. Бэлью был уволен, и дисциплинарное слушание было назначено на основании того, что порядок изменения имени нарушил кодекс судейской этики штата Теннесси. Не существуют законов, запрещающих использование религиозных имен, и судьи должны выполнять свои обязанности, не считаясь со своими религиозными взглядами» [Steinmetz, 2013].

Еще один случай, когда необычное имя ребенка в Америке вызвало широкий общественный резонанс и привлекло внимание социальных служб, произошел с семейной четой Кэмпбелл из Нью-Джерси. Отмечается, что родители, известные в своем городе за нацистские убеждения, в 2006 году назвали своего третьего ребенка Адольфом Гитлером. Целых два года ни пресса, ни общественность не обращали внимания на американского тезку фюрера. О ребенке с необычным именем узнали после скандала в кондитерском магазине, который отказался выпекать торт с надписью «С днем рождения, Адольф Гитлер!». После этого случая семейством заинтересовались социальные службы. Нагрянув к Кэмпбеллам домой, работники органов опеки обнаружили массу вещей с нацистской символикой, а еще узнали, что сестру Адольфа Гитлера Кэмпбелл зовут Эриян Нэйшн (Арийская Нация). Проведя проверку и побеседовав с супругами, соцработники настояли на временном лишении их родительских прав, так как заподозрили пару в жестоком обращении с детьми [<http://www.factroom.ru/life/strange-names>].

Таким образом, дающий имя ставится в определенные условия, как в России, так и в США. Объективные условия, в которых протекает номинативная ситуация наречения именем, регламентируются законодательно. В США законодательство об имянаречении отличается в различных штатах. В Российской Федерации на данный момент не существует определенного закона об имянаречении, но работники органов ЗАГС вправе запретить давать ребенку имя, если оно унижает его достоинство или вызывает негативные ассоциации.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что понятие номинативная ситуация *наречение именем* относится к типизированным

номинативным ситуациям и может быть представлена в виде последовательных действий основных ее участников: определение именуемого субъекта, имеющего право на имянаречение, утверждение имени в семье, законодательное закрепление имени в органах власти. На основании анализа рефлексивов имядателей можно сделать вывод о сферах номинативной деятельности, в которых происходит присвоение имени ребенку (неформальное общение, преимущественно семейное), об особенностях именуемого (пол, возраст, уровень образования, психологические характеристики) и его отношении к именуемому, которые определяют конечный выбор номинативной единицы – имени новорожденного. На последнем этапе наречения именем происходит его законодательное закрепление, при котором номинативный процесс контролируется обществом с учетом существующих ограничений.

Таким образом, анализируя рефлексивы русских и американских именуемых субъектов, мы можем сказать, что это, в основном, родители, молодые люди до 40 лет. Выбор имени происходит часто в неформальном, семейном кругу. Но следует отметить, что в последние годы при выборе имени используют интернет-общение с незнакомыми людьми. Причем американцы более активно используют различные сайты и форумы об именах. Ограничения в выборе имени в США закреплены законодательно, в России на выбор имени могут повлиять работники органов ЗАГС.

2.2.2. Номинативные интенции имядателей

Следующий этап нашего исследования – сопоставительный анализ рефлексивов субъектов антропонимической номинации, русских и американских имядетелей, в ситуации выбора имени новорожденному и определение социокультурных особенностей номинативных интенций, определяющих данный выбор.

Рассматривая понятие «интенциональность имянаречения», С. Н. Смольников отмечает, что она «проявляется в выборе средств именования,

определяемом различными мотивами. Внутренний модус интенциональности закреплен значением антропонима, основное назначение которого – выражение целей именованного и отношения говорящего к именуемому лицу» [Смольников, 2005, с. 35]. Автор также приходит к выводу о том, что «интенциональность антропонимической номинации обуславливает очень тесную связь антропонимии с категорией оценки. С одной стороны, многие имена собственные дают оценку называемому ими предмету или лицу и обладают свойством квалитативности, отражая модусы номинации (имятворчества). Внутренний модус оценки связан с имянаречением как целенаправленной деятельностью человека – носителя и творца языка, а внешний – с употреблением имени собственного в речи» [Там же].

Анализ данной целенаправленной деятельности, зафиксированной в рефлексивах имядателей, дает возможность выявить мотивировочные признаки, наиболее значимые при выборе имени новорожденному.

Классификацию мотивировочных признаков, положенных в основу выбора имени новорожденному, дает О. А. Леонович. При анализе мотивов выбора личных имен у англичан он выделяет несколько факторов: влияние моды, связь имени с определенной социальной группой, стремление избежать трудных, неблагозвучных сочетаний, желание прослыть оригинальным, которое заставляет некоторых родителей давать своим детям редкие, необычные имена, влияние религии, влияние положительных или отрицательных ассоциаций с известными историческими или культурными деятелями, связь с местом рождения; зачастую имя дается в честь другого человека, часто ближайшего родственника [Леонович, 2002, с. 15].

Т. А. Сапронова анализирует лингвистические и экстралингвистические причины, определяющие выбор личного имени в США, и выделяет следующие факторы: «1. образование и социальное положение родителей; 2. «успешность» имени; 3. религия; 4. способность имени приобретать новые коннотации; 5. акустический образ имени; 6. способность имени функционировать как женское, мужское или как универсальное имя» [Сапронова, 2012, с. 18-22].

В наиболее полном и обобщенном виде мотивы имянаречения русских родителей представлены в исследовании М. В. Голомидовой. По данным автора, информанты из Екатеринбурга подтвердили актуальность устойчивых стереотипов и привели 5 основных мотивов: 1. в честь старших родственников по отцовской или материнской линии; 2. в честь человека, сыгравшего значимую роль в судьбе кого-либо из членов семьи; 3. в честь известного или популярного человека; 4. в силу личного вкусового предпочтения или личной положительной оценки звуковой оболочки имени; 5. в силу оригинальности имени – в сопоставлении с именами, популярными в недавнем прошлом или с обычными для русского именика [Голомидова, 2003, с. 13-14].

Мы предприняли попытку выявить наиболее распространенные мотивы имянаречения русских и американцев, используя классификации О. А. Леоновича и М. В. Голомидовой, поскольку полученные этими авторами результаты позволяют сделать предположение о некотором соответствии номинативных интенций в русской и западной лингвокультурах.

Рассмотрим рефлексивы русских и американцев, в которых отражены мотивы имянаречения, в порядке частотной представленности.

Большинство американских родителей (53%) дали имя своим детям в честь другого человека, часто ближайшего родственника. Иногда подобная тенденция становится чем-то вроде семейной традиции. Примером могут послужить следующие высказывания:

1. My father is called Andrew, his father was called Andrew, whose father was called Andrew.... I've chosen this name, because it's a family tradition.

2. Son: William James IV. Father was William James III, grandfather William James Jr., great-grandfather William James.

Очень часто новорожденного в США называют в честь дяди или тети. Это касается как первого, так и среднего имени:

«My son's name is Daniel Anthony. We have chosen this name, because it's his father's name and Anthony is his uncle's name.

Следует отметить, что в некоторых случаях, когда возникают семейные разногласия при выборе одного из двух имен, родители одно из них делают первым, а другое – вторым именем. Пример подобной ситуации:

Well, my mom wanted to name me James, which is my Grandfather's name. My dad wanted to call me Alex. My dad won, but James became my middle name.

Отметим, что некоторые американские респонденты дали имя своему ребенку в честь родственника, сыгравшего важную роль либо в судьбе одного из родителей, либо в судьбе самого ребенка. Следующий пример хорошо иллюстрирует выбор родителей в данном случае:

Elizabeth (51). My first and middle names are after my grandmothers - which I have always been proud of. My first name is after my maternal grandmother who died when I was 11. My middle name is after my father's mother who died before I was born. I've liked the fact I'm named after them, because they've done a lot for us and I feel a link to them.

Зачастую американские родители объясняют свой выбор личным отношением к этому человеку: *My daughter's name is Margaret Sue. Her middle name is after my maternal grandmother, who I've always been very close with.*

В высказываниях американских участников форума на сайте <http://nameberry.com/> данный мотив тоже относится к наиболее часто встречаемым. При этом обращается особое внимание на жизненный успех человека, в честь которого был назван ребенок. Например:

Patrick Irving, Emil Irving. I've come to love Irving, particularly as it was in honour of my great grandfather, a German Jewish immigrant who came to this country with nothing and built himself up.

Существующая в США традиция давать детям имена в честь близких родственников сознательно сохраняется и поддерживается многими звездами Голливуда. Информация о том, что они дают своим детям имена в честь старших членов семьи, находит широкое распространение далеко за пределами США. Например, сообщения о том, что у голливудской пары Анджелины Джоли и

Брэда Питта в 2008 году появилась двойня. На российском сайте <http://www.baby.ru/> выбор имен звездной парой подробно комментируется:

«Дети родились во Франции, в курортном городе Ницца. Мальчику дадут имя Нокс Леон, а девочке — Вивьен Маршелин. Дочку назвали в честь бабушки, матери Анджелины. Вивьен — это французская форма имени Вивиан, которая отражает место рождения. Имя Маршелин она получила от своей бабушки Маршелин Бертран (матери Анджелины, которая умерла от рака). Нокс — второе имя дедушки Брэда по материнской линии (его маму звали James Etta Hillhouse, а nany — Hal Knox Hillhouse). Леон — это имя дедушки Анджелины» [БР].

Следующий по частотности мотив выбора имени новорожденному в американских семьях — стремление избежать трудных, неблагозвучных сочетаний (14 % опрошенных). К примеру, некоторые респонденты объясняли свои предпочтения тем, что имя короткое и его удобно произносить и писать:

Andrew (son). We like that it is two syllables, that it is easy for most people to hear and pronounce, and that it is common enough that most people can spell it correctly»; «Tara (daughter). We like this name because it's short and spunky, easily recognised without being over used.

Некоторые родители выбирают определенное имя, чтобы избежать трудностей в произношении, возникающих из-за дефекта речи одного из супругов:

Emerson Kai - I had loved Kai for a while, but my husband's speech impediment didn't allow us to use it as a first name. He suggested Emerson and I came to really like it.

Тот факт, что американцы ценят удобопроизносимость имени, подтверждается и рефлексивами родителей, представленными на сайте <http://nameberry.com/>. Следующий ответ одного из участников форума хорошо иллюстрирует отмеченную выше тенденцию:

Our daughter's name is Annmarie Delfino. Not many other people have her first name (Annmarie) or last name (Delfino). We've chosen them because they're both rather simple but have a nice rhythm together and are easy to pronounce [NB].

Влияние антропонимической моды тоже оказалось достаточно частотной причиной выбора имени ребенку среди американских респондентов (10% высказались в пользу этого мотива). Вот один из примеров, объясняющих выбор родителей: *My first name, Anne, was one of my parents' favorites, but was definitely very popular when I was born.*

Иногда родители специально называют своего ребенка модным именем, чтобы не выделять его среди сверстников, так как модное имя становится часто употребляемым: *Sarah. We liked this name, because it is very common in America, it is not strange or unique.*

Анализ англоязычного сайта об именах <http://nameberry.com/> показал, что американцы достаточно часто основываются на модных тенденциях при выборе имени для своего ребенка. Следующий ответ одного из участников форума подтверждает сделанный нами вывод:

Our daughter's name is Kacie Anne. We really like it. She has a trendyish first name with a classic meaning. By the way, if she ever gets tired of Kacie (I doubt she will though), she can go by Anne [NB].

Действительно, многие родители следят за модными тенденциями при выборе имен для своих детей. Но некоторые также хотят прослыть оригинальными, давая своим детям редкие, необычные имена. Этот мотив стал следующим по частотности (7% опрошенных). Некоторые респонденты объясняли свой выбор тем, что имя относится к числу редких:

1. *My daughter's name is Constance. We liked this name because it is not popular»;*

2. *Dorothy. We liked this name because it's unique, there aren't many people with this name anymore.*

Других же привлекла оригинальность выбранных ими имен: 1. *Kenneth (Ken). We liked this name, because it's original and few people have it.*

2. *My daughter's name is Skylar. We liked this name, because it is quite uncommon in my age group (although it's now in the Top 100).*

Причем эта тенденция касается выбора не только первых, но и вторых имен. Например: *«Collette Creesta. We have chosen this name because it was the only one we could agree on, and I thought it was pretty. Creesta was just unique».*

Следует отметить, что данная тенденция в имяназвании тоже в какой-то мере поддерживается американскими звездами кино и шоу-бизнеса. У детей американских известных людей современности очень много необычных, а иногда даже странных и причудливых имен. Например, российский сайт <http://womenparadise.ru/> приводит следующие примеры необычных имен детей звезд:

1. *Известная голливудская актриса Гвинет Пэлтроу выбрала для своей дочери имя Эппл, что переводится как «яблоко». «Когда я была беременна, ее папа предложил назвать ребенка, если это будет девочка, обязательно Эппл. И это звучало так мило! Яблоки такие сладкие, и это так по-библейски, и, в общем, я подумала, это замечательно!» – пояснила свое решение Гвинет [WP].*

2. *Зума Неста Рок – такое имя носит сын экс-солистки группы «No Doubt» Гвен Стефани и музыканта Гевина Россдейла. Как оказалось, мальчика назвали Зума в честь пляжа в Малибу. Если верить биографическим запискам Гевина Россдейла, именно там он решил всерьез заниматься музыкой. Второе имя – Неста – это в честь Боба Марли (настоящее имя легендарного регги-исполнителя – Неста). Третья часть имени пояснений не требует – оба родителя мальчика прославились рок-музыкой [WP].*

3. *Актер Джейсон Ли от щедрот «одарил» сына солидным именем PilotInspector (Авиадиспетчер). «Он простой, молчаливый... Совсем как пилот», – пояснил свой выбор счастливый отец»; 4. Режиссер Роберт Родригес дал имена всем своим детям на букву «Р»: Рокет, Рэйсер, Рэбел и Роуг (Ракета, Гонщик, Мятежник и Шалун) [WP].*

Благозвучие тоже играет немаловажную роль при выборе имени для ребенка у американских родителей. На этом критерии основывали свой выбор

6% участников опроса. Следующий пример хорошо иллюстрируют выбор респондентов: «*We called our daughter Morgana because it flows off the tongue and sounds prettier than other names*».

Интересен тот факт, что американские родители часто пытаются найти благозвучное сочетание первого и второго имен, так же как российские родители выбирают имя ребенку, основываясь на его сочетаемости с отчеством:

Our second child is named Geoffrey Bryce. Geoffrey is for Geoffrey Chaucer whom we admired. Bryce was picked simply because we thought it sounded good with Geoffrey.

На форуме сайта <http://www.babynamewizard.com/> тоже отмечается стремление родителей дать своим детям благозвучные имена:

Our daughter's name is Merri-Grace. She goes by Merri-Grace. We've chosen this name because we loved the flow and the classic sound [BNW].

Некоторое влияние на выбор имени оказывает религия. По данным опроса, 4% респондентов дали имя своим детям, основываясь на религиозных мотивах. Вот наиболее характерные ответы родителей:

1. *Quin Stephanos 25 (boy). We have chosen this name because his dad liked the name Quin and Stephanos is the name of a heavenly crown.*

2. *Michael (son). We liked this name, because it is the name of an angel in the Bible.*

Выбор родителей, предпочитающих библейские имена, в дальнейшем определяет воспитание ребенка в религиозных традициях:

Justin is the name of my son. Justin is a name coming from Latin, and myself and my brothers and cousins from my mother's family all have Latin names, because our Grandparents came to the United States from Slovakia and had very strong Roman Catholic ties»; «John (son). This is the name of a biblical character and that was very important to us along with continuing the family tradition of naming the first born child John.

Некоторые из участников форумов об именах также писали, что давали имена своим детям, основываясь на собственных религиозных убеждениях.

Следующие примеры с сайтов <http://www.behindthename.com/> и <http://nameberry.com/> подтверждают данный факт:

1. *«We like Biblical names. We liked Maranatha (1991-) & Shiloh (1994-), but hadn't heard of them used as proper names before ours [BH].*

2. *«I'm named after my dad- he's Christopher Blaise, and I'm Blaise Christine. He got Blaise because his family is Catholic and there's a St. Blaise» [NB].*

Что касается влияния на выбор имени положительных или отрицательных ассоциаций с известными историческими деятелями, то данный мотив оказался не таким популярным. Однако опрос показал, что подобный мотивировочный признак все же встречается (4 % опрошенных). Например, некоторые американцы называют своих детей в честь известных полководцев:

1. *Alex: It is more or less the name of someone who conquered the world.*

2. *David. We liked that because of a famous American named Davy Crockett. Davy Crockett was from Tennessee but he and others journeyed to Texas to help the people in Texas fight in the battle of the Alamo in order to help Texas gain independence from Mexico.*

Данные сайта <http://nameberry.com/> подтверждают, что данным мотивом руководствуются некоторые американские родители. Примечательно, что иногда в ответах американских респондентов можно было встретить персонажей русской лингвокультуры:

Alix Christabel. Alix was the name of the Tsarina of Russia - my mum had a fascination with Russian royal family, which she passed on to me; Christabel was after Christabel Pankhurst and also from the poem "The Lovely Lady Christabel") [NB].

Некоторые американские родители (всего 2%) также называют своих детей в честь известных деятелей кино и шоу-бизнеса (любимых актеров, певцов и т.д.). Например:

1. *Hailey (daughter). She was named after Hayley Mills (an actress).*

2. *Kenneth (Ken) Ashton (son). We wanted to name him Ashton after a handsome character in a movie from the 1960's. This became his middle name instead.*

Следующий ответ одной из участниц форума на сайте <http://nameberry.com/> подтверждает существование данной тенденции в имянаречении среди американцев:

Lucy Katharine. My middle name is from my mother's favorite actress, Katharine Hepburn. The name itself I don't care for but I think it goes well with my first name and I love that I'm named after someone my mom admires [NB].

Следует отметить, что иногда эта тенденция распространяется и на героев фильмов или сериалов. В этом случае ребенок называется именем героя фильма, а не реальным именем актера, сыгравшего эту роль. Например:

We've named our son Justin after Dr. Justin Moore (a character from the soap opera "Santa Barbara" played by Larry Poidexter). Justin is actually a psychiatrist who helps Kelly Capwell and gives her a great support. It's a very positive character.

Что касается связи имени с определенной социальной группой, отмеченной в исследовании О. А. Леонович [Леонович, 2002, с. 17], то такой мотивировки у наших респондентов не встретилось. Возможно, это объясняется тем, что социально окрашенные имена исчезают.

Таким образом, к основным мотивам имянаречения, отраженным в рефлексивах американских именуемых субъектов относятся: семейные традиции, стремление избежать трудных, неблагозвучных сочетаний, а также влияние антропонимической моды и редкость, необычность имени.

Русским респондентам были заданы те же вопросы, что и американцам. Результаты опроса показали, что русские имядатели при выборе имени ребенку основывались на следующих мотивах.

43 % опрошенных мотивировали свой выбор личными эстетическими предпочтениями или личной положительной оценкой фонетической стороны имени. Некоторые из респондентов объясняли свой выбор красивым, по их мнению, звучанием имени. В таких рефлексивах часто встречаются определители *звучное* и *красивое* по отношению к имени: *Назвали дочь Арина, потому что всегда нравилось это звучное доброе имя.*

Эстетически значимым для имядателей был вопрос о том, как будут сочетаться имя и отчество ребенка:

1. Назвали сына Тимофей, так как это имя хорошо сочетается с отчеством Матвеевич. Получилось очень красиво «Тимофей Матвеевич»!»;

2. Мою дочь зовут Екатерина, мы назвали её так, потому что её отца зовут Тимофей. Подбирали русское имя, чтобы оно сочеталось и красиво звучало – Екатерина Тимофеевна.

Некоторые пользователи сайта <http://www.baby.ru/> тоже писали, что основывали свой выбор именно на этом критерии. При этом они активно использовали возможности Интернет-поиска нужного варианта:

Хотела все время сына назвать Сережа, но уже как дело пришло выбирать имя решили выбрать простым путем — вбили в яндексе «Имя к отчеству». Выдало нам 5 имен, из них самое приятное и подходящее — Михаил [БР].

Оригинальность имени оказалась более важной для русских родителей, чем для американских (16% опрошенных обосновывали свой выбор оригинальностью имени – в сопоставлении с именами, популярными в недавнем прошлом, или с обычными для русского именика). В таких рефлексивах частотны определители *оригинальное, необычное* по отношению к имени ребенка. В качестве примера приведем следующее высказывание:

Мою дочь зовут Ариадна. Мы назвали её так потому, что это единственный вариант, который понравился мне и мужу. С одной стороны, имя необычное, хотя не сказать, что очень редкое, в конце 19 века было достаточно популярное (так, например, звали дочь Цветаевой), а с другой стороны можно называть просто Арина или Арьяна (так мы её и называем и далеко не все знают её полное имя). Ну и мифы Древней Греции я очень люблю.

Следует отметить, что достаточно большое количество пользователей сайта <http://www.baby.ru/> называли этот мотив в своих ответах. Развернутые высказывания на сайте, эксплицирующие поэтапно процесс имянаречения,

свидетельствует о непростом принятии решения в пользу оригинального имени, о семейных спорах по этому поводу:

Я назвала дочку Элеонорой! Муж предложил Юлию (точнее я сказала, почему ты это имя не предлагаешь, а всяких Маши, Васелин, Кать и т.д, ему оно понравилось и прицепился). В итоге не уступал никак, ну и делали жеребьёвку, я выиграла! Очень нравится это имя, я считаю его очень красивым, благородным, редким, и у меня нет никакой ассоциации с этим именем, для меня оно просто прекрасно! И мужу нравится, со вторым ребёнком придётся мужу уступить, назовем из того, что ему нравится!!! [БР].

Мы также выяснили, что гораздо меньше опрошенных русских родителей, по сравнению с американскими, называют детей в честь старших родственников по отцовской или материнской линии. Только 9% русских респондентов указали в ответах данный мотив, тогда как у американских респондентов это стало лидирующей номинативной интенцией. Хорошим примером могут служить следующие высказывания:

1. Дочь назвали Юлия. Так зовут мать моего свекра.

2. Моего сына зовут Алексей. Назвали так, потому что хотелось продолжения семейной традиции. Дедушку зовут Лев Алексеевич, отца – Антон Львович, а сына – Алексей Антонович. Хотелось «кольцевую композицию», законченность, целостность.

Ответы пользователей сайта <http://www.baby.ru/> подтверждают наличие этого мотива имянаречения в России. Например:

1. У нас Мария получается родовое имя – обе бабушки Марии, и дальняя сестра мужа тоже. В общем, у мужа в семье очень принято называть детей именами из рода – он у них старший, купеческий – чтут до сих пор [БР].

2. Сын – Алексей. С именем Алексей ассоциации с детством (единственная пора, когда человек счастлив, ему хорошо) т.к. мой брат Алёшка заменил мне отца (папа мой погиб рано), воспитывал. Он старше меня почти на 10 лет» [БР].

Отметим, что в высказываниях русских респондентов практически не отмечается, что родственник, в честь которого назван ребенок, добился большого жизненного успеха. При этом на подобный выбор иногда оказывают влияние патриотические мотивы: *Назвала сына Александром в честь моего деда, погибшего в Великую Отечественную Войну.*

Звезды шоу-бизнеса являются одними из законодателей моды в имянаречении. Многие родители в России ориентируются на них. На сайте <http://doshkolyonok.ru/> приводятся подобные примеры выбора имен своим детям российскими знаменитостями:

Имя сына Наташи Королевой и Сергея Глушко также старинное – Архип. Мальчика назвали так в честь прадеда, погибшего на войне [DR].

Данные опроса показывают, что 8% русских респондентов назвали своих детей в честь человека, сыгравшего значимую роль в судьбе кого-либо из членов семьи. Например, в честь работников роддома:

Мою дочь зовут Елена. Назвала ее так в честь акушерки, принимавшей роды. Это замечательный человек и профессионал своего дела.

Анализ ответов пользователей сайта <https://touch.deti.mail.ru/> тоже подтверждает наличие этой тенденции:

Дочку назвали в честь акушерки, которая принимала роды – МИЛАДЫ. Она очень любящая женщина, помогала мне, как могла [ДМР].

Анализ полученных данных показал, что 7% участников опроса основывались на ассоциациях с известными историческими деятелями, когда называли своих детей. Здесь тоже присутствует патриотический мотив, часто связанный с Великой Отечественной войной. Например:

Сына зовут Георгий. Имя ему дала бабушка, а вся семья согласилась с её выбором. Ребёнка назвали в честь министра обороны СССР, четырежды героя Советского Союза, маршала Георгия Жукова, решившего исход ВОВ и II Мировой Войны. Биография Жукова - любимая книга в нашей семье. Его имя ассоциируется у нас со словами «победа», «подвиг», «сила» и «чудо».

Иногда русские родители пытаются сократить до аббревиатуры фамилию имя и отчество известного деятеля. Таким образом появляются новые имена. Однако такие случаи редкие и достаточно курьезные. Они имеют широкий общественный резонанс. Газета <http://www.online812.ru/> пишет:

Родители новорожденной девочки из Омска назвали свою дочь Медмией (аббревиатура полного имени Медведев Дмитрий Анатольевич). Когда ребенок подрастет, он сможет познакомиться с друзьями по несчастью – мальчиком Влапуналом («Владимир Путин - наш лидер») [ON].

На форуме сайта <http://nnportal.org/> родители Медмии объясняют свой выбор следующим образом:

Медведев первый по-настоящему либеральный демократический президент России. Мы долго думали, как назвать нашу дочку. Был бы сын, дали ему имя Дмитрий. В конце концов, попробовали сократить “Медведев Дмитрий Анатольевич” до аббревиатуры, и получилось очень красивое женское имя с ударением на последний слог [НН].

Возможно, мы имеем дело с возрождением тенденции, модной в имянаречении в 20-е – 30-е годы [Ср. Сулова, Суперанская, 1991].

Важным считаем мнение Б. А. Серебренникова о том, что в судьбе любого слова «решающая роль всегда принадлежит обществу» [Серебренников, 1977, с. 153]. Автор считает, что общество «разграничило сферы употребления» некоторых слов и создало для каждого слова «как бы определенную моду употребления» [Там же, ст. 154]. На наш взгляд, данное утверждение может относиться к выбору и употреблению личных имен, характеризующих определенный период.

Безусловно, мода на имена тоже оказала влияние на выбор российских участников опроса, хотя и в меньшей степени, чем на американских. Всего 6% респондентов основывались на данном мотиве при выборе имени своему ребенку. Даже если мотив, связанный с модой, был не единственным, он, как правило, стоит в метаязыковом высказывании на первом месте. Например:

У нас сын Захар. Это имя понравилось нам, потому что оно сейчас набирает популярность. Да и значение его «Божья память» тоже пришлось нам по вкусу!

Ответы участников различных форумов подтверждают тот факт, что некоторые русские родители опираются на моду при выборе имен для своих детей. Например, следующий ответ участника форума <https://www.babyblog.ru/> показывает, что славянские имена, которые сейчас становятся распространенными, оказывают влияние на выбор имядателей:

У нас имя для сына муж выбирал – Ростислав. Хотел, чтобы непременно славянское имя было. Перебрали кучу вариантов, но всё равно остановились на этом [ВВ].

Некоторые родители считают, что гораздо лучше назвать ребенка распространенным именем. Это отражено, например, в следующем ответе участницы форума <http://2009-2012.littleone.ru/>:

А я наоборот хотела редким назвать (ну, конечно, не совсем извращенным). Нравится имя Агния очень, еще хотела Анфиса!!! Но в итоге назвала самым популярным Соня. Я не понимаю родителей, которые называют детей Марс или Моника, по мне лучше пусть Аня и Маша будет. Так что, в распространенных именах ничего плохого нет!!! У детей меньше комплексов!! [ЛО].

Несколько больше русских респондентов, чем американских (5%), объяснили свой выбор тем, что хотели назвать своих детей в честь известного или популярного человека. Нередко такой выбор отражает патриотические настроения именуемых. Приведем наиболее показательный пример:

Дочь зовут Полина. Я её так назвала в честь жены наркома иностранных дел Вячеслава Молотова – Полины Жемчужиной. Она была и красивая, и умная, и настоящий большевик со стальной силой воли. Жемчужина была «звездой» во всем, чем бы она ни занималась. Во всякое дело она вносила изысканность и артистичность. Ее называли самой элегантной дамой СССР.

Этот мотив в имянаречении оказался также популярным среди участников различных форумов. Часто русские родители дают детям имена честь известных

людей (деятелей искусства, кино, шоу-бизнеса). Например, одна из пользовательниц форума <https://deti.mail.ru/> объясняет свой выбор следующим образом:

Я – фанатка творчества Сергея Васильевича Рахманинова, обожаю его музыку, да еще и мужа зовут Василий, поэтому проблемы с выбором имени у меня не было, назвала Сереженькой, и получился у меня тоже Сергей Васильевич! Муж, правда, посопротивлялся, настаивал на Максимке, но сдался, да и сыночек – вылитый Сережка! [ДМР].

Анализ ответов русских имядателей также показал наличие мотивационного признака, не представленного в исследовании М. В. Голомидовой. Мы обнаружили, что 4% русских респондентов давали имена своим детям, основываясь на религиозном мотиве. Некоторые из них объясняли свой выбор тем, что считают православные имена красивыми, и приводили случаи из своей жизни:

Назвали сына Савелий, потому что это очень красивое православное имя. Я крестила мальчика 4 года назад. Батюшка нагнулся к мальчику и сказал, что у него потрясающее имя, и в жизни его ждет удача. Савелий переводится как «испрошенный у Бога». Меня очень тронули эти слова.

Другие выбирали имя, ориентируясь на православные святцы: Мою дочь зовут Ульяна. Назвала ее по святцам, так как верю в Бога и ангела хранителя. Считаю, что если назвать по святцам, ангел хранитель всегда будет рядом с ребенком.

Традиция называть ребенка в соответствии с церковными святцами стала в последнее время популярной и среди российских знаменитостей. Например, сайт <http://womenparadise.ru/> публикует следующую информацию:

Звездные супруги Дмитрий Певцов и Ольга Дроздова очень долго ждали своего первенца. Изначально они хотели назвать его Тихоном, потому как он очень тихо вел себя в животе у мамы. Однако в итоге дали ему имя Елисей – согласно церковным святцам [WP].

Также интересным представляется случай, который описан на сайте <http://womenparadise.ru/>. В данной ситуации религиозные атрибуты помогли определиться с именем для ребенка:

Прима-балерина Анастасия Волочкова назвала свою дочь именем Ариадна. Сначала она хотела назвать дочь Анной в честь бабушки, но потом ей захотелось выбрать для малышки какое-то старинное имя, и, остановившись в храме возле иконы святой мученицы Ариадны, она решила назвать дочь ее именем. «Я была уверена, что это знак свыше, – рассказывает звезда. – И моей маме имя понравилось, она ласково называет Ариадну – Аленький цветочек» [WP].

Поскольку звезды кино и шоу-бизнеса являются законодателями моды, можно прогнозировать в дальнейшем распространение данного мотива при выборе имени новорожденному.

Гораздо меньшее количество русских респондентов, чем американских (всего 2%), стремились избежать трудных, неблагозвучных сочетаний, когда давали имена своим детям. Например:

Хотели сначала назвать дочку редким именем Антонина, в честь ее бабушки. Но папа наш, подумав, сказал, что будет, наверное, сложно произносить – Антонина Константиновна. Тогда дедушка предложил имя Светлана и все согласились!

Это подтверждается данными форума <http://forum.detochka.ru/>. Причем мотив, связанный с трудностями произнесения имени, редко встречается в изолированном виде:

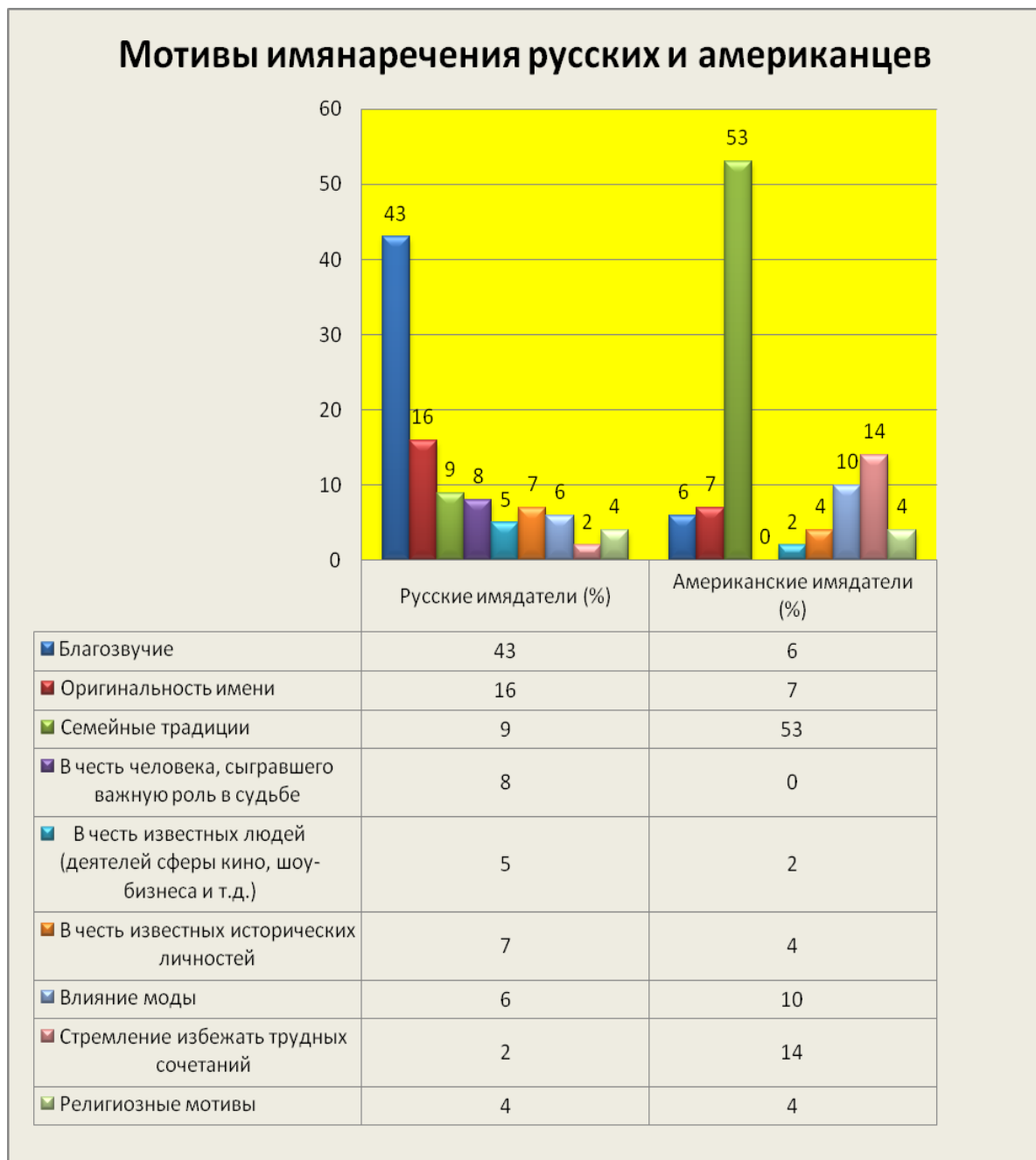
Выбирал имя муж из списка представленных имен. Была куча условий: не должно содержать букву "с" (папа наш Сипилявит на нее), не должно быть ни старорусским, ни новоаграничным, не слишком распространенным. Вот и выбрали имя Вероника [ДР].

Завершая анализ метаязыковых высказываний имядателей, отметим, что мы в большинстве случаев намеренно, в исследовательских целях, рассматривали мотивы наречения именем изолированно, для удобства

сопоставительного анализа. Во многих рефлексивах наблюдалось сочетание нескольких мотивов в одном высказывании. На эту особенность обращают внимание некоторые современные российские исследователи, работы которых выполнены на региональном материале.

Например, Т. В. Федотова, исследуя мотивы имянаречения в кубанском именнике, представляет все факторы, заложенные в основу имянаречения, в виде следующей классификации: «лингвистические факторы (фоносемантический, этимологический); экстралингвистические факторы (имя родственника, влияние ТВ, литературы, истории, ситуативное именование, именование по святым, популярность имени, редкое имя)» [Федотова, 2016, с. 238 – 239]. Особое внимание автор уделяет вопросу о совокупности факторов, «где выбор имени зависел от суммы мотивов, которые тоже имеют свою степень частотности» [Там же, с. 238]. Автор выделяет следующие группы мотивов: «красивое + редкое + святцы», «редкое + святцы», «популярное + благозвучное», «имя родственника + этимология + благозвучие» и т.п. Анализ собранного материала дал автору право утверждать, что «в конце XX века процесс имянаречения не подвергается влиянию каких-либо определенных тенденций. Лингвистические и экстралингвистические факторы в равной степени влияют на выбор имени. В любом случае все выделенные мотивы имянаречения свидетельствует о сознательной рациональной стратегии именующего, несмотря на различные ситуативные номинации, где выбор, на первый взгляд, происходит спонтанно» [Там же].

Таким образом, полученные данные позволяют установить социокультурную специфику имянаречения, представленную в рефлексивах русских и американских имядателей. Анализ показал почти полное совпадение номинативных интенций русских и американских имядателей. Различия наблюдаются в их количественной представленности в проанализированном материале. На основе сопоставительного анализа мотивов имянаречения русских и американских имядателей нами была составлена диаграмма.

Количественные данные в диаграмме показывают, что основным мотивом в номинативной деятельности русских родителей является благозвучие и оригинальность имени. Для американских имядателей ведущим мотивом явилось стремление назвать ребенка в честь кого-либо из родственников, а также стремление избежать сложных звуковых и буквенных сочетаний.

2. 3. Языковая рефлексия русских и американских носителей имени

Для нашего исследования представляет особый интерес то, как определяется различными учеными понятие «носитель имени».

В словаре Н.В. Подольской носитель имени (денотат) определяется как «любой объект, носящий собственное имя или мыслится под этим именем» [Подольская, 1988, с. 55]. Аналогичную, достаточно широкую, трактовку данного понятия встречаем у Д. И. Ермоловича: «Предмет, обозначаемый именем собственным, будем называть носителем имени, или референтом» [Ермолович, 2001, с. 9].

Наиболее полно данное понятие применительно к антропонимам рассмотрено С. И. Гарагулей. Автор рассматривает его с позиции языковой личности. Антропонимическая языковая личность определяется автором как определенный представитель лингвокультуры, он «выступает как речевая личность с точки зрения носителя имени и имядателя, характерные черты которой преломляются во всем объеме ее именовании на протяжении всей жизни; как личность, реализующая свои речемыслительные и имятворческие способности, которые отражают ее прагматические намерения, а также индивидуальную и окружающую картины мира» [Гарагуля, 2009, с. 20].

Автор разработал модель антропонимической языковой личности, которая включает три уровня «а) вербально-семантический уровень (имя как слово, являющееся частью антропонимикона как лексикона языка; имятворчество как способность использовать и создавать имена); б) когнитивный уровень (языковая/культурная/ личностная картины мира; национальное самосознание; национальный характер; восприятие имени); в) прагматический уровень (имя как дискурсивный элемент, идентичность как результат идентификации и социализации: выбор имени на уровне присвоения/использования в родной и иноязычной среде, его варьирование в зависимости от условий коммуникации)»

[Там же]. Проявление антропонимической языковой личности находит, в частности, отражение в оценке личных имен, отраженной в рефлексивах.

Как отмечает Б. М. Гаспаров, объекты рефлексии, на которые направлено внимание носителей языка, получают в рефлексивах разнообразные характеристики: «от простейших суждений о том, какое употребление является «правильным» и «неправильным», до сколь угодно сложных концептуальных построений» [Гаспаров, 1996, с. 18]. Эти оценки являются значениями метаязыковых высказываний. Выявление содержательной типологии метаязыковых контекстов составляет одну из центральных задач изучения языкового сознания «наивного лингвиста». Различные классификации метаязыковых оценок, во-первых, зависят от специфики оцениваемых языковых объектов, а во-вторых, отвечают конкретным исследовательским задачам.

Феномен оценки был подробно исследован Е.М. Вольф, рассматривающей это понятие как «один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения» [Вольф, 2002, с. 11]. Автор выделяет разные типы оценок в зависимости от характера оценочного знака. Применительно к исследованию личных имен в восприятии их носителей наиболее актуальными считаем деление оценок с позиции аксиологии на положительные (мелиоративные, позитивные) и отрицательные (пейоративные, негативные) оценки, а с точки зрения наличия/отсутствия эмотивного компонента – на рациональные (интеллектуально-логические) и эмоциональные оценки. Согласно концепции В.Н. Телия, эмоциональная (эмотивная) оценка, побуждающая испытывать чувство-отношение к объекту обозначения, добавляется к рациональной, как бы наслаивается на нее [Телия, 1986, с. 39].

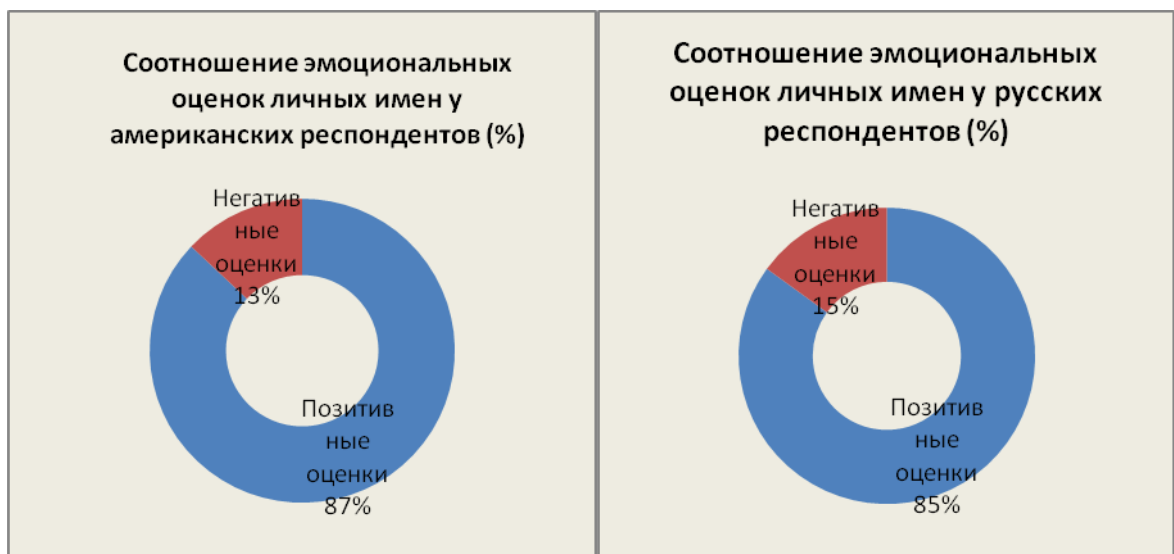
Следует отметить, что метаязыковые высказывания, содержащие оценку личных имен их носителями, еще не достаточно хорошо изучены. Особый интерес представляет сопоставительный аспект данной области исследования.

С целью выявления ценностного отношения к личным именам их носителей мы провели опрос 140 русских и 124 американских респондентов. На наш взгляд, опрос дает возможность привлечь большее количество

респондентов, а также в полной форме увидеть существующие тенденции в отношении к личному имени.

В исследованном материале наблюдается четкое разграничение позитивных и негативных оценок личных имен их носителями, при этом во всех рассмотренных рефлексивах отмечается эмоциональный компонент оценочного значения с разной степенью экспрессивности. Результаты опроса показали, что большинство (85%) русских носителей имени относятся к своим именам положительно. В то же время 15% участников опроса высказались о своих именах отрицательно. Опрос американских носителей имени дал приблизительно такое же соотношение позитивных и негативных оценок, как и у русских респондентов (87% и 13% соответственно).

Рисунок 2.

Представленное количественное соотношение позитивных и негативных оценок личных имен русскими и американскими носителями имени позволяет утверждать, что, несмотря на доказанное многими лингвистами квантитативное превалирование отрицательных оценок над положительными в принципе в любом языке, преобладание позитивной оценки своих имен – универсальное качество восприятия личного имени, свойственное представителям разных лингвокультур.

2.3.1. Позитивные оценки личных имен

Опрос американских и русских респондентов показал, что общее количество позитивных оценок практически совпадает. Однако были выявлены отличия в соотношении позитивных оценок личных имен.

Рассмотрим в порядке частотности позитивные оценки личных имен американцами (в скобках указан возраст респондентов).

По данным опроса, на первом месте среди ценностных характеристик имени, отмеченных американскими респондентами, оказались семейные традиции (23% опрошенных). Проиллюстрируем примерами:

1. *John (53). My name is the name of a biblical character and that was very important to my parents along with continuing the family tradition of naming the first born child John. I like my name because it is an old family name.*

2. *Stephanie Renee (36). I love my name. I'm named after my father, Stephen. This was very special to my family.*

При этом многие посетители сайта <http://nameberry.com/> тоже отмечали семейные традиции в качестве ценностной характеристики личных имен:

1. *Marissa Helen. I love that it's very feminine, and has a lot of meaning to my mother. I am named after my maternal great-grandmothers (Martha and Melissa) and my maternal grandmother, Helen [NB].*

2. *Ericka Darlene. I am so proud to have each of my names. The name "Erick" has been passed down in my family for generations, and I am the first girl to have it as "Ericka" [NB].*

Такая ценностная характеристика, как редкость имени, оказалось значимой для 20% американцев:

1. *«Mitzi (48). I like my name (Mitzi) because it's different. There's barely any Mitzi's walking around Out there. I've never met another Mitzi although I'd like to now, it would be great to know someone else with my name»;*

2. *«Gabrielle (28). I like my name because it is not very common in America».*

Анализ ответов пользователей сайта <http://nameberry.com/> подтвердил, что редкие имена, определяемые в рефлексивах как *unknown*, *unusual*, *unique*, действительно высоко оцениваются американцами:

1. *I love my name! It's Freya Maureen. Freya is actually becoming super popular in England, but it's still relatively unknown in the U.S, so I like that my name is slightly unusual and sounds sweet yet strong* [NB].

2. *My name is Zari Rose. My parents named me after their friend whose name was Rosary (Like rosary beads) But instead of calling her Rose they nicknamed her Zari. So my middle name and first name is basically her name. I like that my name is unique and that I am not just another Emily, Sarah or Jenny (No offence to people who have these names)* [NB].

Примечательно, что на третьем месте среди американских участников опроса оказалась ценностная характеристика личного имени, не встретившаяся нам у русских респондентов. Она связана с возможностью идентификации себя как личность (15%). В таких рефлексивах, преимущественно респондентов мужского пола, часто употребляются существительные *identity* и *personality*:

1. *Andrew (24). I like my name because it's indelibly linked to my sense of identity.*

2. *Alex (32). I like my name, because, it's my name and it reflects my personality.*

3. *Don Hamill (46). While I do not believe in fate, I do feel (this is going to become a bit metaphysical), that my name is part of who shapes me as a person; insofar as it has been something that, in my opinion, encapsulates the person that I am today.*

Данный факт подтверждается ответами, которые были получены нами с помощью интернет-опроса на <https://ru.surveymonkey.com/>:

1. *«Jeffry (43). I feel like it defines who I am, like when people say my name they think of my personality and how I make them feel which I hope is good* [SM].

2. *«Tony (21). It's the name I was born with and given. It is my identity»* [SM].

Некоторые из американских пользователей сайтов об именах признавались, что просто не представляют себя с другим именем:

Marissa Helen. I like my name, mostly because I honestly can not envision myself being called anything else [NB].

Следующей по популярности ценностью имени, отмеченной американскими респондентами, стало благозвучие (13 %). Участники опроса положительно оценивали как отдельные звуковые сочетания, так и всё имя:

1. Elizabeth (24). I like my full first name, because I particularly like 'E's and the 'z' as well as I think it's a pretty name.

2. My name is Rachel Marie (47). I feel that the name is really pretty, Rachel is a gorgeous name.

О благозвучии своих имен как важной ценностной характеристике говорили также многие пользователи сайта <http://nameberry.com/>:

1. My name is Victoria Lorraine. I love Victoria, it's classic and pretty but still has some spunk in it [NB].

2. Helen Dawn. It's just so sweet and delicate sounding [NB].

Еще одной причиной, по которой американские респонденты ценят свои имена, стала удобопроизносимость и легкость в запоминании при письменной передаче (9% опрошенных). Респонденты отмечали, что это качество помогает им в общении с другими людьми в деловой коммуникации:

1. Andrew (24). I like that it is two syllables, that it is easy for most people to hear and pronounce, and that it is common enough that most people can spell it correctly.

2. Megan (30). I'm Megan Ruth - which I didn't like as a child but really like now. I used to want a more "unique" name. But I work in healthcare and Megan is an easy name for patients to remember/pronounce.

Анализ высказываний пользователей на сайте <http://nameberry.com/> подтверждает наличие данной тенденции:

1. I'm Lily Alice and I absolutely love it, as I often say on NB when people are concerned about Lily's popularity however I've never met another Lily in my life, only

heard of them. My name is easy to pronounce, normally easy to spell and easy to remember [NB].

2. Erin is my name. It's okay, I guess. I don't hate it-- I'm so very glad that it's not a weird spelling and easily pronounced [NB].

Следует отметить, что представленные выше ответы свидетельствуют о проявлении такой типичной черты представителей англоговорящих наций, как прагматизм. По мнению О. А. Леонтович, «американский прагматизм проявляется в размере и характере речевых сообщений, которые тяготеют к краткости и конкретности (как в устных, так и письменных сообщениях, чему, в частности, способствуют такие новые формы общения, как электронная почта, где минимализм доведен до крайности), деловитости даже в личных ситуациях (например, при назначении встреч или планировании мероприятий), некоторой сухости стиля в деловом дискурсе, а также в энергичных и напористых коммуникативных стратегиях» [Леонтович, 2003, с. 212].

Опрос показал, что для американских респондентов также важны благоприятные ассоциации, связанные с известными носителями имени, преимущественно кино- и телегероями (7% респондентов):

1. Ronnie (59). I like my name because it starts with an "R." When I was a child, there was a famous western movie star known as Roy Rogers. Often, his initials "RR," were used and I associated the "R" in my first name Ronnie with his initials. So, I like it when people call me by my first name or a rendition of it, such as Ron or the more formal Ronald.

2. Mike Ross. I like my name. For me it has associations with a popular TV show called 'Suits' whose main character's name is Mike Ross.

С мнением американских респондентов согласуются высказывания пользователей сайта <http://nameberry.com/>, для которых благоприятные ассоциации с известными людьми оказались тоже важны. В таких рефлексивах часто речь идет о выборе имядателей, который носители имени одобряют:

1. *Madison Hannah I was born in 1989, and my parents had just seen the movie Splash, and apparently they loved it. (Darryl Hannah played Madison in the movie...real original of my parents, huh? Haha!)* [NB].

2. *Brandy Alyssa. Very 80s, lol. I was named after a famous song by the band Looking Glass. It's a great song, my father was a sailor so it fits. I am also a musician so I like that story* [NB].

Таким образом, к позитивным ценностям личных имен американские носители имени отнесли семейные традиции, редкость имени, идентификацию себя как личности, благозвучие, удобопроизносимость, благоприятные ассоциации, связанные с известными носителями имени.

Среди позитивных оценок своих имен русские респонденты отмечали благозвучие, словообразовательные возможности имени, редкость имени, привлекательную этимологию и благоприятные ассоциации с известными носителями имени. Проанализируем данные группы оценок.

Большинство русских респондентов (27%), в отличие от американцев, отметили благозвучие как главную ценность личного имени. Респонденты отмечали, что красивое имя помогает произвести впечатление при знакомстве и последующем общении:

1. *Меня назвали Александр (24), потому что родителям понравилось это имя. Я свое имя тоже люблю. Оно звучное. Можно представляться полным именем, и это будет звучать гордо.*

2. *Меня зовут Ирина (26). Мне нравится мое имя, потому что оно красиво звучит, и в то же время простое, короткое, легкое имя.*

Ответы посетителей сайтов об именах тоже подтверждают наличие данной тенденции. Звуковому облику имени даются разнообразные характеристики:

Юлия. Мне мое имя очень нравится! Очень мягкое и ласковое имя [BB].

Русские респонденты также обращали внимание на словообразовательные возможности имени, 22% испытуемых посчитали это ценным качеством. Участники опроса отмечали, что, когда их называют уменьшительно-

ласкательными именами, они чувствуют добрые намерения собеседника, даже некое родство:

Маргарита (21). Своим именем я довольна, так как мне нравятся его вариации (Рита, Марго, Ритуля).

Отметим, что словообразовательные возможности имени – это одна из часто обсуждаемых тем на различных сайтах и форумах. Интернет-пользователи (преимущественно женщины) также отмечают, что любят свои имена за возможность их видоизменять. Эти возможности помогают в коммуникативном взаимодействии с близкими людьми:

1.Юлия. Как только не называли - Юлёк, Юльчик, Юсик, Юляша, даже Люля и Люка (в детстве себя так называла) и т.д. Но самые оригинальные варианты придумывает сестра для ее деток я "тетечка Джус" (от Джулии), просто Джули и последняя выдумка это "Ю-ю" и мне все нравится [СМ].

2. Людмила. Люблю, когда называют Людмила, Людашка, Мила и много от этого уменьшительно-ласкательных форм! [СМ].

3. Мне очень моё имя - Мария - нравится за многовариантность. И люблю, когда меня по-разному называют. И Маруся и Манюня и Маша, да и просто Машка - здорово! - просто море имён! Любимый зовёт меня Шунечкой. Вот и характер у меня такой же. Многовариантный [DN].

Выбор подобных форм личных имен, имеющих, по определению А. Вежбицкой, ярко выраженное прагматическое значение, влияет на общую атмосферу спонтанности и эмоционального богатства, характерную для славянской речи и славянских взаимоотношений [Вежбицкая, 1996, с. 198].

Следует также отметить, что у респондентов наблюдается определенная динамика восприятия собственного имени. В детстве многие из них не любили свое имя, а с возрастом изменили свое отношение и даже стали гордиться своими именами. Эту тенденцию можно проследить в следующем рефлексиве:

Меня зовут Татьяна (35). Имя свое нежно люблю. В детстве не понимала всей его красоты и константинопольской величественности. Сейчас же люблю свое имя, и особенно диминутивы от него (Таня, Танюша, Танечка).

Такое качество, как редкость имени, оказалось менее значимым для русских носителей личных имен, чем для американских. 13% опрошенных считают это качество важным для имени. Респонденты утверждали, что редкое имя помогает им выделяться из толпы и быть запоминаемыми. Следующие ответы респондентов подтверждают это:

1. *«Вот у меня имя достаточно редкое – Янина (48). И потому я в детстве его стеснялась, раздражало, когда все начинали переспрашивать "Как-как?" Потому для большинства окружающих я была просто "Яна". Но с возрастом я прониклась своим именем. Оно перестало казаться нелепым, наоборот, интересным стало. Так что, я рада, что так зовусь!»;*

2. *«Меня зовут Вероника (27). В связи с тем, что моё имя всё ещё редко встречается, оно мне нравится. Меня обычно ни с кем не путают (на работе, в университете), сразу понятно, о ком идёт речь».*

Многие посетители сайтов об именах тоже признавались, что ценят свои имена за их редкость:

1. *Маленькой была, не понимала, какое счастье мне привалило. Хотела, чтобы меня Катей или Юлей звали. А теперь понимаю, имя у меня замечательное и редкое – Эвелина [WW].*

2. *А мне мое имя всегда нравилось – Александра. Редкое имя, я никогда девушек с таким именем в своей жизни не встречала [WW].*

3. *Мое имя – Альбина. Мне мое имя долго не нравилось. Где-то до 1-2-го курса универа. Потом как-то поменялось отношение к нему, и теперь даже нравится! Просто имя очень редкое, никого в окружении с таким именем не знала (да и до сих пор не знаю). Многие, кто спрашивал, как зовут, переспрашивали еще раз, иногда путали с другим именем. Люблю, когда называют полным именем, без всяких сокращений, типа Аля, Алька, и без всяких уменьшительно-ласкательных форм, типа Альбинушка, Альбинка, Альбиночка. Главное, чтоб не переделывали в Люда, Алла, Алена ... есть и такие, которые думают, что это одно и то же! [МС].*

Русские респонденты также интересуются значением и происхождением своих имен. Привлекательную этимологию назвали важным качеством имени 12% участников опроса:

1. Виктор (41). *Нравится мое имя, потому что оно означает «победитель». Пытаюсь и в жизни соответствовать значению своего имени.*

2. Юлия (29). *Имя нравится, потому что я считаю, что моё имя мне подходит и по звучанию, и по характеристике. Я ведь, действительно, кудрявая.*

Среди посетителей сайтов об именах нам тоже встретились те, кто ценит свои имена из-за их этимологического значения. Некоторые пытаются найти связь между значением имени и собственными личностными характеристиками:

Меня зовут Виталием, имя нравится. С латыни переводится - жизнелюбивый. Такой я и есть [ПО].

Некоторые участники форумов признавались, что если они встречали совпадающие отрицательные качества в этимологии имени и в собственном характере, то пытались их исправить:

Инесса – «бурный поток», это про меня! Хотя, если сравнить, какой я была раньше и теперь, как говорят в Одессе, – ”две большие разницы”. Постоянная работа над своими недостатками [DN].

Такая ценностная характеристика, как благоприятные ассоциации с известными носителями имени (героями сказок, фильмов, артистами, историческими деятелями), повлияла на мнение 7,5% русских участников опроса. Следующие ответы могут служить хорошим примером:

1. Илья (42). *Нравится мое имя, потому что у знакомых, когда они называют мое имя, возникает много параллелей с героинями русских народных сказок (Илья Муромец).*

2. Ольга (56). *Очень люблю свое имя! Имя прекрасное, роскошное, благородное и сильное. Ассоциируется с княгиней Ольгой, она была великой женщиной.*

Участники различных форумов об именах тоже позитивно оценивали ассоциативные связи своих имен с именами известных личностей или вымышленных героев:

1. А я Виктория, очень люблю свое имя, и могу признаться, что ревную его иногда, когда встречаются другие Вики! А еще, когда показывали "Санта-Барбару", там была героиня Вики, мне так нравилось, что именно не Вика, а Вики, у нас ведь не принято так сокращать. И вот сейчас меня любимый называет Вики! Он не русский, и для него это в порядке вещей [ЖФЗ];

2. Валерия. Мне так оочень нравится мое имя, а особенно когда друзья зовут меня "Валериком". И мне кажется, что редкое имя у меня – Валерия! Как певица прям! [WSP].

Семейные традиции в имянаречении тоже имеют значение для русских респондентов. По результатам опроса, 2% его участников ценят свои имена за то, что получили их в честь старших родственников:

1. «Александра (50). Меня назвали в честь кого-то (моей тетки). Просто мама хотела назвать меня Александрой, а папа ей сказал: "Имя Александра за имя не считаю! Давай лучше Ириной". Так звали его сестру, которую он очень любил, но сейчас они уже лет 7 как в ссоре и не общаются. Однако, я имя свое очень люблю, считаю, что оно очень приятно на слух и от него хорошая энергетика»;

2. «Злата (20). Меня бабушка (папина мама) очень хотела назвать Златой в честь её мамы - прабабушки Златы. Моя мама была против этого. В результате, чтобы бабушку не обижать, взяли от имени "Злата" последний слог, а первый - от имени другой прабабушки (Риммы, мамы моего дедушки). Получилось имя "Рита". Имя моё мне всегда нравилось, и я очень благодарна маме за это!»

Среди участников исследуемых нами форумов тоже встретились те, кто ценит семейные традиции в имянаречении:

1. *Меня папа Катей назвал. У меня мама тоже Катя. И тетя (папина сестра) – тоже Катя. И крестная моя – Катя. Так что, имя у меня “семейное”.* [МС].

2. *«Мою прабабушку по деду звали Маша, бабушку звали Маша, меня называли Маша и еще дочку “уболтали” назвать Машей. Круто, обожаю свое имя!»* [KS].

Такую ценностную характеристику, как простота и легкость произнесения имени, упомянули в своих ответах 1,5% русских респондентов. Причем она часто сочетается с ценностной характеристикой «благозвучие», т. е. не только красиво звучит, но и легкое, короткое, удобное. Приведем примеры наиболее распространенных ответов:

1. *«Ирина (39). Мне нравится мое имя, потому что оно красиво звучит, и в тоже время простое, короткое, легкое имя»;*

2. *«Яна (43). Люблю свое имя. Оно короткое и звучное, его легко произносить даже ребенку и никак невозможно сократить».*

Некоторые посетители сайтов тоже отмечают данную ценностную характеристику:

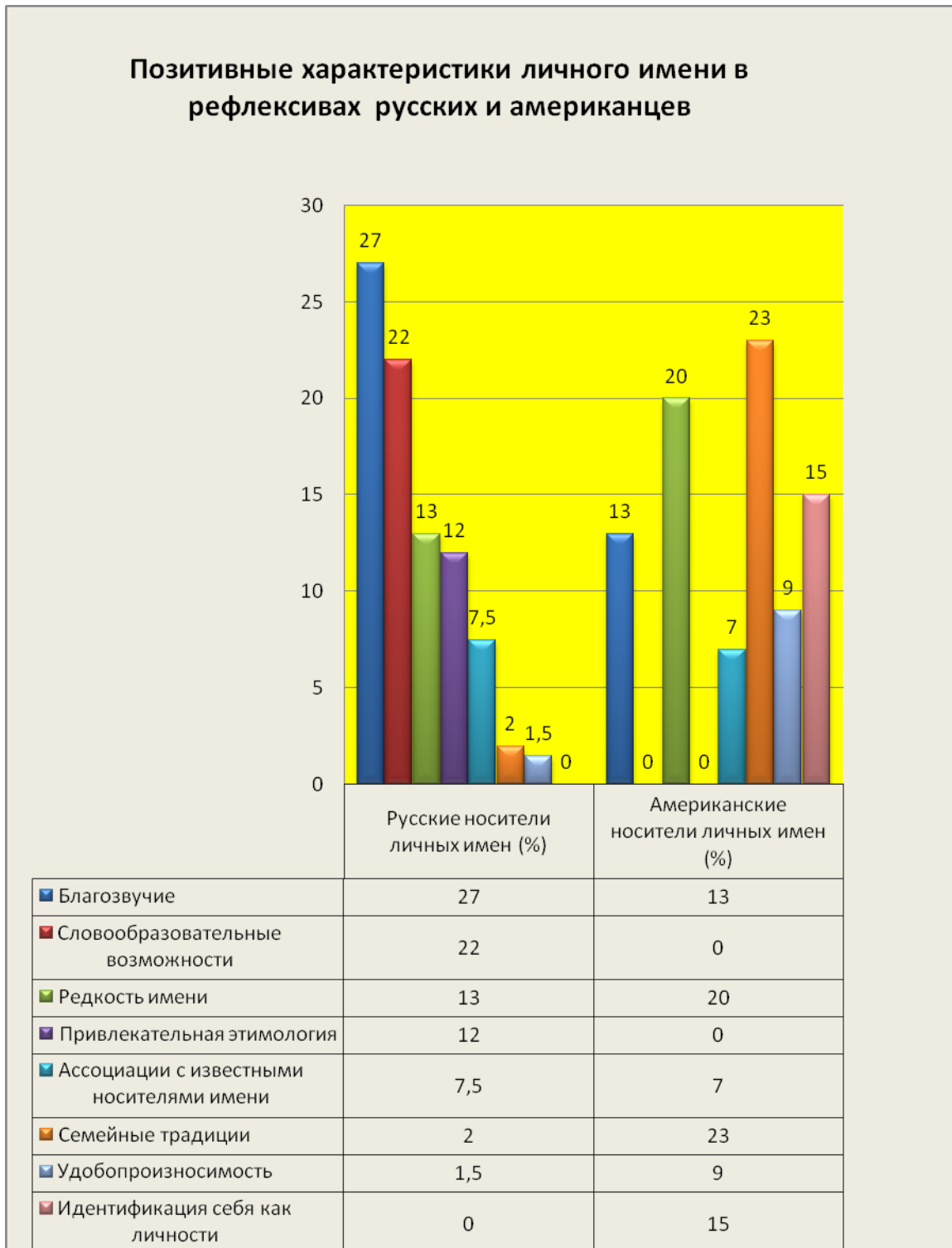
1. *«Инна. Вы знаете, я наоборот всегда была довольна, что имя не изменяется (если Вы именно это имеете в виду). Особенно была довольна в юности, не надо думать, как представляться, например, молодым людям, на работе и так далее (моя подруга Катя все время переживала - представляться Катей, Катериной или Екатериной). А еще огромный плюс - меня всегда называют только по имени, без уменьшительных вариантов. Ко мне никогда не пристанет никакая Маруся, Нюша, Шура... Мне не надо объяснять, что я, допустим, не Люда, а Мила (как моей маме)»* [ER].

2. *«Вера. Обожаю свое имя, никакого дискомфорта от отсутствия полного длинного имени никогда не испытывала, скорее некоторые окружающие, считавшие, видимо, что имя моё слишком уж короткое для такой шикарной женщины, величали по незнанию Вероникой»* [ER].

Таким образом, у русских носителей имени на первом месте – эстетическая характеристика имени (благозвучие и красота), а на последнем – прагматическая (краткость и удобопроизносимость).

Позитивные характеристики личного имени в сопоставительном аспекте представлены в диаграмме.

Рисунок 3.

Соотношение количественных данных, представленное в диаграмме, позволяет сделать вывод о том, что русские носители имени ценят свои имена в основном за их благозвучие, словообразовательные возможности и редкость, а также за благоприятные ассоциации с известными носителями имени и привлекательную этимологию. Американские респонденты высоко оценивают, в первую очередь, связь имени с семейными традициями, редкость имени и удобопроизносимость, а также за возможность персонифицировать себя.

2.3.2. Негативные оценки личных имен

Как отмечалось выше, количество респондентов, которые дали негативную оценку своему имени, относительно невелико: 13 % американцев и 15 % русских. Однако причины такой оценки разнообразны и заслуживают сопоставительного исследования. При дальнейшем анализе мы за 100% принимали общее количество рефлексивов, содержащих негативные оценки.

Для американских участников опроса главные причины негативной оценки – непрестижность имени, его чрезмерная редкость или распространенность (35% респондентов). Это еще раз подтверждает отмеченную ранее особую значимость антропонимической идентичности в американском обществе.

Американские обладатели частотных имен (15%) отмечали, что этот факт мешает им в повседневном общении:

Jessika (27). I don't like my name Jessika because it is too common, in fact it rated number 1 girl name for the 1980's hence why it is so common.

Вместе с тем слишком редкое имя тоже становится препятствием в коммуникации (10%):

Ashlynn (20). I don't like my name Ashlynn, because it's not a common name.

Некоторые американские участники опроса (10%) считают свои имена скучными и непрестижными:

1. *John (24). I don't like my name, John, because it is very ordinary (John is a very common first name).*

2. *Emily (38). So many people have the name Emily that it doesn't always feel unique to me anymore. Just sounds like a prissy, rude girl or old ladies name!*

Особенности имени как языкового знака также оказали влияние на мнение американских респондентов о собственных именах (30 % опрошенных). Из них 12% отметили трудности произношения личных имен и/или правописания:

Quinn (25). I don't like my name, because it's rare, so oftentimes I have to repeat it to be sure they hear the correct name. Also they usually ask if it's spelled with one 'n' or two 'n's.

10% участников опроса сталкиваются с коммуникативными трудностями, потому что их имена вызывают у окружающих ассоциации с другими именами или словами естественного языка:

1. *Natalie (43). I don't like when they call me Nat because it is the same pronunciation as gnat. I am not a bug.*

2. *Mel (46). I don't like my name because I often get mixed up with Melanie.*

8% американских респондентов предпочитают называться полными именами и не любят деминутивы от собственных имен:

I don't like when people call me Dot or Dottie or Dolly which are all short for Dorothy because they sound like a little girls name or an old woman's name.

Отношение к гендерной принадлежности имен стало причиной их негативной оценки у 25% американских участников опроса. По мнению 20% участников опроса, личные имена некорректно выражают их гендерную принадлежность:

Ross (32). My father probably wanted me to grow up into a debonair playboy and thus named me the male analogous of Rose.

5% американских респондентов считают, что их имена вообще не выражают гендерной принадлежности: *Cassie (22). Don't like my name because it's gender-neutral.*

Невыраженная гендерная принадлежность имени вызывает негативные реакции американцев, поскольку в английском языке не существует грамматической категории рода и это может вызывать определенные проблемы в коммуникации. А. Вежбицкая выделяет особые мужские и женские коннотации английских личных имен и приводит следующие примеры: «если нам кажется, что в формах Kate, Sue или Liz содержатся мужские коннотации, то только потому, что в них не выражены женские коннотации, свойственные женским формам на -ie/-y вроде Debbie, Vicky или Penny» [Вежбицкая, 1986, с. 102].

Особенность американских личных имен, связанная с возможностью их использования представителями как мужского, так и женского пола, отмечена Т. А. Сапроновой. Автор называет это свойство «универсальностью»: «Многие женские американские имена, образованные от фамилий, такие как, Shirley, Leslie, Hilary, Stacy, Tracy, появились сначала как мужские имена. Их способность переходить из разряда мужских имен в женские обусловлена универсальностью их морфологической структуры: конечные форманты -ey, -ie, -y являются характерными для женских имен» [Сапронова, 2012, с. 10].

Следует отметить, что у американских участников опроса, так же как и у русских, с возрастом меняется отношение к собственному имени. У 7% американских респондентов их имя вызывало отрицательные эмоции только в детстве: *Fransiska (44). I used to hate my name when I was a child! Now that I have grown up, I feel that I am well suited with my name, Fransiska. I looked it up online. It somehow describes me as being friendly, poised, affectionate nature with a quick, discerning mind!*

Нежелательные ассоциации лингвокультурного характера, по результатам опроса, оказались наименее важной причиной негативной оценки имени у американских респондентов (10%). Из них 7% отмечали, что их имена вызывают негативные коннотации в лингвокультуре:

Heath (42). There is a candy bar called a "Heath Bar" that is popular in my country. So I DON'T like to joke that my father couldn't make up a name for me and saw it in the vending machine while I was being born.

У 3% участников опроса возникают коммуникативные проблемы из-за того, что их имена вызывают неблагоприятные ассоциации с реальными или вымышленными персонажами:

1. *Shirley (50). I don't like when they call me Shirley Temple, because I feel mean»;*

2. *Shelby Ann (21). Don't like my name! When people hear my name and realize the connection, they often say that it isn't a name for a girl.*

Результаты опроса русских респондентов показали некоторое расхождение в оценках с американскими респондентами.

Среди негативных ценностных характеристик имен, отмеченных русскими носителями имени, встретились такие, как чрезмерная распространенность, сложность в произношении имени, неблагоприятные ассоциации, связанные с известными носителями имени, а также неблагозвучие.

По результатам опроса, языковые факторы оказали большее влияние на восприятие русскими респондентами собственных имен, чем на американцев. 40% опрошенных указывали причины, связанные с фонетическими и словообразовательными особенностями их имен. Из них 17 % отметили неблагозвучие и трудность произнесения имени. В рефлексивах, содержащих негативные оценки звуковой стороны имени, частотен глагол *ненавидеть* и междометия, выражающие негативные эмоции:

1. *Анна (25). Я своё имя ненавижу. Аня. Особенно буква Н раздражает, гундосное имя. И как Анна звучит, мне тоже не нравится.*

2. *Юлия (30). Ненавижу, когда меня зовут Юлька. Моя мать только так меня называла, зная, что мне это не нравится, да еще и щипяще, тягуче, либо окриком, брррр. Всех знакомых сразу прошу меня так никогда не называть.*

Другая языковая причина негативной оценки личного имени – нежелательные деривационные варианты антропонима. 13% респондентов не нравится уменьшительно-ласкательные формы их имен и образованные на их основе семейные прозвища:

Матвей (29). В детстве своё имя не любил, особенно, изобретенную мамой краткую форму Масик (брррр).

А. Вежбицкая, исследуя русские и английские личные имена с точки зрения их экспрессивного словообразования, отмечает, что в языках с таким богатым экспрессивным словообразованием, как русский, любое трехчастное деление имен, аналогичное делению на полные имена, уменьшительные и ласкательные имена, «просто невысказуемо из-за величайшего разнообразия альтернативных форм обращения (и референции), которое носителям «умеренного» языка, вроде английского, просто трудно себе представить» [Вежбицкая, 1996, с. 107].

Ассоциативная связь с другими именами или словами естественного языка является проблемой в коммуникации для 10% участников опроса. Особенно это относится к именам, имеющим вариативные формы, одна из которых не является общепринятой (Матвей – Матфей, Степан – Стефан и др.). Когда окружающие искажают подобные имена, возникают коммуникативные барьеры:

Стефан (19). Меня просто бесит моё имя – Стефан! Надо же было дать такое имя! И теперь я страдаю из-за этого имени, так как многие преподаватели в Академии неправильно произносят моё имя.

Полное или частичное совпадение имени с нарицательным существительным тоже может вызывать негативную реакцию:

София (18). В детстве мне ужасно не нравилось мое имя. Даже не представляете, насколько бесил стандартный вопрос при знакомстве: – Тебя как зовут? Соня? Что, спишь много?

Негативные коннотации имени отметили 25% участников опроса. Из них у 15% респондентов возникают негативные коннотации, связанные с этимологией имени. Иногда они весьма неожиданны:

Марина (34). Не нравится моё имя. Что-то такое мерзкое, мокрое и холодное, живущее во тьме морских глубин... Жуть....

У 10 % возникали неблагоприятные ассоциации с реальными или вымышленными персонажами:

Екатерина (48). В детстве имя не нравилось, потому что казалось оно каким-то деревенским. На ум приходили образы типа Катерины Матвевны среди березок из фильма "Белое солнце пустыни", либо Катюши из песни, стоящей на берегу... не любила.

Негативные оценки имени встречаем как у носителей редких имен, так и у носителей чрезмерно распространенных. В целом, 20% участников опроса оценивали свои имена с этой точки зрения. Из них 10% – это носители редких и необычных имен. Участники опроса отмечали, что чувствуют себя неловко из-за того, что их имена выделяются среди других:

Василиса (37). "Уникальность" имени (Василиса), которое дали мне родители, просто бесила. Всех друзей я просила называть меня Алисой и даже незнакомым прежде людям представлялась под этим "псевдонимом". Однажды когда заявила родителям о том, что собираюсь изменить имя официально, нарвалась на большой скандал».

7% – носители чрезмерно распространенных имен, которые тоже создают им проблемы в общении: *«Екатерина (20). Признаться, мое имя мне не нравится. В школе в моем классе Кать было 3 штуки, теперь и в универе не меньше».*

При этом 3% респондентов посчитали свои имена слишком простыми, частотными. Тут сыграл роль фактор, связанный с непрестижностью имени, который тоже может вызывать неудачи в коммуникации:

Екатерина (27). Самое банальное имя, которое, как мне кажется, можно было придумать... Люблю когда меня называют как-нибудь по - иностранному: Кейт, Катрина.

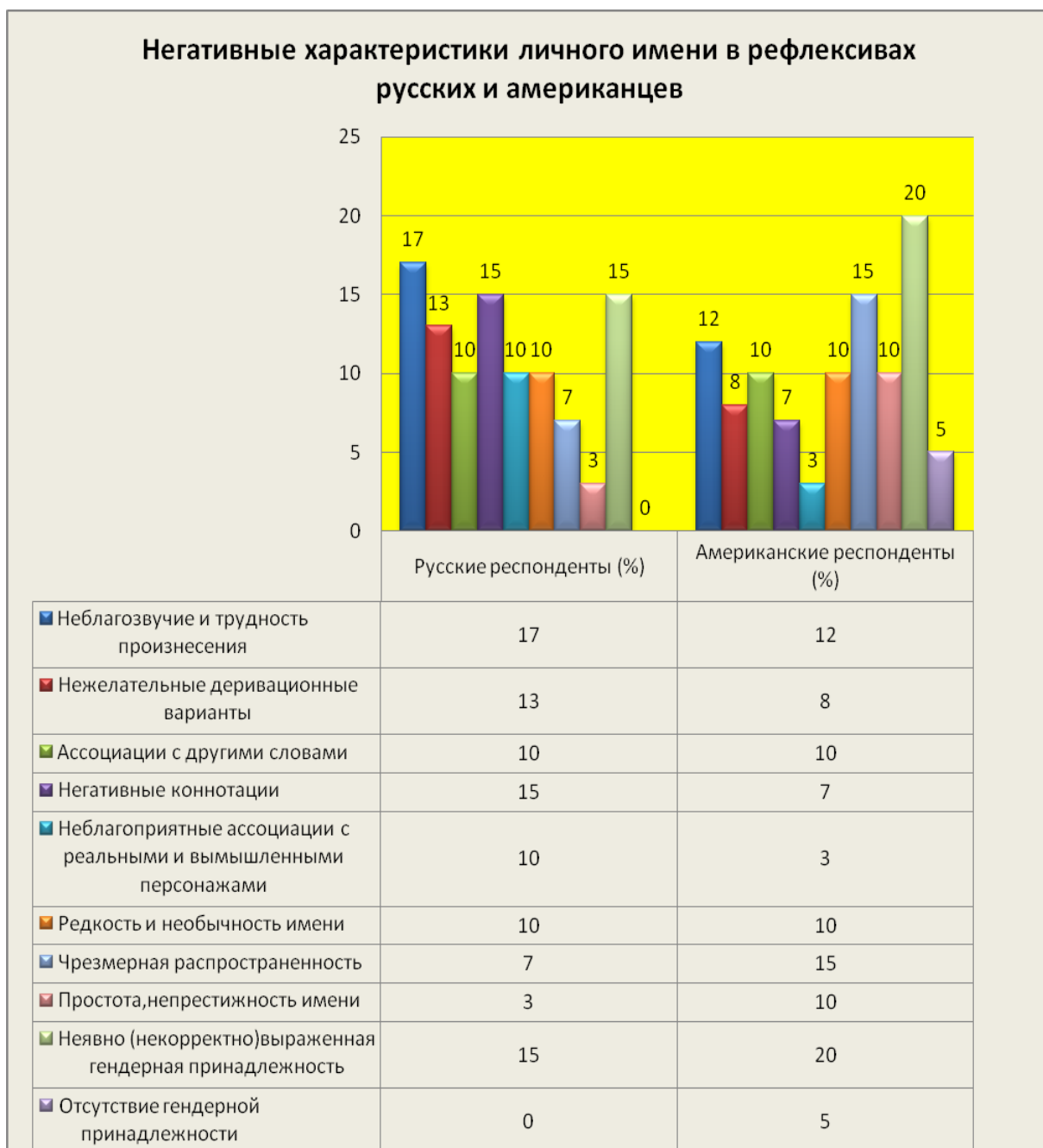
Еще одна из причин проблем в коммуникации для 15% русских респондентов – неявно выраженная гендерная принадлежность имени:

Евгения (38). Родители ждали мальчика, а появилась я, вот и унисекс имя! Всю жизнь мучаюсь из-за этого! Как только не называют: то Женька, то Женек! Некоторые даже Геней или Еней!

Однако негативное восприятие личного имени – это явление проходящее, в большей степени характеризующее респондентов до 30 лет. По нашим данным, у 7% русских респондентов с возрастом поменялось отношение к собственному имени в положительную сторону: *Варвара (34). Раньше не любила свое имя. Особенно в детстве: страшно завидовала всем Машам, Катям и Ирам.*

Сопоставление негативных оценок личных имен русскими и американцами представлено в следующей диаграмме.

Рисунок 4.

Сопоставительный анализ негативной оценки имен их носителями показал, что русские респонденты негативно оценивают, в первую очередь, неблагозвучность имени, его негативные коннотации и нежелательные деривационные варианты, а негативное отношение носителей американской лингвокультуры связано с неявно выраженной гендерной принадлежностью имени, с его чрезмерной распространенностью, а также со сложностью в произношении имени. Это позволяет сделать вывод о приоритете эстетического компонента при оценке имен русскими и прагматического – американцами.

2.3.3. Номинативные неудачи в имянаречении

Сопоставление авторских и адресатных рефлексивов позволяет выявить несовпадения в восприятии имен имядателями и носителями, то есть авторами и адресатами метаязыковых высказываний по поводу личных имен. Подобные несовпадения можно квалифицировать как номинативные неудачи имядателей, которые мы рассматриваем как разновидность коммуникативной неудачи. Данный подход основан на доказанном в ономастике положении о том, что присвоение имени или названия – это коммуникативный акт, который контролируется и оценивается как конкретным адресатом названия или носителем имени, так и обществом в целом [Голомидова, 1998; Крюкова, 2004].

Под коммуникативной неудачей, вслед за Б. Ю. Городецким, И. М. Кобозевой и И. Г. Сабуровой, мы понимаем полное или частичное непонимание высказывания партнером по коммуникации, т.е. неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего [Городецкий, Кобозева, Сабурова, 1985]. Е. А. Шпомер обращает внимание на гетерогенные средства выражения коммуникативных неудач, которые представлены вербальным и невербальным способами. «Если они дополняют друг друга, то коммуникативная неудача может даже перерасти в коммуникативный провал» [Шпомер, 2013, с. 182]. Е. А. Земская и О. П. Ермакова к коммуникативным неудачам относят также «возникающий в процессе общения не

предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [Земская, Ермакова, 1993, с. 35]. Так, по мнению авторов, выражается взаимное непонимание речевых партнеров, сопровождаемое эмоциональными переживаниями.

Такое непонимание при номинативной неудаче отсрочено во времени и зачастую связано с разным эмоциональным восприятием одного и того же имени или названия, что препятствует выполнению именем собственным коммуникативно значимых функций – идентифицирующей, фатической, рекламной, мемориальной и др. (в зависимости от разряда онима).

При исследовании номинативных неудач, возникающих при изобретении и восприятии собственных имен, целесообразно обратиться к опросу информантов и экспериментальной методике. Такой подход дает возможность выявления и классификации причин номинативных неудач. Например, Е. А. Трифонова выявила следующие причины номинативных неудач в эргонимии (названиях деловых объектов) в ходе проведения интервьюирования именуемых субъектов и ассоциативного эксперимента с адресатами: «языковые факторы (полисемия, омонимия, стилистическая неоднородность языковых единиц); психологические факторы (специфика характера, возраста, социального статуса, образования, профессиональной принадлежности адресата, его эмоционального опыта); прагматические факторы (престижность названия, эффект «предела насыщения»); лингвокультурологические факторы (восприятие прецедентных имен и ситуаций)» [Трифопова, 2006, с. 13].

Проведенный нами опрос имядателей и носителей имени позволил выявить причины номинативных неудач, которые можно условно разделить на языковые, лингвокультурные, прагматические и психологические. Практически все рефлексивы носителей имени, свидетельствующие о номинативных неудачах имядателей, содержат прямо выраженные упреки родителям в том, что они дали им такое неудачное имя. Рассмотрим причины номинативных неудач на конкретных примерах, в которых сопоставлены метаязыковые высказывания носителей имени и их родителей (в скобках указан возраст респондентов).

К языковым причинам относятся, во-первых, несовпадения в восприятии фонетической стороны имени. Такое восприятие бывает, как правило, субъективным. Проиллюстрируем примерами:

1. Геннадий (47). Не люблю полный вариант своего имени. Потому что оно для меня звучит твёрдо и жёстко, и это режет мне слух. Мне никогда не нравилось, что мама выбрала мне именно имя Геннадий по своим личным соображениям.

2. А вот мне не особо нравится своё имя (Жанна). Слышу что-то грубое в этом имени, не нравится, что нет ласковой формы. Один мой коллега по бывшей работе “измудрился” назвать меня «ЖАНЕТТ-ЛУЧШЕ ДЛЯ МУЖЧИНЫ НЕТ». ЖАННОЧКОЙ называют редко, большинство ЖАНКА, ЖАН [МС].

Американские участники опроса, так же как и русские, часто отмечали, что недовольны тем, как звучат их имена:

Stephanie (23). I don't like my name, especially the way it sounds. The sound fff in the middle irritates me greatly!!!

Анализ ответов родителей показал, что в данных случаях родители ориентировались больше на личные эстетические предпочтения и этимологию имени:

1. Дочь назвала Жанна, потому что мне с детства нравилось это имя. Мне кажется у него правильная, сильная энергетика. Девочка наша выросла настоящей умницей и красавицей. Надеюсь, она и дальше будет соответствовать этому “сильному” имени!

2. We named her Stephanie because of its meaning of crown, princess and royalty. We thought it would help her to have a constant reminder of who she can become and who she is in God's eyes.

Во-вторых, к неудачным в языковом отношении, с точки зрения носителей имени, относятся уменьшительно-ласкательные формы, традиционно используемые от данного имени. В данном случае у носителей имени возникают

несовпадающие, буквально противоположные, ассоциативные образы для краткой формы имени и для полной:

Мне мое имя Валентина, в принципе, нравится, а вот все сокращенные формы от него – НЕНАВИЖУ! Все эти собачьи клички – Валя, Валюша, Валюшка с собой просто не ассоциирую, могу даже не оглянуться, если меня так окликают. К тому же, они мне совершенно не подходят, даже чисто внешне, мне идет только имя Валентина – высокая статная мадам с европейской внешностью, с низким голосом, какая там "Валя"! Как отучить людей "Валькать" – не знаю. Когда слышу "Валюха" – передергивает! Только из-за этого бы сменила имя, довели! [KR].

По результатам опроса, американцы тоже часто бывают недовольны деминутивными вариантами своих имен:

1. Miranda (30). I don't like when they call me Randa, because it feels lazy. Either call me my designated nickname Randi, or call me Miranda.

2. Robert (52). I don't like when they call me Bob, because Bob is not my name. Bob is a nickname for Robert.

Опрос родителей данных респондентов показал, что родители основывали свой выбор на семейных традициях, назвав своих детей в честь собственных родителей. При выборе имен они не думали о деминутивных вариантах:

1. Назвали дочь Валя в честь моей мамы. У нее нормальная судьба и она - замечательная женщина с добрым сердцем!

2. We called our daughter Miranda to honour her grandmother, my husband's mother. She is always ready to help us with everything!

В-третьих, ассоциативные связи с омонимичными нарицательными именами нередко становятся языковой причиной номинативной неудачи родителей:

1. Ангелина. Вы на моё имя посмотрите. Ангелина – Геля. Гель для душа, блин... Надо было так родителям меня назвать. НАВЕРНОЕ, ДОЛГО ДУМАЛИ "ДА КАК БЫ ПОТУПЕЕ ДЕВОЧКУ НАЗВАТЬ" [VK].

2. Меня зовут Полина (18). Я терпеть не могу свое имя! Знакомые постоянно пытаются его как-то видоизменить, придумать какие-то дразнилки! То Чеполина, то Полено! Особенно мне не нравится Поля или Польша ((Один друг даже песенку придумал «Поля, русская Поля» (на мотив «Поле, русское поле»). Ассоциации сразу с колхозным полем. Не могу жить с этим отвратительным именем!

Родители при выборе имени руководствовались совершенно другими принципами: Имя придумали, когда была еще в животике – понравилось, редкое. Пришли в роддом, а Полин там немерено, но менять не стали. Воробьева Полина Сергеевна – звучит хорошо. Ласково зовем Полюська, Люсьен, строго – Анполинария или Поля [ДМР].

Американские носители личных имен, как и русские, не приветствуют, когда окружающие пытаются установить звуковое соответствие между именем и созвучным ему нарицательным существительным:

1. *Stephanie (26). I don't like when they call me "Step fanny" because no one likes to be called "a bottom" in any form.*

2. *Dana (40). I don't like my name since it is so unique and for many people it is associated with the 3rd form of the verb do- done! I even had a nickname at school "Job is Dana" which is an analogue of the phrase "job is done".*

Ответы родителей показали, что в первом случае они назвали ребенка в честь знаменитости. Во втором случае родители ориентировались на редкость имени:

1. *We named our daughter Stephanie in honour of Gwen Stefani, a famous singer and actress. But we've chosen the spelling Stephanie in order not to make a complete match!*

2. *Dana! What a wonderful name! We've chosen it because it's rare! We just wanted our girl to be special!*

К лингвокультурным причинам номинативных неудач относим, во-первых, крайне негативное восприятие этимологического значения имени. Причем тоже очень субъективное:

Варвара (35). Просто ненавижу свое имя всей душой! Особенно когда близкие называют «Вареником» – я это блюдо терпеть не могу! А еще там в корне слово «варвар», да и само значение – «чужестранка»! Для девочки это просто ужасно!

Родители объясняли свой выбор следующим образом: *Выбрали имя Варвара для дочери, потому что оно звучное. Да и сокращенных вариантов у этого имени предостаточно: и Варя, и Варюша, и Варюха!*

Из ответа родителей видно, что они ориентировались на деминутивные варианты имени, а не его этимологическое значение.

Во-вторых, это ассоциации с реальными носителями имени, к которым в данной лингвокультуре неоднозначное или негативное отношение:

Меня зовут Леонид (52). Вроде бы ничего особенного – имя как имя, если бы не отчество – Ильич. Родители, когда называли, совершенно не подумали о том, что их сына просто обязательно будут дразнить «Брежнев». Надо же было так «промахнуться»!

Заметим, что у родителей при выборе имени была ассоциация совершенно с другим человеком: *Назвали сына в честь нашего с мужем любимого актера – Леонида Куравлева. Просто обожаем его фильмы!*

Анализ ответов американских участников опроса показал, что у них тоже встречались ситуации, когда у окружающих возникали нежелательные ассоциации со знаменитыми носителями имени:

1. David William (46). Don't like it. The main reason is that I share both of my given names (first and middle) with David William Donald Cameron, who leads the Conservative Party of the United Kingdom.

2. Cody (20). Just like that awful Cody Simpson! How could my parents give me that name! What were they thinking about!?

Ответы родителей показали, что выбор имен был навеян в обоих случаях языковыми причинами (эстетически привлекательной звуковой формой имени и легкостью его произнесения):

1. We thought that David was a good name for our son because it sounds nice! And, by the way, the second name William suits it perfectly!

2. We agreed on Cody for our son because it's short and easy to pronounce. A good name for a boy!

К прагматическим причинам относятся два противоположных взгляда на свое имя. С одной стороны, носители имени недовольны, что родители дали им слишком экзотические имена. Приведем для примера следующие высказывания:

1. Сандрина. Ненавижу свое имя. Назвали Сандриной. Когда говорю имя, задают вопросы: Что, прости? Извини, не поняла? Я хотела бы быть Светой. Но жалко родителей, они мне долго искали имя, и до сих пор хвалятся, что у меня красивое имя. Я так не считаю
[\[http://www.kleo.ru/items/psycho/pochemu_vam_ne_nravitsya_svoe_imya.shtml\]](http://www.kleo.ru/items/psycho/pochemu_vam_ne_nravitsya_svoe_imya.shtml);

2. «Ия. Не нравится, абсолютно! оно ужасное, короткое, многие его слышат впервые, задают кучу вопросов... поменяла бы с удовольствием... хочется быть простой Катей или Машей» [KR].

Родители в данных случаях, напротив, считают, что выбрали красивые, редкие имена своим детям:

1. Очень долго, почти полгода, выбирали имя для дочери, хотелось чего-то необычного. Сошлись на имени Сандрина. Выяснили, что это производная форма имени Александра. Нам понравилось: вроде бы и Саша, а вроде бы и нет!

2. Сначала думали назвать дочь Инна, но опередили знакомые, назвав свою дочь этим именем. Тогда, подумав, назвали Ия! Красивое редкое имя!

Некоторые американские участники опроса тоже выразили негативное отношение к своим редким именам:

1. My name is Britt Marie (34). Because I was born in the 80s people ALWAYS assumed my name was Brittney/any. To this day, it drives me nuts! In high school I had a teacher who by end of senior year she still couldn't get it right! One day she asked me, 'are you sure your name isn't Brittany?' ... umm... I'm sorry, I think I'd know my own name, thanks.

2. *Dedra (32). I would say my name isn't very common here. I do not like my name because it is pretty rare.... It's different! I often feel out of place when they call me by my name!*

Ответы родителей показали, что при выборе данных имен они ориентировались на семейные традиции, имена не казались им редкими и необычными:

1. *We called our daughter Britt to honour her grandmother. We all loved her dearly!*

2. *There isn't any special story behind my daughter's name. It is my childhood neighbor had the same name. Also all of our family's names start with a "D"*

С другой стороны, чрезмерная распространенность имени также приводит к неприятию такого решения родителей:

1. *Анастасия. У меня ужасное имя Настя! Ну почему меня родители по-другому не назвали. Каждая третья в России Настя! [VK].*

2. *Не люблю свое имя. В паспорте Наталья, а в жизни все равно Наташа. В классе было 3 Наташи кроме меня, половину подруг моих Наташами звали!!! Я 1976 года рождения, что за мода? В институте тоже самое, и дальше ... Муж у меня звонит в банк у него помощник Наташа, покупает в компании металл там Наташа, страховку выписываем нам другая Наташа ... Не жизнь, а малина [RA].*

Номинативные неудачи в данных случаях были вызваны тем, что родители не хотели называть своих детей необычным именем, посчитав, что это будет привлекать внимание и вызовет насмешки:

Назвали дочь Наташа. На наш взгляд, замечательное русское имя. Не хотели вычурного имени, чтобы ребенок всю жизнь потом с ним мучался!

Анализ ответов американских респондентов показал, что частотные имена в некоторых случаях тоже являются причиной номинативных неудач:

1. *Mike (60). "Mike Ross" is a very common name— my cousin is named Mike Ross, there's a man running for governor in my home state named Mike Ross, a man*

ran for mayor this year in Boston (where I go to school) named Mike Ross (there were election signs with my name on it everywhere - it was very confusing.

2. I'm Emily Joy (30). I love my name. Though I'm not pleased about how popular my first name has become, it wasn't quite so popular when I was born (though it was on its way up). In my area, Emily's popularity seems to have skyrocketed about two years after I was born. I remember in middle school, I was the only Emily in the eighth grade but there were eight sixth-graders named Emily. Because I didn't grow up sharing my name with a ton of friends, its popularity doesn't bother me, though I don't think I'd want to be a little girl named Emily now [NB].

Несовпадение мнений родителей и детей в данных случаях объясняется тем, что родители пытались следовать модным тенденциям в имянаречении:

We chose the name Emily for our daughter because it was quite popular and trendy those days!

Психологические причины номинативных неудач связаны преимущественно с гендерным восприятием имени:

1. Александра. Лучше для девушки Даша, Дарья, а не Саша, или Александра Александровна, всю жизнь я, сан саныч или стакан стаканыч, у родителей фантази ноль, бесит... стыдно говорить, что меня зовут Саша... у меня уже 4 детей, взрослая женщина, но язык не поворачивается сказать свое ИМЯ [VK].

2. Евгения. Ни мужское, ни женское. Вообще какой-то средний род, меня вечно в детстве путали с мальчиком, даже врачи в поликлинике. Не знаю, может кому оно и нравится со стороны, но жить с этим именем ужасно! Особенно в детстве, когда все Жени, а не Евгении [LH].

Ответы родителей показали, что при выборе имен они не учитывали особенности, связанные с их гендерным восприятием. Основой для выбора послужили личные предпочтения родителей:

Выбирали из множества имен, но понравилось Евгения. Звучит приятно, да и характеристики у имени хорошие. Хорошее имя для сильной личности.

Американские носители личных имен тоже сталкиваются с проблемами в коммуникации в случаях, если имя не выражает гендерной принадлежности. Причем, как отмечалось ранее, американцы чаще обращают внимание на невозможность гендерной дифференциации имен, которая создает трудности при коммуникации:

1. My name's Riley (21). Don't like it because it's doesn't show the sex of the person. To my mind, it's very important.

2. My name is Ashton (38). I don't like my name not only because of the associations with Ashton Kutcher (hate this actor). Look! My awful name even doesn't show my sex!

Родители в данных случаях не задумывались о гендерной принадлежности имен. Прежде всего, их привлекла эстетическая сторона имени, его звучание:

1. Riley. We didn't think about this name first. But one day, when I was passing by a playground, I heard a mother who called her daughter Riley. I thought it's pretty and decided to give this name to my daughter.

Таким образом, ответы русских респондентов говорят о том, что для них основными причинами номинативных неудач стали языковые факторы: неблагозвучие или нежелательные деривационные варианты, образованные от их имен. Американских носителей имен больше беспокоит прагматическая сторона вопроса: частотность или редкость имени, а также его престижность.

Анализ рефлексивов носителей имени показал, что понятие номинативной неудачи относительно. В большей степени она отмечается при восприятии имен в подростковом или юном возрасте:

1. Галина. Я свое имя в детстве жутко не любила, на него столько дразнилок, что ни на какое столько нет. Потом повзрослела, научилась любить себя вместе со своим именем. Недавно меня спросили, не хочу ли я поменять имя, в Израиле многие имена меняют. Я категорически сказала - нет. Оно как-то само собой сократилось, меня все здесь называют «Гала». Ну и хватит. Короче, мне мое имя нравится [ВС].

2. Мне раньше (лет до 16ти) тоже не нравилось мое имя, особенно короткая форма – Люба. Сейчас привыкла и мне даже нравится, когда любимые и родные образуют от моего имени какие-то прозвища: Любушка, Лушечка, Лу, ЛЮбанька, Моя Любовь... Так мило, что разные люди воспринимают меня по-своему [ГР].

В целом можно отметить, что большинство метаязыковых высказываний носителей имени, свидетельствующих о номинативных неудачах имядателей, принадлежат респондентам моложе 25 лет, или это рефлексивы-воспоминания о своем детском или юношеском восприятии имени. Как было отмечено выше, с возрастом и русские и американские носители имен меняют негативное отношение к своим именам на нейтральное или даже позитивное.

Выводы по второй главе

Рассмотренные во второй главе метаязыковые высказывания русских и американцев, полученные путем разных видов опроса и контекстуального анализа интернет-коммуникации, позволяют определить основные компоненты номинативной ситуации «наречение именем», выявить мотивы имянаречения в русской и американской лингвокультурах, а также обосновать причины негативного или позитивного отношения к собственному имени. Негативное отношение к собственному имени может привести к номинативным неудачам, которые создают коммуникативные барьеры.

Рассматривая номинативную ситуацию «наречение именем», мы взяли за основу классификацию М. В. Голомидовой, которая, на наш взгляд, наиболее полно рассматривает ее особенности. К основным компонентам номинативной ситуации «наречение именем» относим: сферы социальной активности, типизированные ситуации, социальные и психологические характеристики именуемых субъектов, а также режим осуществления номинации. Такой подход позволил определить ситуацию «наречение именем» как типизированную номинативную ситуацию, которая может быть представлена в виде

последовательных действий основных ее участников: определение именуемого субъекта, имеющего право на имянаречение, утверждение имени в семье, законодательное закрепление имени в органах власти. Наблюдается зависимость формы и содержания рефлексивов от пола, возраста, уровня образования и психологических особенностей имядателя.

Исследование основных мотивов имянаречения, отмеченных в метаязыковых высказываниях русских и американцев, позволило сделать вывод о том, что большинство американских имядателей при выборе имени основывались на семейных традициях (53%), а также на стремлении избежать трудных, неблагозвучных сочетаний (14%). Далее, в порядке частотности, были отмечены влияние моды (14%), ассоциации с историческими или культурными деятелями (10%), оригинальность имени (7%), благозвучие (6%) и религиозные мотивы (4%).

Носители русской лингвокультуры связывали свой выбор имени с его благозвучием (43%) и оригинальностью (16%), а также с семейными традициями имянаречения (9%). Отмечаются и другие мотивы: в честь человека, сыгравшего важную роль в судьбе (8%) и в честь известного человека (5%). Религиозными мотивами объяснили выбор имени 4% респондентов. Стремлением избежать неблагозвучных сочетаний мотивировали свой выбор 2% опрошенных.

При анализе языковой рефлексии русских и американских носителей имени нами были обнаружены некоторые различия. Для русских основными ценностными характеристиками, позитивно оцениваемыми носителями имен, оказались благозвучие имени, в том числе и при сочетании его с отчеством (27%), словообразовательные возможности (22%), редкость имени (15%), привлекательная этимология (12%), благоприятные ассоциации с известными носителями имени (7,5%), а также семейные традиции (2%) и легкость произнесения (1,5%). Американцы называли такие положительные качества личных имен, как связь с семейными традициями (23%), редкость имени (21%), возможность идентифицировать себя как личности (15%), благозвучие (13%),

легкость произнесения имени (9%), благоприятные ассоциации с известными носителями имени (7%).

Среди негативных характеристик личных имен русские респонденты указывали неблагозвучие и трудность произнесения, деривационные варианты имени, а также ассоциативную связь с другими именами и словами естественного языка. Для американцев главными факторами оказались непрестижность имени, его чрезмерная редкость или распространенность.

Исследование языковой рефлексии русских и американских носителей имени позволило выявить номинативные неудачи в имяназвании, которые могли возникнуть при несовпадении интенций имядателя и личных вкусовых предпочтений носителя имени. Причины номинативных неудач мы условно разделили на языковые, лингвокультурные, прагматические и психологические.

Данные опроса полностью подтверждаются метаязыковыми высказываниями участников русскоязычных и англоязычных форумов, на которых ведется обсуждение положительных и отрицательных характеристик личных имен, а также объясняется выбор имен своим детям и даются некоторые советы по этому поводу.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет сделать вывод о ярко выраженных социокультурных особенностях языковой рефлексии на личные имена у русских и американцев. Представители русской лингвокультуры (как имядатели, так и носители имени) оценивают личные имена прежде всего с эстетической с точки зрения, а носители американской лингвокультуры рассматривают личное имя как возможность чтить семейные традиции и идентифицировать себя как личность.

Заключение

Личное имя как один из важнейших способов идентификации человека становится объектом языковой рефлексии, которая может быть по-разному представлена в метаязыковых высказываниях представителей неблизкородственных лингвокультур. При подходе к анализу данного явления необходимо определиться с ключевыми понятиями.

Исследование рефлексии в различных областях лингвистического знания позволило нам сделать вывод об обширности и глубокой изученности языковой рефлексии. В результате анализа работ по коммуникативно-прагматической лингвистике, социолингвистике, психолингвистике мы определили языковую рефлексию как ценностное отношение в принципе к любым языковым фактам, зафиксированное в тексте, а рефлексив – как метаязыковое высказывание, содержащее комментарий, оценку, обоснование употребления, определенной языковой единицы, актуальной для носителей языка.

При исследовании ономастического подхода к исследованию языковой рефлексии обращает на себя внимание тот факт, что имена собственные редко становились объектом подобного анализа. Специальных исследований, посвященных языковой рефлексии в ономастике, не проводилось. Есть лишь отдельные наблюдения за оценкой носителями языка различных ономастических единиц (названий улиц, праздников, магазинов, музыкальных альбомов), а также некоторых разрядов антропонимов (личные имена, фамилии и прозвища). Между тем ономастические единицы постоянно оцениваются в обществе и при этом вызывают широкий спектр эмоций (от позитивных до крайне негативных). Целесообразным для дальнейшего исследования языковой рефлексии в ономастике считаем подход, согласно которому ономастические рефлексивы могут быть классифицированы по субъекту речи (авторские и адресатные), по эмоциональной оценке имени (пейоративные и мелиоративные), по объему и структуре (первичные и вторичные).

Определение места личных имен в ономастическом поле и его соотношения со смежными антропонимическими разрядами (отчествами, фамилиями, прозвищами и псевдонимами) позволило нам сделать обобщение о том, что официальное имя, относящееся к ядру данного поля, характеризуется обязательностью, стабильностью и широким функциональным диапазоном. Это обстоятельство объясняет частотность рефлексивов на личные имена и актуальность такого исследования в сопоставительном аспекте.

Важным этапом нашего исследования было обращение к сопоставительному анализу антропонимического поля в русской и американской лингвокультурах, в результате которого был обозначен ряд отличий. Во-первых, наличие отчеств в русской антропонимической модели и средних имен (*middle names*) в американской. Во-вторых, строгая регламентированность при выборе имени ребенку в русской лингвокультуре и склонность представителей американской лингвокультуры к языковому творчеству при выборе имени, например, к созданию сложных имен, объединяющих имена родителей или бабушек и дедушек. Это позволяет говорить о консервативности русской антропонимической системы, которая имеет более длительную историю существования.

Изучение рефлексии на личные имена предполагает также обращение к их аксиологическому потенциалу, который может быть выявлен в результате социолингвистических опросов и экспериментальных исследований. В анализируемых нами работах, построенных на экспериментальной методике, было доказано, что личные имена соотнесены как с носителем имени и имядателем, так и с условиями, которые выдвигает общество. Сказанное выше позволило заключить, что на номинативную деятельность имядателя влияют такие культурно-исторические факторы, как национальность, конфессия, стремление сохранить традиции внутрисемейного имени, а также желание дать эстетически привлекательное, редкое имя.

Таким образом, мы определили языковую рефлексивность в антропонимии как ценностное отношение представителей определенной лингвокультуры к личным

именам, отраженное в метаязыковых высказываниях (рефлексивах) имядателей и носителей имени.

Следующим этапом нашей работы стало сопоставительное исследование социокультурных особенностей языковой рефлексии на личные имена. Для этих целей был проведен анализ метаязыковых высказываний русских и американских имядателей и носителей имени, полученных при помощи разных видов опроса и контекстуального анализа рефлексивов на данную тему, зафиксированных в интернет-коммуникации. Анализ полученных данных показал довольно неоднозначное отношение к личным именам у представителей двух неблизкородственных лингвокультур – русской и американской.

В рефлексивах *имядателей* отражены особенности имянаречения в русской и американской лингвокультурах, обобщение которых позволяет определить номинативную ситуацию «наречение именем». К основным ее компонентам относятся: сферы социальной активности, типизированные ситуации, социальные и психологические характеристики именуемых субъектов, а также режим осуществления номинации. Исследование особенностей функционирования данных компонентов в русской и американской лингвокультурах позволило определить ситуацию «наречение именем» как типизированную номинативную ситуацию, которая может быть представлена в виде последовательных действий основных ее участников: определение именуемого субъекта, имеющего право на имянаречение, утверждение имени в семье, законодательное закрепление имени в органах власти. Наблюдается зависимость формы и содержания рефлексивов не только от социокультурных особенностей, но и от пола, возраста и уровня образования и психологических особенностей имядателя.

Метаязыковые высказывания русских и американских имядателей свидетельствуют о том, что обсуждение имени будущего ребенка происходит в различных сферах: в семье, с друзьями, в Интернете. Причем, если американские родители довольно часто обсуждают имена своих детей на специальных

форумах и сайтах, то русские родители чаще предпочитают совершать данный выбор внутри семьи и не привлекать посторонних.

Исследование основных мотивов имянаречения, отмеченных в метаязыковых высказываниях русских и американцев, позволило сделать вывод о том, что большинство американских имядателей при выборе имени основывались на семейных традициях, а также на прагматическом мотиве – стремлении избежать трудных, неблагозвучных сочетаний. Далее, в порядке частотности, были отмечены влияние моды, оригинальность имени, благозвучие и религиозные мотивы. Американские имядатели указывали также на ассоциации с историческими или культурными деятелями.

Носители русской лингвокультуры связывали свой выбор имени, прежде всего, с эстетическим мотивом – благозвучием и оригинальностью имени, а также с семейными традициями имянаречения. Отмечаются и другие мотивы: в честь человека, сыгравшего важную роль в судьбе и в честь известного человека. Небольшое число респондентов объяснило свой выбор религиозными мотивами и стремлением избежать неблагозвучных сочетаний.

Анализ языковой рефлексии русских и американских *носителей имени* показал преобладание позитивных оценок собственного имени, что можно считать универсальным свойством восприятия личного имени представителями неблизкородственных лингвокультур. При этом были выявлены некоторые различия в позитивном восприятии личных имен русскими и американцами. Так, для русских основными позитивными ценностными характеристиками оказались благозвучие имени, в том числе и при сочетании его с отчеством, словообразовательные возможности, редкость имени, привлекательная этимология, благоприятные ассоциации с известными носителями имени, а также семейные традиции и легкость произнесения. Американцы называли такие положительные качества личных имен, как связь с семейными традициями, редкость имени, благозвучие, легкость произнесения имени, а также благоприятные ассоциации с известными носителями имени.

Отдельно следует обратить внимание на такое положительное качество личных имен, отмеченное в рефлексивах американских респондентов, как возможность идентифицировать себя как личности. Индивидуализм можно назвать отличительной чертой личности, воспитанной в традициях американской лингвокультуры, тогда как для русской лингвокультуры больше характерен коллективизм.

Следует также отметить, что для американцев легкость произнесения имени оказалась более важной, чем для русских. Очевидно, что здесь проявляется такая отличительная черта американцев, как прагматизм. Как в устной, так и в письменной речи, американцы тяготеют к краткости, конкретности, что во многих случаях коснулось и выбора личных имен. Очевидно, что русских респондентов этот вопрос интересует гораздо меньше, они больше внимания уделяют эстетической стороне имени.

Анализ рефлексивов на личные имена русских и американских носителей имени помог также выявить случаи, когда личные имена были охарактеризованы негативно. Среди негативных характеристик личных имен русские респонденты указывали неблагозвучие и трудность произнесения, нежелательные деривационные варианты имени, а также неблагоприятные ассоциации с другими именами и словами естественного языка. Для американцев главными факторами оказались престижность имени, его чрезмерная редкость или распространенность.

В исследуемом материале обращают на себя внимание случаи несовпадения интенций имядателя и личных вкусовых предпочтений носителя имени. Они были нами определены как номинативные неудачи в имянаречении, которые могли возникнуть по различным причинам. Причины номинативных неудач мы условно разделили на языковые (фонетические особенности, неблагозвучие и трудность произнесения, деривационные варианты, ассоциации с другими словами естественного языка или именами), лингвокультурные (негативные коннотации, связанные с этимологией, неблагоприятные ассоциации с реальными или вымышленными персонажами), прагматические

(редкие или чрезмерно распространенные имена, непрестижные имена) и психологические (неявно или некорректно выраженная гендерная принадлежность).

При сравнении негативных отзывов российских и американских респондентов выяснилось, что для носителей русской лингвокультуры основными причинами негативного отношения к своим именам стали языковые факторы: неблагозвучие или нежелательные деривационные варианты, образованные от их имен. Американских носителей личных имен больше беспокоит прагматическая сторона вопроса: частотность или редкость имени, а также его престижность.

Отметим, что молодые люди (до 25 лет) негативно отзывались о личных именах в своих метаязыковых высказываниях гораздо чаще, чем люди среднего и старшего возраста. С возрастом и российские и американские носители имен меняют негативное отношение к своим именам на нейтральное или даже позитивное.

Таким образом, сопоставительный анализ метаязыковых высказываний, содержащих языковую рефлексию на личные имена русских и американцев, позволяет дополнить имеющиеся представления о традициях и ценностях современного общества, его социальном укладе, о коллективном и индивидуальном сознании, отраженных в языке и культуре, что представляет определенный интерес не только для ономастики, но и для других направлений современного языкознания: коммуникативно-прагматической лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и социолингвистики.

Перспективы исследования мы видим в комплексном анализе особенностей языковой рефлексии в ономастике на более широком материале, выходящем за рамки рефлексивов, посвященных личным именам.

Библиография

1. Айламазьян, А. М. Метод беседы в психологии: Учебное пособие для студентов факультетов психологии высших учебных заведений/ под. ред. А. М. Айламазьян. — М.: Смысл, 1999. — 222 с.
2. Альдингер, О. П. Имя собственное в составе «Пословиц русского народа» В. И. Даля: статистический аспект/ О. П. Альдингер // Седьмые Поливановские чтения. — Смоленск: СГПУ, 2005. — Часть III. — С. 3 – 11.
3. Алпатов, В. В. Когнитивные основы формирования топонимов: фрейм имянаречения/ В. В. Алпатов. — Вестник ТГУ. — вып. 4 (44). — 2006. — С. 486 – 488.
4. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность/ И. В. Арнольд. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — 444 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Вторичные истинностные оценки: правильно, верно/ Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Ментальные действия. — М., 1993. — С. 67–78.
6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт/ Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука — 1988. — 341 с.
7. Бахнян, К. В. Антропонимика как средство социолингвистической диагностики. Лингво-социологические исследования/ К. В. Бахнян. — М., 1978. — С. 156 – 194.
8. Баранникова, Л. И. Факторы, определяющие выбор личных имён / Л. И. Баранникова, З. А. Данилова, Н. П. Чернева // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. — М.: Наука, 1970. — С. 177 – 182.
9. Белецкий, А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика)/ А. А. Белецкий. — Киев, 1972. — 209 с.
10. Беликов, В. И., Крысин, Л. П. Социолингвистика: Учебник для вузов/ В. И. Беликов, Л.П. Крысин. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. — 315 с.

11. Березович, Е. Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки/ Е. Л. Березович // Изв. АН. Сер. лит. и яз. — Т. 60 — 2001. — №6. — С. 34 – 46.
12. Богин, Г. И. Рефлексия и интерпретация: принцип потенциальной понятности всякого текста/ Г. И. Богин // Вопросы стилистики. Вып. 27. Человек и текст. Саратов, 1998. — С. 62 – 68.
13. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ // —Том I. — М.: АН СССР, 1963. — 385 с.
14. Бойко, Л. Б. К вопросу о роли антропонима в лингвокультуре/ Л. Б. Бойко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2013. — № 2. — С. 13 – 21.
15. Бондалетов, В. Д. Русская ономастика / В. Д. Бондалетов. — М.: Просвещение, 1983. — 224 с.
16. Васильев, А. Д. Рефлексивы в телевизионном дискурсе/ А. Д. Васильев // Речевое общение: Специализир. вестн. — Красноярск, 2000 — № 3 (11). — С. 28–36.
17. Васильева, Н. В. Собственное имя в мире текста: Монография/ Н. В. Васильева. — М.: Акад. гуманитар. исслед., 2005. — 224 с.
18. Васильева, Н. В. Заметки о психоонимастике/ Н. В. Васильева // Вопросы психолингвистики, 2014. — № 2 (20). — С. 128 – 137.
19. Васильев, Л. М. Методы современной лингвистики/ Л. М. Васильев. — Уфа: Изд-во Башкирского университета, 1997. — 183 с.
20. Ван Мяо. Названия кондитерских изделий в прагмалингвистическом аспекте (на материале русских и китайских прагматонимов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Ван Мяо — Волгоград, 2010. — 181 с.
21. Вашкевич, Н. Н. Утраченная мудрость, или Что в имени твоём: Истоки древней цивилизации. Тайны слова. Именное кодирование / Н.Н. Вашкевич. — М., 1996. — 351 с.
22. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание: Пер. с англ. Отв. ред. М.А. Кронгауз/ А. Вежбицкая — М.: Русские словари, 1996. — 416 с.

23. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху/ И.Т. Вепрева. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 384 с.
24. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп./ Е. М. Вольф. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.
25. Врублевская, О. В. Названия торжественных мероприятий: прагмалингвистический аспект (на материале русских и немецких номинаций): автореф. дисс. ...канд. филол. наук.: 10.02.19/ Оксана Валентиновна Врублевская. — Волгоград, 2006. — 24 с.
26. Врублевская, О. В. Авторская рефлексия как элемент рекламы/ О. В. Врублевская // Актуальные вопросы филологии и культурологи: материалы международной заочной научно-практической конференции. — Новосибирск: «ЭНСКЕ», 2011. — С. 41 – 45.
27. Врублевская, О. В. Эмоции в рефлексивах адресата ономастической номинации/ О. В. Врублевская // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: сб. науч. тр., посвященный 75-летию проф. В.И. Шаховского. — Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2013. — С.110 – 115.
28. Врублевская, О. В. Понятие мода в ономастике/ О. В. Врублевская // // Гуманитарные и социальные науки: Мат. Всерос. научно-практической конференции г. Ростов-на-Дону, 27 фев. 2014 г. — Ростов-на-Дону, 2014. — № 2. — С. 484 – 487.
29. Врублевская, О.В. Сценический псевдоним как отражение модных тенденций в антропонимии/ О. В. Врублевская // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2016. — №2(36). — С. 153 – 157.
30. Вуйтович, М. Древнерусская антропонимия XIV-XV вв. Северо-Восточная Русь/ М. Вуйтович. — Poznan, 1986. —306 с.
31. Выготский, Л.С. Избранные психологические исследования/ Л.С. Выготский. — М.: Изд-во. Академии педагогических наук РСФСР, 1956. – 520 с.

32. Гайдук, И. В. Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04/ Ирина Викторовна Гайдук. — Воронеж, 2001. — 235 с.
33. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация/ В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. — М: Наука, 1973. — С. 349–372.
34. Гак, В. Г. Языковые преобразования/ В. Г. Гак. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
35. Гарагуля, С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США): автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.04/ Сергей Иванович Гарагуля. — Москва, 2009. — 44 с.
36. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования/ Б. М. Гаспаров. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
37. Гафурова М. Н. Номинативная личность как реализация языковой личности (опыт экспериментального исследования): автореф. дисс. ...канд. филол. наук: 10.02.19/ Мария Нуриахметовна Гафурова— Екатеринбург, 2012. — 23 с.
38. Городецкий, Б. Ю., Кобозева, И. М., Сабурова, И. Г. К типологии коммуникативных неудач/ Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. — Новосибирск, 1985. — С. 64 – 78.
39. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: монография/ М. В. Голомидова. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1998. — 238 с.
40. Голомидова, М. В. Лексика природы в русских псевдонимах: номинативное отражение констант творческого начала/ М.В. Голомидова // III Житниковские чтения. — Челябинск, 1999. Ч. 1. — С. 47—52.
41. Голомидова, М. В. Некоторые теоретические вопросы искусственной топонимической номинации/ М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. Вып. 19: Номинация в ономастике. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1980. — С. 5 – 13.

42. Голомидова, М. В. Русская антропонимическая система на рубеже веков/ М. В. Голомидова // Вопросы ономастики/ — Екатеринбург, 2005. — № 2. — С. 11 – 22.
43. Гурская, Ю. А. Антропонимия как источник исследования языковых и культурных контактов/ Ю. А. Гурская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. — 2014. — № 10. — С. 59 – 63.
44. Данилина, Е. Ф. Прозвища в современном русском языке/ Е. Ф. Данилина // Восточнославянская ономастика. — М.: Наука, 1978. — С. 281 – 297.
45. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
46. Ермакова, О. Е., Земская, Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога)/ О. Е. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект — М., Наука, 1993. — С. 30 – 63.
47. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур/ Д. И. Ермолович. — М.: Р. Валент, 2001. — 200 с.
48. Есперсен, О. Философия грамматики/ Пер. с англ. В. В. Пассека и С. П. Сафроновой; Под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша/ О. Есперсен — М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. — 404 с.
49. Живоглядов, А. А. Семантико-стилистический потенциал английской ономастики: автореф. дис. ... канд. фи-лол. наук: 10.02.04 /Алексей Алексеевич Живоглядов. — М., 1987. — 15 с.
50. Зайчикова, Л. П. Статистическое описание именника и его теоретические основы/Л. П. Зайчикова //Актуальные вопросы русской ономастики/ Отв. ред. Ю. А. Карпенко. —Киев: УМК ВО, 1988. — С. 43 – 49.
51. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику/ А. А. Залевская. — М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. — 348с.
52. Залевская, А. А. Некоторые вопросы теории текста и его понимания/ А. А. Залевская // ТЕКСТ versus ДИСКУРС: Проблемы понимания и

интерпретации. — М.; Тверь: Ин-т языкозн. РАН; Тверской ин-т экономики и менеджмента, 2001. — С.36 – 46.

53. Зинин, С. И. Русская антропонимия XVII – XVIII вв. (на материале переписных книг городов России): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: (10.02.01)/ Сергей Иванович Зинин. — Ташкентский гос. ун-т. им. В. И. Ленина. — Ташкент, 1969. — 22 с.

54. Ивашко, В. А. Как выбирают имена. Под ред. А. Е. Супруна / В. А. Ивашко. — Минск: Высшая школа, 1988. — 237 с.

55. Исаева, З. Г. О социальной сущности антропонимической системы/ З. Г. Исаева // Актуальные вопросы философии. — Кичеев, 1989. — С. 66 – 99.

56. Калакуцкая, Л. П. Фамилии. Имена. Отчества. Написание и склонение/ Л. П. Калакуцкая. — М.: Толк, 1994. — 100 с.

57. Карасик, В. И. Языковое проявление личности/ В. И. Карасик. — Волгоград: Парадигма, 2014. — 450 с.

58. Карпенко, О. Ю. Когнітивна ономастика як напрямок пізнання власних назв: автореф. дис. ... д-ра філол. наук: 10.02.15 / Олена Юрїївна Карпенко; Одеськ. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. — Київ, 2006. — 32 с.

59. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Воронеж: ВГТУ, 2002. — № 3. — С. 4 – 34.

60. Кисель О.В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19/ Олеся Владимировна Кисель. — Челябинск, 2009. — 24 с.

61. Кобозева, И. М., Лауфер, Н. И. Интерпретирующие речевые акты/ И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер// Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М., 1994. — С. 63–71.

62. Ковалев, Г.Ф. И это якобы «все о русских именах» / Г.Ф. Ковалев // Записки з ономастики. Вип. 10: зб. наук. праць / відп. ред. О.Ю. Карпенко. — Одесса: Астропринт, 2007. — С. 133 – 136.

63. Кондратьева, Т. Н. *Метаморфозы собственного имени* / Т. Н. Кондратьева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. — 110 с.

64. Кондратенко, Г. И. *Наблюдения над употреблением личных имен в Брянской области*/ Г. И. Кондратенко // *Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: проблемы антропонимики.* / Отв. ред. В.А.Никонов. — М.: Наука, 1970. — 344 с.

65. Королева, И. А. *Становление русской антропонимической системы: автореф. дис.... док. филол. наук: 10 02.01/ Инна Александровна Королева.* — Москва, 2000. — 35 с.

66. Королева, И. А. *К вопросу об ономастическом пространстве и ономастическом поле в языке*/ И. А. Королева // *Русский литературный язык: Номинация. Предикация. Экспрессия.* Межвуз. сб. научн. тр. — М.: МАНПО, 2002. — С. 73–74.

67. Кропачева, К. И. *Особенности реализации аксилогического потенциала антропонимического пространства английского языка*/ К. И. Кропачева // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки.* — № 1(105) —Волгоград, 2016. — С. 136 – 142.

68. Крюкова, И. В. *Рекламное имя как объект лингворефлексии*/ И. В. Крюкова // *Актуальные проблемы вербальной коммуникации: язык и общество.* — Киев, 2004. — С. 232 – 238.

69. Крюкова, И. В. *Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография*/ И. В. Крюкова. — Волгоград: Перемена, 2004. — 288 с.

70. Крюкова, И. В. *Имя собственное как объект языковой рефлексии: направления исследований*/ И. В. Крюкова// *Ономастика Поволжья: материалы XII международной научной конференции (Ярославль, 13-14 сент. 2012г.)*/ под отв. ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. – С. 8 – 11.

71. Крюкова, И. В., Врублевская, О. В., Кирпичева, О. В. *Имена собственные в макро- и микросоциуме: монография*/ И. В. Крюкова, О. В.

Врублевская, О. В. Кирпичева. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. – 168 с.

72. Кубрякова, Е. С. О понятиях синхронии и диахронии/ Е. С. Кубрякова // Вопр. языкознания — 1968. — № 3. — С. 112 – 123.

73. Кубрякова, Е. С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова «память»/ Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка: Культурные концепты. — М., 1991. — С. 85 – 91.

74. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста/ В. А. Кухаренко. — Л.: Просвещение, 1979. — 327 с.

75. Леонович, О. А. В мире английских имен / О. А. Леонович. — Изд.2-е, испр. и доп. — М.: Астрель, 2002. — 160 с.

76. Леонович, О. А. Введение в англоязычную ономастику: учебное пособие/ О. А. Леонович. — М.: КДУ, 2015. — 250 с.

77. Леонтович, О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: Учеб. пособие/ О. А. Леонтович. — Волгоград: Перемена, 2003. — 399 с.

78. Леонтович, О. А. Методы коммуникативных исследований/ О.А. Леонтович. — М.: Гнозис, 2011. — 224 с.

79. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики/ А. А. Леонтьев — М.: Смысл, 2008. — 288 с.

80. Лошкорева, А. В. Роль визуального мышления в процессе антропономинии/ А. В. Лошкорева // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы X Международной научной конференции. — Майкоп: редакционно-издательский отдел АГУ, 2016. — С. 133 – 136.

81. Ляпон, М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование/ М. В. Ляпон// Язык и личность. — М., 1989. — С. 24 – 34.

82. Магазаник, Э. Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Эммануил Борисович Магазаник. — Самарканд, 1966. — 17с.

83. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. — 2-е изд., испр/ Н. Б. Мечковская — М.: Аспект Пресс, 2000. — 207 с.

84. Миньяр-Белоручева, А. П., Плотникова, А. В. Эволюция восприятия имени собственного в западноевропейской культуре/ А. П. Миньяр-Белоручева, А. В.Плотникова// Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика, том 7. — № 16 (116) — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2008. — С. 37 – 41

85. Мирославская, А. Н. Собственные имена в «Новгородских записных кабальных книгах 100-104 и 111 годов»: автореф. дис. ... канд. филол. наук/ А. Н. Мирославская. — М., 1955. — 16 с.

86. Михайлов, В. Н., Намитокова, Р. Ю., Нефляшева, И. А. В мире имен собственных. Лингвистические беседы по краеведению/ В. Н. Михайлов, Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева. — Майкоп: Изд-во. АГУ, 2016. — 292 с.

87. Москович, В. А. Машинное конструирование личных имен/ В. А. Москович // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. — М.: «Наука», 1970. — С.75 – 90.

88. Нерознак, В. П. Движение за возвращение исторических названий/ В. П. Нерознак // Сборник материалов Второй Всесоюзной научно-практической конференции «Исторические названия – памятники культуры». — М., 1991. — С. 3 – 10.

89. Огорокова, Т. И. Динамика личных имен в Автозаводском районе г. Горького /1932-1967 гг./ Т.И. Огорокова // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. — М.: Наука, 1970. — с. 106 – 110.

90. Остин Дж. Слово как действие/Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — Вып 17. — С.22 – 31.

91. Полякова, Е. Н. Из истории русских имен и фамилий/ Е. Н. Полякова. — М.: Просвещение, 1975. — 158 с.

92. Поротников, П. Т. О способах образования отфамильных прозвищных именовании/ П. Т. Поротников // Русская ономастика и ее

взаимодействие с апеллятивной лексикой. Вопросы ономастики. — Свердловск: УрГУ, 1976. — Вып. 11. — С. 70 – 74.

93. Поспелов, Е. М. Из истории отечественной топонимики: Развитие топонимических идей в России в XVIII–XIX вв. / Е. М. Поспелов // Изв. АН СССР, Сер. геогр. — 1977. — № 3. — С. 93 – 104.

94. Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. — Минск: БГУ, 2003. — 214 с.

95. Роспонд, С. Onomasticon Slavicum. Этапы развития ономастической лексикографии/ С. Роспонд // Перспективы развития славянской ономастики. — М.: Наука, 1980. — С. 221 – 226.

96. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке: дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01/ Мария Эдуардовна Рут — Екатеринбург, 1994. — 553 с.

97. Рут, М. Э. Антропонимы: размышления о семантике/ М. Э. Рут // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 4. — № 20.

98. Рылюк, Г. Я. Истоки географических названий Беларуси с основами общей топонимики: пособие для преп. и студ. геогр. спец / Г. Я. Рылюк. — Минск: Веды, 1999. — 247 с.

99. Санджи-Гаряева З.С. Языковая рефлексия Ю. Трифонова/ З.С. Санджи-Гаряева // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. Трудов. — Саратов: изд-во Сарат. Ун-та, 1999. — Вып. 28. — С. 275 – 281.

100. Сапронова, Т. А. Современный американский именник: особенности функционирования и имянаречения: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04/ Татьяна Андреевна Сапронова. — Воронеж, 2012. — 25 с.

101. Серебренников, Б. А. О методах изучения топонимических названий/ Б. А. Серебренников // Вопросы языкознания. — 1959. — № 6. — С. 47 – 59.

102. Серебренников, Б. А., Уфимцева, А. А. Языковая номинация (Общие вопросы) / Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева — М.: Наука, 1977. — 359 с.

103. Серебренников, Б. А., Уфимцева, А. А. Языковая номинация (Виды наименований)/ Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева — М.: Наука, 1977. — 358 с.

104. Селищев, А. М. Происхождение русских фамилий, личных имён и прозвищ/ А. М. Селищев // Учёные записки МГУ. Труды кафедры русского языка. — Вып. 128. — М., 1948. — С. 137 – 141.

105. Сёрль, Дж. Природа интенциональных состояний/ Дж. Серль // Философия, логика, язык. — М.: Прогресс, 1986. — 336 с.

106. Скребнева, Т. В. Историография, основные направления изучения личного имени в восточнославянской антропонимике / Т. В. Скребнева // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 103 – 107.

107. Скрозникова, В. А. Американцы/ В. А. Скрозникова // Системы личных имен у народов мира. — М.: Наука, 1986. — С 27 – 36.

108. Смольников, С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимии: автореф. дис. ... доктора филол. наук. 10.02.01/ Смольников Сергей Николаевич. — СПб, 2005. — 38 с.

109. Соколова, Т. П. Нейминговая экспертиза: организация и производство: монография/ Т. П. Соколова. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 208 с.

110. Стаханова, И. С. Прагматика школьных прозвищ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Ирина Сергеевна Стаханова. — Волгоград, 2011. — 170 с.

111. Стеблин-Каменский, М. И. Древнеисландская топономастика как материал к истории имени собственного/ М. И. Стеблин-Каменский. — В кн.: Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. — с. 103 – 108.

112. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного/ А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1973. — 366 с.

113. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного. Изд. 2-е, испр/ А. В. Суперанская. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 368 с.

114. Суперанская, А. В. Структура имени собственного. Фонология и морфология / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1969. — 206 с.

115. Суперанская, А. В. Как назвать тебя, малыш? Каждому, кто хоть раз задумывался о своем имени/ А. В. Суперанская. — М.: Едиториал УРСС, 2012. — 208 с.

116. Супрун, В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография/ В. И. Супрун. — Волгоград: Перемена, 2000. — 172 с.

117. Супрун, В. И. Антропонимы в вокативном употреблении/ В. И. Супрун // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. — Екатеринбург, 2001. — Вып. 4. — № 20.

118. Сулова, А. В., Суперанская, А. В. О русских именах. — 3-е изд., испр. и доп./ А. В. Сулова, А. В. Суперанская. — Л.: Лениздат, 1991. — 222 с.

119. Сырова, В. Г. Некоторые наблюдения над личными именами в Волгограде/ В. Г. Сырова // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. — М.: Наука, 1970. — С. 325 – 330.

120. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц/ В. Н. Телия — М.: Наука, 1986. — 141 с.

121. Токвиль, А. Д. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. — М.: Прогресс, 1992. — 554 с.

122. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению: Учебное пособие для институтов и факультетов иностранных языков/ Г. Д. Томахин — М.: Высшая школа, 1988. — 239 с.

123. Топоров, В. Н. О палийской топономастике/ В. Н. Топоров // Ономастика Восюка. Исследования и материалы. — М.: Наука, 1969. — 284 с.

124. Трифонова, Е. А. Названия деловых объектов: семантика, прагматика, поэтика (на материале русских и английских эргонимов): автореф. дис. ...канд. филол. наук 10.02.19/ Екатерина Александровна Трифонова. Волгоград, 2006. — 20 с.

125. Угрюмов, А. А. Русские имена / А. А. Угрюмов. — Вологда: Сев.-Зап. книж. изд-во, 1970. — 112 с.

126. Ураксин, З. Г. Основные критерии выбора имен у башкир / З. Г. Ураксин. — Москва, 1970. — с. 182 – 185.

127. Устинович, А. К. Антропонимия Гродненщины и Брестчины XIV-XVIII вв.: автореф. дис... канд. филол. наук: 10. 02. 01/ Анна Константиновна Устинович. — Минск, 1970. — 22с.

128. Федотова, Т. В. Современный кубанский именник: интенции имянаречения/ Т. В. Федотова // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы X Международной научной конференции. — Майкоп: Редакционно-издательский отдел АГУ, 2016. – С. 235 – 239.

129. Фоменко, О. А. Неофициальные имена собственные в современном американском английском языке (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04/ Ольга Александровна Фоменко. — Краснодар, 2003. — 200 с.

130. Ханмагомедов, Х. Л. Топонимия территории со сложной географической средой и этноязыковым составом населения (на материале Дагестана): автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 11.00.02 / Х. Л. Ханмагомедов. — Баку, 1996. – 44 с.

131. Хвесько, Т. В. Дихотомия *апеллятив – онома* в языке и речи (на материале русского и английского языков): Монография/ Т. В. Хвесько. — Тюмень: ООО «Сити-пресс», 2007. – 192 с.

132. Хвесько, Т. В. Культурно-языковые аспекты формирования онимической системы/ Т.В. Хвесько // Язык и культура: сборник статей XXIII Международной научной конференции. – Томск: изд-во Томского гос. университета, 2013. – С. 112 – 114.

133. Черемисина, М. И. К вопросу о функциях личных имен в очерках М. Е. Салтыков-Щедрин. «За рубежом»/ М. И. Черемисина //Уч. зап. Тульского пед. ин-та, 1958 — Т.4. — С.45 – 65.

- 134.** Чичагов, В. К. История русских имен, отчеств и фамилий/ В. К. Чичагов. — М.: Учпедгиз, 1959. — 128 с.
- 135.** Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография/ В. И. Шаховский. — М.: Гнозис, 2008. — 416 с.
- 136.** Шаховский, В. И. Эмоции: долигвистика, лингвистика, лингвокультурология/ В.И. Шаховский. — М.: ЛИБРОКОМ, 2010. — 128 с.
- 137.** Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография/ Е. И. Шейгал. — Волгоград: Перемена, 2000. — 367с.
- 138.** Шварцкопф, Б. С. О социальных и эстетических оценках личных имен/ Б. С. Шварцкопф // Ономастика и норма. — М.: Наука, 1976. — С. 47 – 59.
- 139.** Шварцкопф, Б. С. Изучение оценок речи как метод исследования в области культуры речи [Гл. 16]/ Б. С. Шварцкопф // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 415 – 424.
- 140.** Шмелева, Т. В. Языковая рефлексия/ Т. В. Шмелева // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. — Вып. 1 (8). — Красноярск, 1999. — С. 108 – 110.
- 141.** Шустрова, Е. В. Афроамериканский английский — В 2-х т. — Т. 1. Лексика и текст/ Е. В. Шустрова. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 640 с. — Т. 2. Семантические переносы и сдвиги. — М.: Флинта: Наука, 2008. — 648 с.
- 142.** Ясинская, М. В. Варвара варит, Герман гремит. Народно-этимологическая интерпретация имен святых / М. В. Ясинская // Живая старина. — 2003. — № 3. — С. 5 – 7.
- 143.** Algeo, J. On defining a proper name /J. Algeo — Gainesville: University of Florida Press, 1973. — 94 p.
- 144.** Ashley, L. R. N. What's in a Name?/ L. R. N. Ashley. Genealogical Publishing Co., Inc. Baltimore, 1991. — 170 p.
- 145.** Busse, T. V. Nicknames: Usage in American high school/ T. V. Busse // Names. — Berkeley, 1983. — Vol. 31. — №4. — P. 300 – 306.

146. Dickson, P. Names: A collector's compendium of rare and unusual, bold and beautiful, odd and whimsical names/ P. Dickson. — New York: Delacorte press, 1996. — 282 p.

147. Evans, C. K. Baby Naming Trends/ C. K. Evans [Электронный ресурс]. Режим доступа: [<http://people.howstuffworks.com/baby-name-trends-ga.htm>].

148. Gardiner, A. The Theory of Proper Names: A Controversial Essay/ A. Gardiner. — 2nd ed. — London: Oxford Univ. Press, 1954. — 76 p.

149. Garnham, A. Psycholinguistics Central Topics/ A. Garnham. — Jan 1, Cognition, 1985. — 269 p.

150. Holland, Th. J. The Many Faces of Nicknames/ Th. J. Holland // Names. 1990.— Vol. 38. — №4. — P. 255 – 269.

151. Jackson, B. Prison Nicknames/ B. Jackson // Western Folklore. 1967. Vol. XXVI. — №1 – 2. — P. 48 – 54.

152. Langendock, W. Theory and Typology of Proper Names / W. Langendock — Berlin: Mouton de Gruyter, 2007. — 378 p.

153. Larson, Carlton F.W. Naming Baby: The Constitutional Dimensions of Naming Rights. George Washington Law Review (November 2011). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.gwlr.org/wp-content/uploads/2012/06/80-1-Larson.pdf>].

154. Lawson, E. D. Men's first names, nicknames and short names: a semantic differential analysis/ E. D. Lawson // Names. — Berkeley, 1973. — Vol. 21. — №1. — P. 22 – 27.

155. Leslie, P. L., Skipper, J. K. Toward a Theory of Nicknames: A Case for Socio-Onomastics/ P. L. Leslie, J. K. Skipper // Names. 1990. Vol. 38. — №4. — P. 273 – 283.

156. Mencken, H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States: Abridged/ H. L. Mencken. — London: Routledge and Kegan Paul, 1963. — 777 p.

157. Morgan, J., O'Neill, Ch., Harre, R. Nicknames. Their origins and social consequences. / J. Morgan, Ch. O'Neill, R. Harre, — London, 1979.

158. Nicolaisen, W. F. H. In the Beginning Was the Name/ W. F. H. Nicolaisen // Names. — Vol. 47., 1999. — 185 с.

159. Pisoschi, C. On the current perception of proper names/ C. Pisoschi // Names and naming: proceedings of the second International Conference on Onomastics: onomastics in contemporary public space. — Cluj-Napoca: Mega: Argonaut, 2013. — P. 52 – 68.

160. Pyles, Th. Onomastic Individualism in Oklahoma/ Th. Pyles // American Speech. — 1947. — №2 – 4. — P. 257 – 263.

161. Seeman, M.V. The unconscious meaning of personal names/ M.V. Seeman // Names. — Berkeley, 1983. — Vol. 31. — №4. — P. 237 – 244.

162. Skipper, J. K. Nicknames, Coal Miners and Group Solidarity/ J. K. Skipper // Names. 1986. Vol. 34. — P. 134 – 145.

163. Skipper, J.K. Placenames Used as Nicknames: A Study of Major League Baseball Players/ J. K. Skipper // Names. 1990. — Vol. 38. №1-2. — P. 1 – 20.

164. Skipper, J. K., Leslie P.L. Women, Nicknames, and Blues Singers/ J. K. Skipper // Names. 1988. — Vol. 36. №3-4. — P. 191 – 201.

165. Steinmetz, K. From Messiah to Hitler, what you can and cannot name your child /K. Steinmetz // Time Magazine. (August 12, 2013). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://nation.time.com/2013/08/12/from-messiah-to-hitler-what-you-can-and-cannot-name-your-child/>].

166. Winograd, T. Language as a Cognitive Process. Volume 1: Syntax/ T. Winograd. — Addison-Wesley, Reading, Mass. and London, 1983. — P. 143 – 147.

167. Wu, E. D. “They call me Bruce, but they won’t call me Bruce Jones”: Asian American Naming Preferences and Patterns/ E. D. Wu // Names. — New York, 1999. — Vol. 47. — №1. — P. 21– 49.

**Лексикографические источники
и принятые сокращения**

1. Леонтович, О. А., Шейгал, Е. И. Жизнь и культура США: англо-русс. лингвострановедческий словарь/ О. А. Леонтович, Е. И. Шейгал. — Волгоград: Страница-2, — изд. 2-е., испр. и доп., 2000 — 416 с.
2. Суперанская, А.В. Словарь русских личных имен/ А.В. Суперанская. — М.: Изд-во. Эксмо, 2003. — 544 с.
3. Митрофанова О. Д. Словарь русских личных имен/ О. Д. Митрофанова. — М.: Наука, 1980. — 406 с.
4. [ССТ] – Словарь социолингвистических терминов. — М.: Институт языкознания РАН, 2006. // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.iling-ran.ru/library/sociolingva/slovar/sociolinguistics_dictionary.pdf].
5. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии/ Н.В. Подольская. — Изд. 2-е. М.: «НАУКА», 1988. — 187 с.
6. Рыбакин, А. И. Словарь английских личных имен/ А. И. Рыбакин. — М.: АСТ, Астрель, 2000. — 224 с.
7. Тихонов, А. Н., Бояринова, Л. З., Рыжкова, А. Г. Словарь русских личных имен/ А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рыжкова. — М.: Школа-Пресс, 1995. — 736 с.
8. Тупиков, М. Н. Словарь древнерусских личных собственных имен/ М. Н. Тупиков. — СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1903. — 864 с.
9. Унбегаун, Б. О. Русские фамилии/ Б. О. Унбегаун. — М.: Прогресс, 1989. — 435 с.
10. Americana. Лингвострановедческий словарь. — Смоленск: Полиграмма, 1996. — 1420 с.
11. Crystal, D., The Cambridge Encyclopedia of the English Language/ D. Crystal Cambridge University Press, New York, 1995.
12. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language/ D. Crystal — 2nd ed. — Cambridge University Press, UK, 1997.

13. [LDELС] – Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 1998.

14. [СED] – Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.collinsdictionary.com>].

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

АО — «Альфа-Омега» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://alpha-omega.su/index/0-197>].

ТВ — Тематический форум «Вместе» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://tema-vmeste.ru/viewtopic.php?id=1446>].

ШТ — «Шаная Твейн» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://shania.net.ru/press-comeonover.php>].

HSW — «How Staff Works» — Evans С. К. Baby Naming Trends [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://people.howstuffworks.com/baby-name-trends-ga.htm>].

SM — «SurveyMonkey» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [[https://ru.surveymonkey.com/.](https://ru.surveymonkey.com/)]

BNW — «Babynamewizard» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.babynamewizard.com>].

NB — «Nameberry» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://nameberry.com>].

ВН — «Behindthename» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.behindthename.com/>].

FC — «FamilyClub» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://forum.familyclub>].

JF — «Jenskiyforum» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://jenskiyforum.ru>].

ДМР — «Дети Майл Ру» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<https://touch.deti.mail.ru/>].

БР — «Бэби Ру» — «Почему вы именно так назвали своего ребенка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.baby.ru/blogs/post/422776783-422767296/?page=2>].

БР — «Бэби Ру» — «Анджелина Джоли и ее семья» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.baby.ru/community/view/125996/forum/post/82571192>].

ДР — «Деточка Ру» — «Как вы назвали своего ребенка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://forum.detochka.ru/index.php?showtopic=1276&st=60>].

DR — «Diets.ru» — «Кто придумал имя вашему малышу» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.diets.ru/post/263364/>].

ВЗ — «Взгляд. Деловая газета» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://vz.ru/news/2009/2/18/257635.html>].

ЖН — «Железногорские новости» — «W.RU не имя для ребенка» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.ferumnews.ru/straight-lines/10247-wru--ne-imja-dlja-rebenka.html>].

BR — «Большой Ростов» — «В России запретят экзотические имена для детей» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://big-rostov.ru/v-rossii-zapretyat-ekzoticheskie-imena-dlya-detej/>].

FR «Factroom» — «Как живут дети по имени Люцифер и Адольф Гитлер» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.factroom.ru/life/strange-names/>].

WP — «Womenparadise» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://womenparadise.ru/>].

DR — «Doshkolyonok.ru» «Дети знаменитостей и их необычные имена» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://doshkolyonok.ru/deti-znamenitostey-i-ih-neobyichnyie-imena>].

ON — «Online 812» «Какими именами можно называть детей в честь Путина и Медведева» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.online812.ru/2011/07/28/008/>].

НН — «ННПОРТАЛ» «Призрак Кукуцаполя и Даздрапермы: омскую девочку назвали Медмиа - в честь президента» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://nnportal.org/forums/arhiv-obsujdenie-vstrechi-obshchenie-f976/medmia-i-vlapunal-prizraki-kukucapolya-i-dazdrapermi-t418364.html\]](http://nnportal.org/forums/arhiv-obsujdenie-vstrechi-obshchenie-f976/medmia-i-vlapunal-prizraki-kukucapolya-i-dazdrapermi-t418364.html).

ВВ — «Babyblog» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[https://www.babyblog.ru/\]](https://www.babyblog.ru/).

ЛО — «Littleone.ru» Почему вы называете детей популярными именами [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://2009-2012.littleone.ru/archive/index.php/t-3852308.html\]](http://2009-2012.littleone.ru/archive/index.php/t-3852308.html).

СМ — «Севастопольские Мамочки» Какие сокращения ваших имен вам не нравятся/нравятся? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://sevmama.info/forum/2-1291-1\]](http://sevmama.info/forum/2-1291-1).

DN — «Devushkam.net» Что в имени тебе моем? Нравятся ли нам наши имена? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://www.devushkam.net/showthread.php?t=9965&page=19\]](http://www.devushkam.net/showthread.php?t=9965&page=19).

WW «W-World» Нравится ли вам ваше имя? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://www.w-world.ru/forum/viewtopic.php?t=1682&start=30\]](http://www.w-world.ru/forum/viewtopic.php?t=1682&start=30).

МС — «Мир Снов» А нравится ли вам свое имя? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://forum.mirsnov.com/topic410-6.html\]](http://forum.mirsnov.com/topic410-6.html).

ПО — «Пышки Online» Нравится ли вам ваше имя? А хотели бы вы, чтобы вас звали иначе? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://feedee.ru/forums/index.php?showtopic=3457>.

ЖФЗ — «Женский Форум Запорожья» Нравится ли вам ваше имя? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://woman.zp.ua/forum/viewtopic.php?f=177&t=2515&sid=1e05354967845334aea1135c94781bdd&start=20\]](http://woman.zp.ua/forum/viewtopic.php?f=177&t=2515&sid=1e05354967845334aea1135c94781bdd&start=20).

KS — «Kidstaff» Назвали в честь умершей бабушки - как вы к этому относитесь? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [\[http://sovet.kidstaff.com.ua/question-1269477\]](http://sovet.kidstaff.com.ua/question-1269477).

ER — «Eva.ru» Женское короткое имя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://eva.ru/kids/messages-3031965.htm>].

KR — «Kleo.ru» Почему вам не нравится свое имя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.kleo.ru/items/psycho/pochemu_vam_ne_nravitsya_svoe_imya.shtml].

VK — «Vkontakte.com» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<https://vk.com/>]

RA — «Rebro-a-dama» А вы хотели бы поменять ...имя? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://rebro-a-dama.livejournal.com/553396.html?page=2#comments>].

LN — «Lovehate» Про мужское имя Женя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.lovehate.ru/opinions/42900>].

ГР — «Галя Ру» Я ненавижу свое имя, есть ли среди вас такие, которые тоже не любят свое имя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.galya.ru/clubs/show.php?dlimit=300&p=3&id=206073#allcomments>].

МО — «Mail Online» «Parents who named children 'Adolf Hitler' and 'Aryan Nation' will not receive custody of newborn son Hons». — *Daily Mail UK*. 23 November 2011 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.dailymail.co.uk/news/article-2063487/Parents-named-children-Adolf-Hitler-Aryan-Nation-wont-receive-custody-newborn-son-Hons.html>].

СМ — «Страна Мам» Девочки, расскажите, почему Вы назвали своего ребенка так, как назвали [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.stranamam.ru/post/1135688/>].

BC — «BigCity» Нравится ли вам свое имя? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://www.bigcity.com.ua/blog/p1629>].

WSP — «Все для женщины в Петербурге» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [<http://womanspb.ru/forum/razdel30/tema32203/skip120/>].

Использование программы surveymonkey.com. для интернет-опроса (образцы анкет)

Names of children in America

1. My son's/ daughter's name is....(If you have several children, write about each of them)

2. We have chosen this name, because.....

3. If there is a story, connected with the name, please, write it.

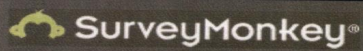
4. Your sex, age and level of education

Готово

При поддержке

Смотрите, как легко [создать опрос](#).

Предварительный просмотр и
тестирование

Сбор отзывов

Отмена

Personal Names in America

Please, complete these statements:

1. I like my name, because...

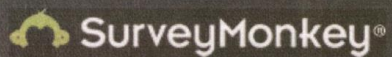
2. I don't like my name, because...

3. I like when they call me....., because.....

4. I don't like when they call me....., because.....

5. If there is a story, connected with your name, please, write it

6. Your age, sex and level of education

Предварительный просмотр и
тестирование

Сбор отзывов

Отмена

Приложение 2

Использование международного ресурса «Facebook» для интернет-опроса

31.08.2016 Бойкова Татьяна

Бойкова Татьяна Бойкова Главная Найти друзей

Бойкова Татьяна Обновить информацию

Хроника **Информация** Друзья 78 Фото Еще

Бойкова, в какой средней школе вы учились? Заполнено: 8/9

- Школа 12**
Средняя общеобразовательная школа № 7
Татьяна Чубарь училась здесь.
- Школа №6**
Оксана Евтушенко училась здесь.
- Phillis Wheatley High School AKA Brackenridge High School**
Batty Lagred училась здесь.

Укажите среднюю школу

Доступно всем Пропустить Сохранить

О себе

Опишите себя

- Работала в компании «Volograd State Technical University - VolgTU»
- Училась в ВГСПУ
- Живет в г. Волгоград, Волгоградская обл.
- Из г. Тверь, Тверская обл.
- Подписчики: 6 человек

Добавьте избранные фото

Покажите до 5 своих любимых фото

Фото Нет материалов для показа

Статус Фото/видео Событие из жизни

О чем вы думаете?

Доступно всем Отправить

Бойкова Татьяна сделала публикацию через «SurveyMonkey».

Бойкова Татьяна
24 июля 2015 г. · SurveyMonkey · €

Нравится Комментарий Поделиться

Написать комментарий...

Бойкова Татьяна
11 июля 2015 г. · SurveyMonkey · €

Нравится Комментарий Поделиться

Написать комментарий...

Бойкова Татьяна обновила фото обложки.
12 сентября 2014 г. · €

Поиск